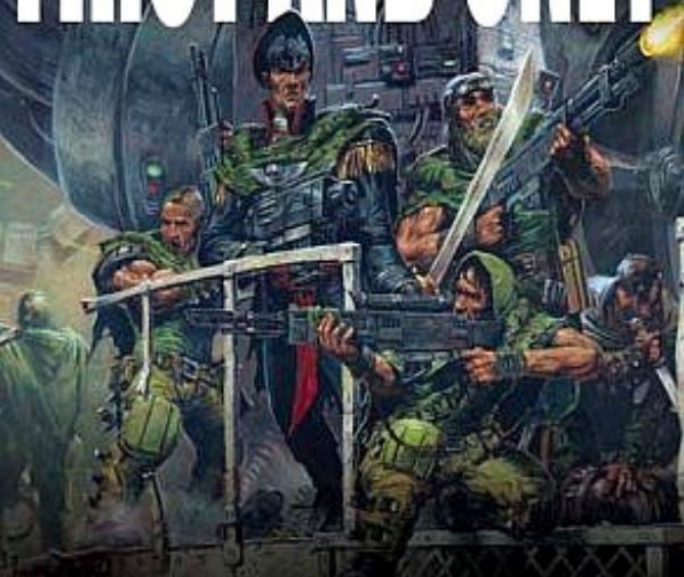

DAN ABNETT

"Dan Abnett is
brilliant..."
Enigma

FIRST AND ONLY

A GAUNT'S GHOSTS NOVEL

Annotation

Первый роман знаменитого цикла Дэна Абнетта «Призраки Гаунта» раскрывает новые грани грандиозной вселенной Warhammer 40000! Впервые на русском языке!

В юности Убраму Гаунту было предсказано, что однажды от него будет зависеть судьба Империи. Спустя годы комиссар-полковник Гаунт, возглавляющий Первый Танитский полк, который собрал всех, уцелевших после гибели планеты Танит, стал замечать, что предсказание, похоже, начинает сбываться. Отправившись со своими Призраками -- такое прозвище получили гвардейцы Гаунта -- на пораженную силами Хаоса планету в мирах Саббаты, полковник-комиссар столкнулся с предательством, зревшим в самых высоких эшелонах власти, с мутантом-инквизитором, потерявшим человеческий облик, и ценою жизней многих своих Призраков предотвратил катастрофу. В этой битве

окрепло боевое братство комиссара-полковника Убраты Таунта и его Призраков, гвардейцев Первого Танитского полка. Первого и Единственного.

- Дэн Абнетт

-

- ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

- ЧАСТЬ ВТОРАЯ

- ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

- ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

- ЧАСТЬ ПЯТАЯ

- ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

- notes

- 1

- 2

Дэн Абнетт «Первый и Единственный»

Посвящается Ник, первой и
единственной

В честь победы
великого воентейстера Слайдо
на Кхүлене
Верховные лорды Терры
возложили на него священный
долг
возглавить освободительный
крестовый поход
в тиры Саббаты ---
скопление в сотню обитаемых
систем на границе
сегмента Пацификус.

На кораблях могучего боевого
флота
в тиры Саббаты вступила
армия
Имперской Гвардии числом
около триллиона.
Ее поддержали Агентус
Астартес
и Агентус Механикус, чтившие
соглашения
с военлейстером Слайдо.
Но прошествии десяти
кровопролитных лет
упорного наступления
Слайдо одержал великую победу
на Бальгауте,
открывшую путь к самому
сердцу тиров Саббаты.
Но на этом поле битвы Слайдо
нашел свою гибель.
Его генералы погразли в ссорах и
распрах,
желая занять его место.
Наиболее вероятным его
преемником
был действительный верховный

лорд-генерал Дравер,
но Слайдо успел назначить
молодого командира ---
Макаромта.

Во главе с военлейстером
Макаромтом
крестовый поход шагнул в свое
второе десятилетие
и глубже в тиры Саббаты.
К битвам, в сравнении с
которыми
Бальгаут казался всего лишь
жалкой перестрелкой.

Из Устории поздних
имперских крестовых
походов

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Нубилийский Пролив

Над поверхностью многотонной глыбы нефрита, медленно вращавшейся в пустоте, низко шли два перехватчика типа «Фауст». Они сбросили скорость, двигаясь по инерции. Свет тормозных огней струился по стальной обшивке. За перехватчиками расстилалась шафрановая дымка туманности, называемой Проливом Нубилы. Она тянулась на тысячи световых лет, окутывая окраины миров Саббаты мутным покровом.

«Фаусты» формой напоминали наконечники стрел глиною в сотню шагов от острого носа и до срезанной кормы. Это были небольшие мощные корабли, похожие на зазубренные шпильи собора, контрфорсные арки надстройки скрывали двигатели на корме, бортовую броню украшали имперские орлы и зеленые опознавательные знаки флота сегмента

Пацификус.

Заключенный гидравлической ратой безопасности в командирском кресле ведущего корабля, капитан летного крыла Тортен ЛаХейн снизил темп сердцебиения вместе со скоростью машины. Синхронные контакты мыслеуправления, встроенные в его мозг жрецами Агентус Механикус, сделали его организм частью древних систем корабля. Он жил и дышал каждым движением, энергетическим импульсом и сигналом машины.

ЛаХейн был ветераном с двадцатью годами службы за плечами и пилотировал перехватчик «Фауст» так долго, что воспринимал его как продолжение собственного тела. Он оглянулся на навигационную рубку по командирским тостиком, где работал его офицер-наблюдатель.

— Ну, так что? — спросил он по внутренней связи.

Наблюдатель сверил свои вычисления с мерцающими на дисплее символами.

— Право руля пять градусов. По словам астроната, нам нужно последний

раз пройти по краю газового облака и
возвращаться к флоту.

Послышался шепот. Сгорбившийся в
своей люльке астронавт вздрогнул. Сотни
тонких проводов тянулись от разъёмов в
его черепе к мощным сенсорным
устройствам в гнище «Фауста». Каждый
провод был отмечен желтым кусочком
пергамента, покрытым письменами.
Меньше всего ЛаХейн хотел знать, что
там написано. Пахло уже прогоркившими
маслами и ладаном.

--- Чего он бормочет? ---
интересовался ЛаХейн.

--- Кто его знает? --- пожал плечами
наблюдатель. --- Кому какая разница?

Мозг астронаута постоянно
обрабатывал огромные массивы
астрографических данных, вливавшихся в
него через сенсорные системы корабля.
Кроме того, он следил за окружающим
варп-пространством.

Маленькие
патрульные корабли с астронаутами на
борту были системой раннего оповещения
флота. Такая работа выматывала разум
псайкера, поэтому стоны и гримасы на его

лице никого не беспокоили. Бывало и хуже.
На прошлой неделе корабль ЛаХейна шел
через поле астероидов, богатых никелем, и
псайкер забился в конвульсиях.

--- Проверка готовности, --- произнес
ЛаХейн по внутренней связи.

--- Хвостовая турель готова! ---
проскрежетал сервитор в корме корабля.

--- Бортмеханик готов, во имя
Императора! --- откликнулись из
двигательного отсека.

ЛаХейн связался с ведомым.

--- Мозелль... давай вперед, начинаем
поиск. Мы пойдем чуть позади, посмотрим
еще раз. Потом разворачивается к дому.

--- Вас понял, --- ответил пилот
второго корабля, и его судно вырвалось
вперед, оставляя мерцающий шлейф.

ЛаХейн уже собирался последовать за
ним, когда на связь вышел его астронавт.
Чтобы он говорил с экипажем --- это было
редкостью.

--- Капитан... следуйте указанным
координатам и ждите. Я получаю сигнал.
Сообщение... из неизвестного источника.

ЛаХейн последовал инструкции, и

корабль зашел на вираж. Двигатели
ответили белыми вспышками.
Наблюдатель установил сенсоры на полную
мощность.

--- Что там такое? --- нетерпеливо
спросил ЛаХейн. Неожиданное отклонение
от тщательно проложенного курса его не
обрадовало.

Астронавт откашлялся, чтобы
ответить.

--- Астронавтическая передача
пробивается через барн с предельно
далекого расстояния. Я должен получить
ее полностью и передать командованию
флота.

--- Зачем? --- снова спросил ЛаХейн.

Все это было слишком странно.

--- Я чувствую, что сообщение
секретно. Разведданные высшего уровня.
Уровень Вертильон^[1].

Последовала долгая пауза. Тишина на
маленьком корабле нарушалась только
гулом двигателя, треском дисплеев и
жужжанием воздухоочистителей.

--- Вертильон, --- выдохнул ЛаХейн.

Вертильон --- высший уровень секретности, используемый шифровальщиками Крестового похода. Незвестный никому, почти легендарный. Даже планы главных военных операций имели более низкий уровень, Пурпурный. Капитан почувствовал, как холодеют кисти рук, а сердце колотится о ребра. И в ответ угрожал реактор самого перехватчика. ЛаХейн сглотнул. Обычный день вдруг стал невероятным, беспрецедентным. Он знал --- эту информацию нужно получить быстро и до последней капли. Любой ценой.

--- Сколько нужно времени? --- вернулся на связь ЛаХейн.

--- Ритмал требует нескольких мгновений, --- пришел ответ после новой паузы. --- Не беспокойте меня, чтобы я мог сконцентрироваться. И дайте мне столько времени, сколько возможно.

В голосе астронавта слышались усталость и напряжение. Через секунду он уже шептал молитву. Температура в кабине ощутимо упала. И словно вздохнуло какое-то неведомое существо.

ЛаХейн нервно сжал штурвал, чувствуя, как безут по коже мурашки. Он ненавидел колдовство псайкеров. Он чувствовал во рту его резкий, горький привкус. Под кислородной маской скапливался холодный пот. «Быстрее уже!» — мысленно торопил он... Слишком много времени уходит. Корабль бездействует, уязвимо дрейфует в пустоте. И еще ЛаХейн хотел, чтобы исчезли проклятые мурашки.

Шепот астронаута не прекращался. Через смотровую щель ЛаХейн видел розоватый туман, тянувшийся над его кораблем куда-то в самое сердце звездного скопления. Мерцающий путь глиною в миллиард километров. Холодный, жесткий свет древних звезд сочился, как расцветные лучи сквозь паутину. Темные бутоны газовых облаков распускали свои лепестки и неспешно кружились в холодном вакууме.

--- Противник! --- раздался неожиданный выкрик наблюдателя. --- Три! Нет, четыре! Быстрые, как черти, и идут прямо на нас!

--- Угол атаки и упреждения время? ---
немедленно собрался ЛаХейн.

Следуя спешно переданным
координатам, ЛаХейн развернул судно.

--- Цель быстро приближается! ---
повторил наблюдатель. --- Трон Терры, ну
они и гонят!

ЛаХейн бросил взгляд на дисплей и
замечил на краю навигационной сетки
мерцающие символы.

--- Активировать защитные системы!
Орудия к бою! --- выкрикнул он.

Ожили зарядные устройства носовой
турели, с треском подававшие снаряды в
автопушки. Загудели энергоблоки,
питающие основные плазменные орудия.

--- Крыло-два --- Крыло-один! --- Дальняя
вокс-связь донесла крик Мозелля. --- Я
окружен! Уходите! Именем Господа нашего
Императора заклинаю, уходите!

Второй перехватчик тчался к
ведущему на полной скорости. Мощная
оптика корабля ЛаХейна, подключенная к
пилоту через системы кабины, позволила
ему разглядеть машину Мозелля за
тысячу километров. За ним медленно,

почти лениво скользили крылатые тени.
Хищные силуэты кораблей Хаоса.
Мерцающие очереди в багровой мгле.
Ядовито-желтые, смертоносные потоки
трассеров.

Вопль Мозелля огласил канал вокса и
оборвался.

Мчащийся перехватчик пропал в
раздувающимся пузыре пламени. Три
вражеские машины вспороли острыми
крыльями этот погребальный костер.

--- Они заходят на нас! Поворачивает!
--- прокричал ЛаХейн и круто развернул
«Фауст», включив двигатели. Затем
бросил астронавта: --- Сколько там еще?

--- Сообщение принято. Я... передаю... ---
Астронавт уже задыхался, напрягая силы до
предела.

--- Давай быстрее! У нас не осталось
времени!

«Фауст» дернулся, двигатели
извергли голубой жар.

ЛаХейна всегда приводила в восторг
несня реактора в его собственной крови. Он
вел корабль на пределе допустимой
нагрузки. Экран усеяли ярко-желтые

значки предупреждений. ЛаХейна медленно вдавливало в старую, потрескавшуюся кожу его командирского кресла.

В хвостовой турели сервитор развернул автомашки в поисках цели. Он не видел нападших, но видел их присутствие — пятна черноты среди мерцания звезд.

Кордовые орудия объявили о своем пробуждении раскаленным алым потоком гиперзвуковых снарядов.

В кабине надрывались сирены экстренного оповещения. Несколько вражеских машин навели орудия и захватили цель. Откуда-то снизу офицер-наблюдатель орал ЛаХейну о маневре уклонения. Бортмеханик Манус что-то кричал по внутренней связи об утечках в системах подачи топлива.

ЛаХейн оставался спокоен.

— Все в порядке? — спросил он астронавт.

Еще одна долгая пауза. Астронавт бессильно развалился в своей люльке. Он был уже при смерти, мозг разрушался от

перенапряжения. Но он успел прошептать:
«Все готово».

ЛаХейн заложил крутой вираж и
развернулся по широкой дуге, оказавшись к
противнику лицом — и мощной батареей
плазменных орудий. Он не мог сбежать или
перебить всех. Но, именем Императора, он
заберет с собой хотя бы одного.

Носовые орудия обрушили на врага
очередь тысяч снарядов в секунду.
Плазменные пушки исторгли в пустоту
поток сияющей смерти. Одна из теней
взорвалась шаром яркого пламени.
Обломки фюзеляжа и каркас еще
двигались, влекомые огненной волной
пылающего топлива.

ЛаХейну удалось сбить еще одного.
Снаряд вспорол днище второго
истребителя, а декомпрессия вышвырнула
его внутренности в пустоту. Он лопнул,
как воздушный шарик, завертевшись под
мощными ударами и разбрызгивая свое
содержимое раскаленным дождем.

Мгновение спустя ядовитые снаряды
прошили «Фауст» от носа до кормы, словно
чуждые иглы. Осколки разнесли голову

астронаута, разорвали в клочья наблюдателя. Один из осколков убил бортмеханика и уничтожил блокировочные механизмы реактора.

Сразу вслед за этим давление разорвало перехватчик типа «Фауст», как стеклянную бутылку. Сверхмощный взрыв ядра реактора испарил весь корабль вместе с ЛаХейном.

Ореол взрыва разнесся на восемьдесят километров и растаял в переливах туманности.

ВОСПОМИНАНИЕ

Даренгара, двадцать лет назад

Зимний дворец был осажден. В роце на северном берегу затерзшего озера грохотали полевые орудия Имперской Гвардии. Их тоже уже присыпал снег, и каждый громоподобный залп страхивал на них очередную порцию белого крошева с ветвей. Казенники орудий выбрасывали

вздыгающиеся латунные гильзы на снег, который неумолимо превращался в грязное месиво.

Тем временем дворец за озером погибал. Одно его крыло охватил огонь. Снаряды вырывали куски каменной плоти из его высоких стен, сметали огромные арки, поднимали в воздух обломки плит и перекрытий, вздымали облака снежной пыли, странно похожей на сахарную пудру. Некоторые снаряды не долетали и вспарывали ледяной покров озера, порождая фонтаны холодной воды, грязи и острых осколков.

Комиссар-генерал Делейн Октав, старший политический офицер гирканских полков, наблюдал за обстрелом в полевую оптику из своего вездехода, выкрашенного в зимний камуфляж. Когда командование флота послало гирканские части подавить восстание на Даренгаре, он предвидел, что этим все и кончится. Печальная, кровавая развязка. Сколько раз они давали сепаратистам шанс сдаться?

Слишком часто, если верить этому куску крысиного дерьма, полковнику

Драверу, командиру бронетанковых бригад, поддерживавших наступление гирканской пехоты. Октар знал, что Дравер с одобрением будет писать об этом в своем докладе. Этот карьерист благородных кровей держался за перила карьерной лестницы так крепко, что мог легко топтать нижестоящих конкурентов обеими ногами.

Октару было глубоко наплевать на него. Главное — победа, а не слава. Его власть комиссара-генерала была неоспоримой. Никто не сомневался в его стойкой верности Императору, основным догматам идеологии или в яростной искренности его речей, неизменно вдохновлявших солдат. Войну он считал несложным делом, в котором осторожность и самообладание позволяли выигрывать многое за меньшую цену. Слишком часто он наблюдал обратное. Высшие эшелоны командования Имперской Гвардии верили в теорию войны на истощение. Любого врага можно стереть в порошок, бросив в бой достаточно солдат. И Гвардия в их представлении была

неиссякаемым источником пышечного мяса
как раз для таких случаев.

Такой подход был Октару мало
сказать неприятен — отврагителен. И он
обучал офицерский состав гирканцев тому
же. Он научил генерала Кернавара и его
подчиненных ценить жизнь каждого
человека. Из шести тысяч гирканских
солдат большинство он знал по именам.
Комиссар был с ними с самого начала, со
дня Основания на плато Гиркана —
огромных, продуваемых всеми ветрами
индустриальных пустошах, среди трав и
гранитных глыб. Там были собраны шесть
полков. Шесть гордых полков, первые из
долгой династии гирканских солдат,
которые вознесут имя своей родины на
вершины почетных списков Имперской
Гвардии, основание за основанием. Октар
возлагал на них такие надежды.

Они были храбрецами. Октар не стал
бы разбрасываться их жизнями и не
позволил бы офицерам так поступать.
Комиссар бросил взгляд на границу леса,
где артиллерийские расчеты суетились
вокруг орудий. Гирканцы были

светлокожими, худощавыми, но сильными людьми. Их волосы почти не имели цвета, и они стригли их очень коротко. Они носили темно-серую форму, бежевые портупеи и фуражки с короткими козырьками. По случаю холодов они были в длинных шинелях и перчатках. Носившие заряжающие орудий разделись до бежевых трусиков, портупеи свободно болтались у бедер. Сгорбившись, они подносили снаряды, пригибались при звуках сокрушительных залпов. Посреди этих снежных пустошей, где дыхание обращалось в пар, странно было видеть полуголых людей. Они двигались сквозь облака пороховых газов, в своих тонких майках, потные и покрасневшие.

Комиссар знал сильные и слабые стороны каждого бойца. Знал, кого послать в разведку, кому поручить работу снайпера, кто способен возглавить атаку, кто — расчищать минные поля, резать колючую проволоку или допрашивать плененных. Он ценил военные таланты каждого человека. И не собирался впустую разменивать их жизни. Вместе с

генералом Кернаваром они будут использовать людей сообразно их способностям. И они будут побеждать, побеждать и снова побеждать. Побеждать в сто раз чаще тех, кто использует своих солдат в качестве живого щита на переговорах.

Люди вроде Дравера... Октар боялся представить, что это животное способно натворить, командуя подобными сражениям. Пусть этот визгливый коротышка с накрахмаленным воротничком выдвигается перед высшим командованием сколько ему угодно. Пусть выставляет себя дураком. Так или иначе, это не его победа.

Октар спрыгнул с платформы и протянул трубу сержанту.

— Где там наш Мальчик? — спросил он своим мягким, проникновенным тоном.

Сержант ухмыльнулся: Мальчик ненавидел, когда его так называли.

— Руководит батареями на возвышенности, комиссар-генерал. — Он ответил на безупречном низком готике, чуть сдобренном гортанным акцентом

Гиркана.

--- Вызови его сюда, ко мне, --- велел Октар, потирая руки, чтобы разогнать кровь. --- Думаю, пора ему продвигаться.

Сержант уже собирался идти, но обернулся и переспросил:

--- В смысле --- продвигаться по службе или продвигаться к врагу?

--- Одно без другого не бывает, --- по-волчьи оскалился Октар.

Сержант спешно взобрался на гребень холма, к батарее полевых орудий. Здесь не осталось деревьев после налета повстанческой авиации неделю назад. Бледную кору содрало с переломанных стволов. Земля под снегом была покрыта мелкой щепой, ветками и благоухающей хвоей. Конечно, больше таких налетов не повторится. Не сейчас. Авиация сепаратистов базировалась на двух аэродромах к югу от зимнего дворца. Танковые части полковника Дравера не оставили от них и камня на камне.

Не сказать, чтобы повстанцам было чем похвастаться в воздухе. Что-то около

шестьдесяти устаревших, оснащенных катапультами самолетов, вооруженных скорострельными пушками под крыльями и подвесками для небольшого запаса бомб. Однако сержант в тайне восхищался противником. Ведь они старались из всех сил. Шли на невероятный риск, чтобы нанести максимальный ущерб, при этом даже не имея нормальных прицельных устройств. Наверное, он никогда не забудет тот самолет, уничтоживший бункер связи в заснеженных горах две недели назад. Машина два раза прошла на бреющем полете сквозь плотный огонь зенитных батарей, чтобы разглядеть цель. Можно было разглядеть лица пилота и стрелка при каждом заходе — они подняли колпак кабины, чтобы видеть цель.

Храбрые... Отчаявшиеся. Что, по мнению сержанта, почти одно и то же. По словам комиссара-генерала, еще и целеустремленные. Они ведь знали, что проиграли эту войну еще до того, как начали ее. И все же они попытались отколоться от Империи. Сержант знал,

что Октар проникся к ним уважением. У
сам он уважал комиссара за то, что тот
постоянно убеждал начальника штаба
дать повстанцам шанс сдаться. Какой
прок в бессмысленных жертвах?

Но до сих пор сержант вздрагивал,
вспоминая, как полуторатонная бомба в
одно мгновение оставила от бункера лишь
воронку. Так же как до этого радовался
тому, что грохочущие орудия зенитных
«Тигр» изрешетили набирающий высоту
самолет. Машина вздрогнула, будто от
удара, вздернула хвост. И начала падать,
катиться по небу огненным колесом в
своем долгом смертельном полете к роже
вдалеке.

Сержант добрался до вершины холма
и тут же заметил Мальчика. Тот был на
позиции, подавал заряжающим снаряды из
ящиков, спрятанных под защитным
навесом. Бледный, высокий, стройный и
крепкий, Мальчик немного пугал
сержанта. Когда-нибудь Мальчик станет
настоящим комиссаром, если, конечно,
смерть не приберет его. А пока он
пребывал в звании комиссара-кадета и

служил своему наставнику Октару с энтузиазмом и неисчерпаемой энергией. Как и комиссар-генерал, Мальчик не был гирканцем. Сержант подумал --- должно быть, первый раз в жизни, --- что не знает, откуда он родом. Впрочем, Мальчик и сам вряд ли знал.

--- Комиссар-генерал желает видеть тебя, --- бросил сержант, подойдя поближе.

Мальчик извлек из ящика еще один снаряд и передал артиллеристу.

--- Ты меня вообще слышишь? --- поинтересовался гирканец.

--- Слышу, --- отозвался комиссар-кадет Убрам Таунт.

Он знал, что это проверка. Знал, что на него теперь ложится ответственность и главное --- не сплеховать. Это шанс доказать Октару, что у него, Убрама Таунта, есть задатки комиссара.

Четких сроков обучения комиссара-кадета не существовало. После учебы в Схоле Прогениут и базовой гвардейской подготовки кадет продолжал обучение прямо на поле боя. Присвоение ему полного

звания комиссара было в юрисдикции его старшего офицера. Октав, и только он, мог возвысить его или забраковать. От действий Таунта зависела его карьера. Дело имперского комиссара поддерживать дисциплину, вдохновлять и вселять любовь к Богу-Императору Терры в сердца солдат величайшей армии Вселенной.

Таунт был тихим и сосредоточенным толстым человеком. Должность комиссара была предметом его стремлений с ранних лет в Схолье Прогениум. Но исполнение его мечты находилось в руках Октава. Комиссар-генерал лично выбрал именно его из почетного кадетского класса. За прошедшие полтора года Октав стал для Таунта отцом. Возможно, суровым и жестоким отцом. Но настоящего он все равно так толком и не узнал.

--- Видишь, там крыло горит? --- произнес Октав. --- Это наш вход. Сепаратисты сейчас наверняка отступают во внутренние покои. Мы с генералом Кернаваром собираемся отправить туда несколько отделений и

ударить в самое сердце. Справишься с этим?

Гаунт медлил, чувствуя, как сердце уходит в пятки.

--- Сэр... вы хотите, чтобы я...

--- Повел их внутрь, га. Не делай такое перепуганное лицо, Убрат. Ты же сам все время просишь дать тебе шанс продемонстрировать командирские способности. Ну, так кого возьмешь?

--- На мой выбор?

--- На твоей.

--- Бойцов четвертой бригады. Танхаузе -- хороший командир, его люди специализируются на зачистке помещений. Я бы взял их и расчет тяжелого оружия Рихлинга.

--- Хороший выбор, Убрат. Докажи, что я в тебе не ошибся.

* * *

Они миновали завесу огня и пробрались в галерею, увешанную

гобеленатами. Здесь гулял только ветер, оглашая стонаты глинный коридор. Свет сочился сквозь высокие окна, стелясь по полу косыми дорожками. Кагет Гаунт лично вел солдат в бой, как сделал бы на его месте сам Октар. Пальцы крепко сжаты на рукояти лазгана. Черная с синим кантом униформа комиссара-кагета сидит как влитая.

В пятом коридоре отчаявшиеся сепаратисты контратаквали в последний раз.

Вокруг с треском заплясали лазерные лучи. Кагет Гаунт укрылся за антикварным диваном, который очень скоро превратился в гору антикварных щепок. Танхаузе двигался вслеп за Гаунтом.

— И что теперь? — спросил жилистый гирканский майор.

— Давай гранаты, — откликнулся кагет.

Получив связку гранат, Гаунт установил таймеры на всех двадцати.

— Вальтхема сюда, — бросил он Танхаузе.

Рядовой Вальтхем подобрался к ним. Гаунт знал, что гвардеец славился в полку силой броска. Дома, на Туркане, он был чемпионом в метании копья.

--- Используй их на всю катушку, --- сказал Гаунт, передавая ему гранаты.

Негромко крикнув, Вальтхем швырнул взрывчатку. На расстоянии шестидесяти шагов коридор разворотило взрывом.

Гвардейцы ринулись вперед сквозь клубы дыма и бетонное крошево. Повстанцы окончательно пали духом. Вскоре нашелся и их предводитель, Деррегг. Он был уже мертв, ему в рот вставился ствол лазгана.

Гаунт связался с генералом Кернаваром и комиссаром-генералом Октаром. Передал, что битва окончена. Повстанцы сдались, и он вывел их к войскам с поднятыми руками. Турканцы тем временем принялись разбирать огневые точки и склады боеприпасов.

--- А с этой нам что делать? --- неожиданно обратился к кадету Танхаузе.

Гаунт отвлекся от штурмовой пущи, из которой он вынимал боек, и обернулся.

Она была красива. Белокожая, черноволосая, как и полагается дочери благородного рода Даренгары. Она изворачивалась, как зверек, цеплялась за форму удерживающих ее солдат и за проходящих по галерее военнопленных.

Затерла она лишь в тот момент, когда увидела Гаунта. Он уже ждал от нее потока оскорблений, гнева и желчи. Такое часто случалось с побежденными и пленниками, чьи вера и идеалы были втоптаны в грязь. Один взгляд на ее лицо -- и он затер в изумлении. Ее глаза остекленели, стали похожи на зеркально отполированный мрамор. Каким и пленница глядели друг на друга, и ее лицо начало меняться. Гаунт согрознулся -- словно она узнала его.

-- Ух бюджет семь, -- вдруг заговорила она на безупречном высоком готике, без тени местного акцента. Этот гортанный голос не принадлежал ей. Слова не согласовывались с артикуляцией. -- Семь

катней силы. Отсеки их -- и освободишься.
Не убивай их. Но сперва отыщи своих
призраков.

-- Хватит этого брега! -- рывкнул
Танхаузе и приказал солдатам увести ее.

К тому времени из глаз девушки
исчезли последние искры разума, на губах
выступила пена. Пленница явно начинала
впадать в транс. Гвардейцы опасливо
подталкивали ее, но не решались
действовать грубо. Ее чародейство пугало
их. В коридоре резко похолодало. Каждый
выдох порождал облачко пара. Воздух,
наполненный тяжелым запахом гари и
металла, сгустился, словно перед грозой.
Таунт почувствовал, как шевелятся волосы
на затылке. Он уже не мог оторвать
взгляда от бормочущей девушки, которую
стытенные гвардейцы пытались
заставить идти.

-- С ней разберется Инквизиция, --
поежился Танхаузе. -- Еще одна
необученная ведьма на службе врага.

-- Постой! -- окликнул ее Таунт.
Страх перед сверхъестественным
заставил его напрячься. -- О чем ты

говоришь? Семь катней? Призраки?

Она уставилась на него глазами, лишенными зрачков.

--- Барн знает тебя, Убрам. --- Теперь ее кривящиеся губы говорили уже старческим голосом.

Кагет отпрянул, как ужаленный.

--- Откуда ты знаешь, как меня зовут?

Она не ответила. Членораздельно, во всяком случае. Она начала тараторить что-то невнятное, плевать и биться в конвульсиях. Из горла вырывалось лишь звериное рычание.

--- Да уберите же ее отсюда! --- рявкнул Танхаузе.

Один из гвардейцев двинулся было к псайкеру, но тут же упал на колени. Его словно скрутило, а из носа потекла кровь. Девушка всего лишь посмотрела в его сторону. Тогда солдаты, ругаясь и бормоча защитные литании, принялись бить ее прикладами лазганов.

Ведьму наконец уволокли, а Таунт простоял еще несколько минут, глядя в пустой коридор. Воздух не стал теплее. Кагет обернулся к Танхаузе и увидел

тревогу на лице ветерана.

--- Не обращайтесь внимания, --- как можно увереннее произнес гирканец.

Кагет здорово испугался, это было ясно как день. «Все от неопытности», --- уверил себя майор. Пройдет несколько лет, Мальчик переживет пару кампаний и научится отсекать бессвязный бред врага, его нечистые проповеди. Иначе он никогда не заснет спокойно.

Гаунт явно нервничал дольше положенного.

--- Что все это значило? --- Он словно надеялся, что Танхаузе растолкует ему слова девушки.

--- Ахинея это, вот что. Выбросьте из головы, сэр.

--- Да, выбросить из головы, точно. Но он так никогда и не забыл.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Мир-кузница Фортис

Бинари

1

Небо было матово-черным, как их униформа. Рассвет пришел тихо и внезапно, подобно удару ножа, и черный покров небес вскипел блекло-красным у самого края.

Наконец взошло солнце, заливая траншеи жестким янтарным светом. Звезда была алой, большой, тяжелой, будто гнилой фрукт, брошенный в огонь. Вдали сверкнула рассветная молния.

Колм Корбек проснулся и скатился со своей койки в блиндаже, мимолетно почувствовав добрую тысячу синяков и ссадин на теле. Из щелей в деревянном настиле плеснула серая оконная жижа и окатила его огромные ботинки.

Корбекү перевалило за сорок. Он был силен и крепко сложен, но с возрастом начал полнеть. Спирали синих татуировок покрывали его широкие, поросшие волосами руки. Лицо его украшала густая, колючая борода. Одежда была в черную форму танитских подразделений, а поверх нее носил знаменитую маскировочную накидку, ставшую символом его полка. Внешне он не выделялся среди танитцев — светлая кожа, черные волосы и голубые глаза — и пребывал в звании полковника Танитского Первого и Единственного полка. Более известного под прозвищем Призраки Таунта.

Корбек зевнул. По всей глине окна под противоосколочными экранами, укрепленными насыпями и мотками ржавой колючки просыпались остальные Призраки. Кашель, вздохи, тихие стоны. С наступлением рассвета кошмарные сны не уходили, а обретали плоть. Под нависающим бруствером назначались пары часовых. Гвардейцы чистили убранные на ночь оружие. Щелкали при проверке

спусковые механизмы лазганов. С полок на койках начали доставать коробки с патронами — там до них не могли добраться местные грызуны.

Потягиваясь после сна, Корбек поплелся вдоль траншеи. Под ногами хлопала тонкая грязь. Среди изломанных линий траншей он заметил, как возвращаются после ночного дежурства часовые. Бледные, вымотанные, они едва держались на ногах. Далеко позади, за десяток километров от позиций Гвардии, грохотались ржавые, побитые бомбами люки стартовых шахт, огромные заводы по производству титанов и склады литейных цехов техножречества Агентств Механикус. Мерцание выдалось разбросанные между строениями вышки дальней связи.

Темные камуфляжные плащи и форма Танитского Первого и Единственного на часовых были изодраны и покрыты коркой засохшей грязи. Гвардейцы следящей стены, еще сонные и опухшие после ночи, хлопали сослуживцев по рукам, обменивались шутками и сигаретами. Но

вернувшиеся дозорные едва ли были настроены на беседу.

«Как блуждающие духи, Призраки возвращаются в свои могилы, — подумал Корбек. — Да, все мы здесь мертвы».

В яме у самой стены возился тощий снайпер первого отделения, Безумный Ларкин. Держа побитый походный котелок над горелкой, он варил нечто, отдаленно напоминающее кофеин. В нос ударила ядовитая вонь.

— Поделись, что ли, Ларкс, — сказал полковник, подойдя ближе.

Ларкин был тощим, но жилистым, с почти болезненно бледной кожей. В левом ухе он носил три серебряных кольца, а на свалившейся правой щеке синей змейкой свернулась татуировка. Ларкин подал Корбеку гнутую металлическую кружку. Глаза, окруженные сеткой морщин, смотрели со страхом и усталостью.

— Сегодня, как ты думаешь? Сегодня, да?

Корбек поджал губы, наслаждаясь теплом, исходящим от кружки.

— Да кто его знает... — начал было он

и затолчал.

Высоко в оранжевых небесах парадимперских истребителей заложила вираж наг линиями окопов и ушла на север. На горизонте поднимались столбы дыма от горящих храмов-кузниц Agentys Механикус. Пылали великие храмы индустрии. Мгновение спустя сухой ветер принес отголоски взрывов.

Глядя на удаляющиеся истребители, Корбек отхлебнул кофеина. На вкус варено оказалось настолько мерзким, что его едва можно было пить.

--- Хорошая вещь, --- пробормотал полковник из вежливости.

В километре от них на дне неровной траншеи рядовой Фүльк был занят тем, что сходил с ума. Отблески лазерных лучей плясали в жиже на дне окопа, на баррикадах из мешков. Близкие выстрелы разбудили третьего офицера полка, майора Роуна. Он немедленно сорвался со своей тесной койки. Его адъютант, Фейгор, уже бежал, спеша добраться до безумца и спотыкаясь в грязи. Отовсюду

доносились крики и брань солдат.

Фүльк обнаружил, что вездесущие грызуны добрались до его пайка и пытаются разгрызть пластиковые упаковки с едой. Роун продирался к месту действия, когда зверьки проскакали мимо него на глиняных заячьих лапах. Слизь покрывала их кишачью паразитическую шерсть. Тем временем Фүльк, надрывно матерясь, поливал свою койку под брествером лазерным огнем.

Первым до него добрался Фейзор и тут же вырвал оружие из рук вопящего гвардейца. Фүльк развернулся, подняв фонтан грязных брызг, и кулаком разбил адъютанту нос.

Роун проскользнул мимо падающего Фейзора и свалил Фүлька хуком в челюсть. Хрустнула кость. Гвардеец повалился в дренажную канаву и жалобно заскулил.

--- Собрать расстрельную команду, --- бесцеремонно бросил майор окровавленному адъютанту и направился в свой блиндаж.

Рядовой Браз брел к своей койке.

Здоровяк, он был самым огромным из всех Призраков. При этом он слыли миролюбивым простаком. За ужасный глазомер его прозвали Еще Разок Браз. Всю ночь Еще Разок провел в карауле и теперь не мог сопротивляться колыбельной, которую турлыкала его постель. На повороте он налетел на толстого гвардейца Каффрана, сбив его с ног. Браз принялся поднимать его, от усталости еле бормоча извинения.

--- Все нормально, Разок, --- успокоил его Каффран. --- Уди отсыпайся.

Браз поплелся дальше. Через пару шагов он уже забыл о происшедшем. Только в подсознании осталось, что он провинился перед грузом и должен извиниться. Усталость накрыла его с головой.

Тем временем Каффран добрался до третьей соединительной траншеи и склонился перед командирским блиндажом. Дверь закрывали толстый лист поливолокна и несколько слоев противогазовых покрывал. Гвардеец постучал дважды, отодвинул тяжелые

В глубокий офицерский блиндаж можно было попасть только по люминиевой лестнице, закрепленной на стене. Внутренности блиндажа заливали холодным белым светом натриевые горелки. Пол был выложен досками из добротного дерева. Блиндаж даже отличался такими признаками цивилизации, как книжные полки, карты и аромат качественного кофеина.

Первым, кого заметил Каффран, спустившись в офицерскую нору, был Брин Майло, шестнадцатилетний талистан полка, которого Гаунт подобрал во время Основания. Ходили слухи, что комиссар лично спас его из пожарища их родного тира. Благодаря этому Майло стал полковым музыкантом и адъютантом командующего. Каффран недолюбливал его. Молодость и блеск в глазах паренька

неуловимо напоминали о потерянной родине. В этом присутствовала своя ирония. Между ними была всего-то пара лет разницы, на Таним они наверняка стали бы грузьями.

Майло сервировал завтрак на небольшом походном столике. Пахло очень аппетитно: яичницей с ветчиной и грибами. Каффран позабавовал комиссару, его высокому положению и доступной ему роскоши.

--- Комиссар выспался? ---
Майло заинтересовался гвардеец.

--- Он даже не ложился, --- откликнулся Майло. --- Всю ночь изучал разведданные орбитального дозора.

Каффран перетинался у входа в помещение, сжимая запечатанный пакет с оперативными донесениями. Он был молод и невысок ростом. Черные волосы были коротко пострижены, на виске поселилась седина. Татуировка синего дракона.

--- Проходи, не стесняйся. Садись.

Сначала Каффран решил, что это сказал Майло, но голос принадлежал тому комиссару. Убрав Таунт, на вид

бледный и изможденный, выбрался из дальней комнаты блиндажа. На нем были только белая рубашка и форменные черные штаны на тугих подтяжках. Жестом он пригласил Каффрана за стол, а сам устроился на стуле напротив. Помедлив в нерешительности еще мгновение, Каффран все же сел, куда ему указали.

Гаунту было уже за сорок. Высокий, жилистый, с узким, суровым лицом. Каффран искренне восхищался им, изучал историю его сражений на Бальгауте и Формаль Прите, его службу с Восьмым Турканским, даже его великодушное руководство во время катастрофы на Танит.

Сейчас Гаунт казался Каффрану как никогда уставшим. Но гвардеец всецело доверял руководству этого человека. Если кто и мог искупить вину Призраков, то только Убрат Гаунт. Он был редким зверем --- политический офицер, получивший в командование целый полк и почетное звание полковника.

--- Прошу прощения, что отрываю вас от завтрака, комиссар. --- Каффран нервно

ерзал на стуле, теребя пакет с донесениями.

--- Совсем не отрываешь, Каффран. Наоборот, ты пришел как раз вовремя, чтобы составить мне компанию.

Каффран решил, что комиссар шутит, и смеялся.

--- Я серьезно, --- уверил его Гаунт. --- Я гляжу, ты проголодался не меньше моего. Могу поспорить, Брин наготовил больше, чем мы оба можем съесть.

Как по сигналу, адъютант поставил перед ними две керамических тарелки с едой. Яичница с ветчиной и упругие, поджаристые ломти пшеничного хлеба. Гаунт уже с удовольствием приступил к еде, а Каффран все глядел в свою тарелку.

--- Ешь, не стесняйся. Когда еще отведаешь офицерских харчей, --- подбодрил его Гаунт, жадно заглатывая добрую порцию яичницы.

Каффран поднял вилку дрожащей рукой и принялся за еду. Первый раз за шестьдесят дней он ел такую вкуснятину. Она тоже напонила о прошлом. О тех днях, когда он был помощником инженера

на лесопилках погибшей Танит, до
Основания, до Потери. О сытном ужине,
которые потчевали за глиняными
столами трапезной последнюю стену.

Потом Майло погал густой горячий
кофеин. Пришло время поговорить о делах.

--- Ну, что в донесениях этим утром? ---
--- начал комиссар.

--- Не могу знать, сэр. --- Каффран
достал запечатанный пакет и положил на
стол. --- Я их только приношу сюда, что
там --- не спрашиваю.

Гаунт не спеша дожеввал яичницу с
ветчиной, сделал изрядный глоток
горячего напитка. Наконец он потянулся за
пакетом.

Каффран старался не смотреть, как
комиссар вскрывает печати на конверте и
читает распечатки.

--- Всю ночь провел у этой штуки. ---
Гаунт тахнул через плечо на зеленоватое
сияние артифцера, устройства
тактической связи, вмонтированного в
грязную стену блиндажа. --- И не получил
ничего вразумительного.

Он вытряс из конверта доклады и

стал перечитывать их.

--- Вам с парнями должно быть интересно, сколько нам торчать в этой дыре, --- сказал он. --- Признаться, я и сам хотел бы знать. Это война на истощение. Мы здесь можем сидеть месяцами.

Гвардейца к этому времени уже так разморило от тепла и вкусной еды, что Гаунт мог говорить все, что угодно. Например, что татю Каффрана только что убили орки. Он бы не расстроился.

--- Сэр? --- нарушил его покой голос Майло.

--- В чем дело, Брин? --- Гаунт оторвал взгляд от бутаг.

--- Похоже... это... Похоже, вот-вот начнется атака.

Каффран хохотнул.

--- Ты откуда знаешь, что... --- начал было он, но комиссар оборвал его.

--- Уж не знаю как, но Майло чувствовал каждую атаку заранее. Каждую. Похоже, у него нюх на дождик из снарядов. А может, по молодости слух острый. --- Гаунт криво ухмыльнулся Каффрану. --- Как, хочешь поспорить?

Гвардеец собирался ответить, когда до него донесся вой первых снарядов.

Гаунт сорвался с места, попутно перевернув стол. Каффран тоже вскочил, реагируя скорее на это внезапное движение, чем на свист падающих бомб. Гаунт телм временнол пытался вытащить свой пистолет из кобуры, висевшей на крючке возле лестницы. У стеллажа с книгами стояла полевая вокс-рация. Комиссар подхватил трубку.

--- Гаунт --- всем подразделениям! Боевая тревога! К оруужию! Нас атакуют!

Каффран не ждал других команд. Когда лавина снарядов накрыла траншею, он уже поднялся по лестнице и продрался через противогазовые накидки. За спиной взлетали фонтаны земли. Узкая траншея наполнилась криками и суетой гвардейцев. Один из снарядов прошел совсем низко над головами и взорвался за траншеей.

оставив воронку размером с десантный
мечник. Каффран окатило грязью с ног до
головы. Он вытянул лазган из-за спины и
скользнул к брустверу. На позициях царил
паника и полная неразбериха. Гвардейцы с
криками бежали кто куда.

Что же творится? Может быть, это
и есть конец затянувшейся войны, в
жертва которой их затянуло? Каффран
осторожно приподнялся над краем
траншеи, чтобы посмотреть на ничейную
землю, на вражеские позиции, которые он
наблюдал последние шесть месяцев. Но не
увидел ничего, кроме дыма и грязи.

Послышались треск лазерного огня и
что-то вопли. Снаряды все падали. Один из
них разорвался прямо в центре
ближайшего хода сообщения. И вопли
стали куда ближе и реальнее. Хлынувший
затем дождь состоял уже не из грязи и
воды, а из кусков человеческой плоти.

Каффран выругался и стер кровавые
шлепки с прицела лазгана. Позади грянул
мощный голос, эхом затеавшийся по
траншеям. Казалось, даже деревянные
настилы вздрагивали от его силы.

Гвардеец оглянулся как раз в тот момент, когда комиссар Таунт покинул свой блиндаж.

Теперь на нем была его черная униформа и фуражка, ветер трепал камуфляжный плащ его полка. На лице застыла гримаса ярости. В одной руке болт-пистолет, в другой — ревущий меч. Вращающиеся зубья рвут утренний воздух.

— За Таним! Пришло время дать им бой! Держите линию! Пока они не переберутся через насыпь — огонь не открывать!

Душу Каффрана охватило ликование. Комиссар рядом, а значит, они победят, несмотря ни на что. Внезапно мир опрокинулся, мощный удар поднял в воздух грязь. На секунду Каффрану показалось, что его душа покинула тело.

Прямое попадание в траншею разорвало жизни десятков людей. Оглушенный, Каффран упал в месиво из грязи и переломанных досок. Кто-то схватил его за плечо и рывком поставил на ноги. Часто моргая, гвардеец поднял голову и оказался лицом к лицу с Таунтом.

Котиссар смотрел на него грозно и ободряюще одновременно.

— Решил вздремнуть после сытного завтрака? — спросил он растерявшегося солдата.

— Нет, сэр, я... я...

Вокруг них уже плясали лучи плазганов и стреляли игольные карабины. Бронированные алмазурь первой линии траншей огрызались огнем.

— Думаю, пришло время, — произнес Таунт. — Я хочу, чтобы все мои храбрые солдаты были рядом, когда мы начнем наступать.

— Я с вами, сэр! — растеялся Каффран, сплюнув грязь. — От самой Таним, куда бы нас ни занесла судьба.

Гвардеец еще слышал вой цепного меча, когда котиссар взлетел по лестнице на край бруствера.

— Воины Таним! — воскликнул он. — Вы что, собрались жить вечно?!

Их громкий, могучий ответ утонул в грохоте артобстрела. Не важно — Убрам Таунт знал, что они ответили.

Под шквальный огонь всех стволов

Призраки Гаунта поднялись из траншей и
устретились навстречу славе, смерти и
всему, что только могло поджигать их в
дыму.

На расстоянии двадцати километров
и еще сотни шагов все это выглядело как
попыхающие заросли из лазерных лучей.
Наступающие легионы врага схлестнулись
с полками Имперской Гвардии, будто
насекомые, ползущие из своих
растревоженных гнезд и сливающиеся в
кипящую хаотичную массу, ежесекундно
озаряемую раскаленными вспышками
выстрелов.

Верховный лорд-генерал Тектор
Дравер отвернулся от перископа,
ухаживая руками оспавший свой
безупречно сидящий китель и вздохнул.

— Кто утирает там сегодня? —
спросил он неприятно тонким,
пронзительным голосом.

Полковник Фленс, полевой командир
Янтийских Патрицьев, одного из
старейших и самых почитаемых полков
Гвардии, элегантно поднялся с кушетки и
стал по стойке «стирно». Фленс мог
похвастаться высоким ростом и крепким
телосложением. Его левая щека была
обезображена биокислотой тиранидов
много лет назад.

--- Генерал?

--- Эти... муравьишки там, внизу. ---
Дравер ленивомахнул рукой в направлении
битвы. --- Я хочу знать, кто они.

Фленс прошествовал по веранде к
столу, стеклянная крышка которого
светилась россыпью символов. Он провел
пальцем по стеклу, вдоль фронта глиной
четыре тысячи километров. Здесь, на
Фортис Бинари, ключевой точкой войны
были две изломанные линии траншей,
разделенных полосой грязи, воронок и
разрушенных фабрик.

--- Западные траншеи, --- заговорил
полковник. --- Их удерживает Первый
Санитский полк. Вы должны их помнитъ,
сэр: банда Гаунта. Как я полагаю, это их

прозвали Призраками.

Дравер неспешно подошел к узорчатой тележке с напитками и налил себе маленькую чашку густого черного кофе из позолоченного самовара. Отхлебнув, он еще некоторое время катал густую жидкость между зубами.

Фленс поежился. Полковник Дрейкер Фленс повигал за свою жизнь много такого, что выжгло бы душу любого простолюдина. Он вигел, как целые легионы гибнут, распятые на колючей проволоке. Вигел, как люди пожирают друг друга, зараженные безумием Хаоса. Как целые планеты разрушаются, гниют и погибают. Но в генерале Дравере было что-то, что вызывало у него куда более глубокое отвращение. Наверное, поэтому служить ему было настоящим удовольствием.

Генерал наконец сглотнул и отставил чашку.

— Значит, сегодня труба подняла Призраков Гаунта, — произнес он.

Тектор Дравер был полным краснолицым человеком, на шестом

десятке, крупным и приземистым. Он постепенно лысел, но все еще требовал, чтобы жалкие остатки его волос укладывали лаком, словно хотел лишним раз подчеркнуть собственную важность. Казалось, каждое утро на его форму расходуют полковой запас крахмала и отбеливателя. Его грудь украшала жесткая латунная планка с орденами. Генерал никогда с ней не расставался. Фленс не мог точно сказать, за что он получил каждую награду. Ему и в голову не приходило спрашивать, но он отлично знал, что Дравер прошел едва ли не больше сражений, чем сам полковник. И каждую каплю своей славы он заслужил. Порой Фленса возмущало, что генерал всегда был при наградах. Причину возмущения он объяснял тем, что Дравер может и так похвастаться, а сам полковник — нет. Иначе какой смысл добиваться звания полка-генерала?

Графский особняк, на веранде которого устроились офицеры, чудом уцелел после шестимесячной бомбардировки. Отсюда можно было

охватить взглядом всю глубокую долину Деймос, которая некогда была сердцем местной индустрии, снабжавшим Фортис Бинари электроэнергией. Теперь долина стала главным очагом войны. Насколько хватало взгляда, расстилалась титаническая промышленная зона: башни и ангары, хранилища и бункеры, цистерны и трубы. На севере высился огромный Зиккурат, на стенах которого сияли золотом символы Агентус Механикус. Он почти затмил собой собор Экклезиархии, посвященный Богу-Императору, ведь техножрецы Марса считали весь этот мир святыней Бога-Машины Воплощенного. Зиккурат был центром административного управления индустрией Фортис. Отсюда техножрецы руководили девятнадцатью миллиардами рабочих, занятых в производстве тяжелого вооружения и бронетехники для имперской военной машины. Теперь от него осталась только выжженная оболочка. Зиккурат был первой целью восстания.

Враг закрепился на дальних холмах, среди крепостей-фабрик, жилых блоков и

складов сырья. Легион демонопоклонников, численностью не меньше миллиарда. Фортис Бинари была одним из основных миров-кузниц Империи, ее промышленность мало было назвать мощной. И никто не мог объяснить, как Темные Силы сумели обратить его, как большая часть армии рабочих оказалась заражена культом Ложных Богов. Но каким-то непостижимым образом это произошло. Восемь месяцев назад некогда верные Культ Машин работники перешли на сторону Хаоса. Они захватили гигантские заводы-ковчег и плавильные печи Агентс Механикс всего за одну ночь. С планеты успела бежать лишь горстка техножрецов, переживших эту неожиданную резню.

Бессчетные полки Имперской Гвардии прибыли, чтобы освободить этот мир. И стратегию определяла сама планета. Мастерские и заводы Фортис Бинари имели слишком большую ценность, чтобы просто сровнять их с землей орбитальной бомбардировкой. Во благо Империи каждый дюйм этой

земли будет отвоевывать пехота. Потом
и кровью солдаты Имперской Гвардии
вычистят отсюда Хаос до последнего
пятнышка, оставив драгоценную
инфраструктуру мира-кузницы целой,
готовой для перезаселения.

--- Каждые несколько дней они
испытывают нас на прочность. Атакуют
разные участки укреплений, пытаюсь
найти слабое место. --- Лорд-генерал снова
принялся разглядывать в перископ бойню,
кипевшую в пятнадцати километрах от
него.

--- Я слышал, Первый Танитский
славится хорошими бойцами, генерал. ---
Фленс подошел ближе и заложил руки за
спину. Исполосованная шрамами щека чуть
подергивалась --- так часто бывало, когда
он нервничал. --- Они хорошо
зарекомендовали себя в нескольких
кампаниях, а Гаунта называют успешным
полководцем.

--- Ты его знаешь? --- Генерал
оторвался от перископа и вопросительно
глянул на Фленса.

Полковник помедлил.

— Не напрямую, сэр. В основном с чужих слов, — ответил он, утолчав о многом. — Мы пересекались ненадолго. Его взгляды на методы командования расходятся с моими.

— Я гляжу, тебе он не нравится, фленс? — заметил Дравер. Он мог читать чувства полковника как открытую книгу. И он видел глубоко скрытую неприязнь к прославленному герою комиссару Гаунту. Генерал знал, в чем ее причина. Он читал донесения. Хотя сам полковник об этом говорить не станет.

— Честно? Нет, сэр, не нравится. Ведь он — комиссар, политический офицер. Он командует полком по досадному стечению обстоятельств. Военлейстер Слайдо, будучи уже на смертном одре, поставил его во главе танкистов. Я вполне понимаю, какое место занимают комиссары в этой армии. Но его офицерское звание мне претит. Он сочувствует там, где должен вдохновлять, и вольнодумствует там, где должен держаться правил. Но... так или иначе, в

роли командира ты можешь на него положиться. Наверное.

Дравер улыбнулся. Тирада Фленса прозвучала вполне искренне. И все же он дипломатично сгладил кое-какие углы.

— В роли командира я полагаюсь только на себя, Фленс, — категорично заявил Дравер. — Если я не вижу на горизонте явную победу, я не доверю инициативе ни одной из команд. И ни к ней никому, кроме себя. Если я не ошибаюсь, твои Патриции остаются в резерве?

— Они расквартированы в жилых кварталах к западу и готовы поддержать прорыв на одном из флангов.

— Ступай и приведи их в боевую готовность. — Лорд-генерал вернулся к столу с картой и прочертил стилусом несколько ярких линий на стеклянной поверхности. — Мы и так задержались здесь. Мое терпение на исходе. Эту войну нужно было завершить пару месяцев назад. Сколько бригад уже направлено на прорыв патовой ситуации?

Фленс замешкался. Дравер славился своей «щедростью» при обращении с

человеческими ресурсами. Именно он говорил, что можно заткнуть Око Ужаса, если набить в него достаточно солдат. Последнее время он выглядел все более недовольным отсутствием успехов. Фленс предполагал, что Дравер спешит угодить военному Макаром, новому главнокомандующему крестового похода в пустыни Саббаты. Дравер и Макаром в свое время соперничали за этот титул. Проиграв эту схватку, генерал должен был многое доказать. Например, свою преданность новому командующему.

До Фленса также дошли слухи, что неделю назад для приватной беседы с полковником-генералом на Фортис прибыл инквизитор Хелдан, один из ближайших сподвижников Дравера. Казалось, Дравер горит желанием достичь чего-то еще более значимого, чем завоевание планеты. Даже такой важной, как Фортис Бинари.

— Сегодня утром Покаявшиеся снова дали о себе знать, в большем количестве, чем обычно. Чтобы отойти с тех позиций, которые они пытаются сейчас занять, и перегруппироваться, им понадобится часов

Восемь-девять, -- вновь заговорил генерал. --
Заходи со своим полком с восточного
фланга и отрежь их. Используй этих
Призраков как буфер и прорывайся в центр
оборонительных порядков противника.
Будь на то воля Всеблагого Императора,
мы наконец разберемся с этим делом и
вырвем победу.

Лорд-генерал постукал стилусом о
стол, как бы подчеркивая окончательность
своего решения.

Фленс поддержал его со всем
энтузиазмом. Больше всего на свете он
желал, чтобы его полк сыграл главную
роль в победе на Фортис Бинари. Его
раздражала одна только мысль, что Гаунт
не мог как-то забрать его победу.
Раздражала настолько, что он начинал
подумывать о...

Мотнув головой, полковник отогнал
эту мысль. Его грело предвкушение того,
что Гаунт и его безродное отребье станут
пушечным мясом, будут брошены на
вражеские орудия, чтобы проложить
дорогу его собственной победе. Фленс уже
собирался уходить, но вдруг остановился.

Никогда не помешает лишний раз подстраховаться. Он вернулся к столу и указал затаянутым в кожу перчатки пальцем на изгиб карты.

--- Здесь довольно обширная территория, сэр, --- начал он. --- Если люди Гаунта... в общем, если они струсят и побегут, мои Патриции окажутся зажаты между укреплениями Покаявшихся и их отступающими войсками.

Дравер подумал над этим несколько мгновений. Струсят... Это слово в устах Фленса говорило о многом. Наконец генерал хлопнул в пухлые ладоши, радостно, как ребенок на праздновании дня рождения.

--- Связиста! Связиста сюда, живо!

Двери гостиной распахнулись и выпустили усталого солдата. Он торопливо козырнул, щелкнув каблучками поношенных, но начищенных до блеска сапог. Тем временем Дравер деловито писал на инфопланшете приказ. Перечитав написанное, он вручил планшет солдату.

--- Мы направим Витрийских Драгун на помощь Гаунту и будем надеяться, что

они опрокинут орды Покаявшихся обратно в пойму реки. Таким образом, бои на западном фланге будут идти достаточно долго и Патриции успеют добраться до цели. Передайте этот приказ и танитскому командиру тоже. Этому Гаунту. Прикажите ему наступать. Сегодня его долг — не просто выстоять. Он должен воспользоваться шансом, ворваться в траншеи противника и занять их. Удостоверьтесь, что он понял: эти указания идут непосредственно от моего имени. Передайте ему, что сегодня не дозволено сомневаться. Не дозволено отступить. Его люди победят или погибнут все до единого.

Фленс мысленно улыбнулся своей победе. Его тылы будут надежно прикрыты, а Гаунт будет брошен в атаку, которую вряд ли переживет.

Связист снова козырнул и направился к выходу.

— Да, и вот еще что, — остановил его Дравер.

Солдат задержался и нервно повернулся к генералу.

--- Прикажи там принести свежего кофеина. --- Дравер постучал мощным перстнем по блестящему пузу сатовара. --- Этот уже несвеж.

Связист кивнул и угалился. По приглушенному звону сатовара было понятно, что огромный сосуд почти полон. Целый полк мог несколько дней пить то, что генерал явно собирался вылить. С трудом дождавшись, когда двери закроются, солдат тихо обматерил того, кто руководил этой бойней.

Фленс надел фуражку и отдал честь.

--- Слава Императору, лорд-генерал! --- сказал он.

--- Что? Ах да, действительно, --- рассеянно отмахнулся Дравер, сел в кресло и закурил сигару.

Майор Роун распластался на дне воронки, едва не захлебнувшись в мутной жиже. Отплеываясь, он пополз к краю

аты и прицелился. Воздух наполнился
дымом и яркими потоками огня.
Выстрелить Роун не успел — в его
импровизированный окоп ввалились еще
несколько человек. Рядовой Нефф и
агьютант майора Фейзор, а за ними
гвардейцы Каффран, Варл и Лонегин. Еще
с ними был рядовой Клей, но он
приземлился уже мертвым. Яростная
перестрелка зацепила его в шаге от
укрытия. Никто не обернулся на его труп,
погрузившийся в воду. Солдаты видели
подобное тысячи раз, и им это порядком
надоело.

Воспользовавшись прицелом
винтовки, Роун осторожно выглянул из
воронки. Где-то неподалеку Покаявшиеся
поддерживали свою пехоту огнем тяжелых
орудий. Разрывные снаряды ложились
плотно и выкашивали наступающих
Призраков. Нефф тем временем возился со
своим оружием.

— В чем дело, рядовой? — повернулся к
нему Роун.

— Спускной механизм забило грязью,
сэр. Не могу вычистить.

Фейзор молча отобрал у парня лазган, отщелкнул магазин и снял промасленную крышку камеры воспламенения, открыв кольца концентратора. Агьютант плюнул в камеру сгорания и со щелчком вернул крышку на место. Как следует встряхнув оружие, он вознал обоймѣ обратно. На глазах Неффа Фейзор вскинул лазган и выстрелил в завесу дыма над воронкой.

— Вудишь? Все работает. — Он бросил оружие обратно.

Сжав лазган, Нефф немедленно пополз на огневую позицию.

— Мы здесь и метра не пройдем вживую, — бросил ему вслед Лонегин.

— Да фес им! — огрызнулся Варл. — Пусть лучше они в грязь поныряют.

Он снял с пояса связку гранат и стал неторопливо раздавать их, словно школьник, делящийся с друзьями ворованными фруктами. Несколько щелчков возвестили о том, что взрывчатка готова к бою. Роуно трачно улыбнулся солдатам, собираясь бросить свою гранату.

— Варл дело говорит, — произнес он. —

Пусть зады ослепнут.

Гранаты взметнулись в воздух. Они должны были оглушить и ослепить противника, изрешетить острой шрапнелью каждого, кто не успеет укрыться.

Прогрело несколько взрывов.

— Теперь-то они покувыркаются, — начал было Каффран, но понял, что остальные уже выбрались из укрытия и пошли в атаку. Гвардеец поспешил за ними.

С боевым кличем Призраки преодолели тонкую полосу серой слизи и скатились в траншею противника, затянутый дымом. От вражеских солдат остались только черные пятна крови и разорванные останки. Приземлившись на дно, Роун огляделся. Впервые за последние шесть месяцев на Фортис Бинари он оказался лицом к лицу с противником. Покаявшиеся — вражеская пехота, стоявшая на смерть против атак Гвардии. К его удивлению, они были похожи на людей, только лутировавших, уродливых. Они носили доспехи, хитро переделанные

из защитных костюмов для работы в кузницах. Защитные маски и перчатки спросились с их бледной, омертвевшей плотью. Роун старался не разглядывать трупы долго. Они напугивали его об органах таких же урогов, которых еще предстояло убить. Блуждая в дыму, он нашел еще двух Покаявшихся, покалеченных взрывом. Эти были еще живы. Майор торопливо прикончил их.

Роун обнаружил, что Каффран следует за ним по пятам.

--- У них лазганы, --- испуганно заговорил он. --- И доспехи.

Рядом Нефф согнул один из трюпов носком ботинка и перевернул на спину.

--- Смотрите... у них гранаты есть и боеприпасов полно.

Оба гвардейца уставились на майора.

--- Ну, значит, это крутые ублюдки, --- пожал плечами Роун. --- А вы чего ждали? Они держат тут войска Империи целых шесть месяцев.

Наконец их догнали Лонегин, Варл и Фейгор. Майор велел им двигаться вперед вдоль окопа. Траншея стала постепенно

расширяться. Вскоре гвардейцы оказались перед укрепленными железными стяжками каменными стенами промышленных складов.

Роун приказал отряду укрыться как раз в тот момент, когда на траншею обрушился сияющий шквал лазерного огня. Один из лучей зацепил Варла, его плечо превратилось в облачко красного пара. Солдат опрокинулся на спину и забился в конвульсиях, зажав рану здоровой рукой. Болевой шок был настолько мощным, что у него не хватало дыхания закричать.

--- Фес! --- выругался Роун. --- Нефф, помоги ему!

Нефф был санитаром отделения. Пока он извлекал из подсытка бинты, Фейгор и Каффран пытались затаскать скрюченного гвардейца в укрытие. Яркие линии лазеров сетью накрыли окоп, прижимая Призраков к земле. Нефф спешно перебинтовал жуткую рану Варла.

--- Надо вытаскивать его отсюда, сэр! --- прокричал он Роуну.

Роун старался поглубже зарыться в найденную яму. Серая грязь уже покрывала

его с головой. Воздух вокруг полыхал лазерными очередями.

--- Придется подождать, --- бросил в ответ майор.

Убрав Гаунт приземлился на дно траншеи, попутно сломав шею одному из Покаявшихся ударом ноги. Он рубался в ряды противника, его ревущий цепной меч разил налево и направо. Двое Покаявшихся упали в брызгах крови. За ними последовал хаосопоклонник с огромным кривым клинком. Гаунт вскинул болтерный пистолет и разнес его голову.

Для Гаунта и его Призраков этот бой был самым напряженным за все время, проведенное на Фортис. Гвардейцы были стиснуты в узких траншеях и метались из стороны в сторону, отбивая бешеные атаки Покаявшихся. Забившись в укрытие позади комиссара, Майло отстреливался из компактного пистолета, который он

получил от Гаунта несколько месяцев
назад. Первому своему противнику он
всадил пүлю точно между глаз, второго
ранил в руку, затем в подбородок, когда
того отбросило назад. Майло согрознулся.
Это был тот кошмар войны, о котором он
часто думал, но никогда не желал
увидеть. В окне, всего три метра в
ширину и шесть в длину, опьяненные
яростью солдаты схватились
в рукопашную. Покаявшиеся походили на
чужовиц с хоботами-шлангами,
тянувшимися от сросшихся с лицами
противогазов. Броней или служили
прорезиненные защитные костюмы,
окрашенные в бледно-зеленый цвет. Они
превратили их в боевые доспехи,
расписанные обжигающими взглядами
хаотическими символами.

Упавшее тело прижало Майло к
стене. Он впервые смог увидеть врага во
всех подробностях. Избращенные,
мүтировавшие люди, хаосопоклонники. Их
одежда и плоть испещрены нечистыми
символами и рүнами.

Один из Покаявшихся миновал

гибельные зубы меча Гаунта и бросился на Майло. Парень шарахнулся в сторону, и сектант с разбегу врезался в стенку траншеи. Барахтаясь на дне траншеи, Майло подхватил лазган, выжавший из рук убитого Гаунтом врага. Покаявшийся был совсем рядом, и Майло выпустил очередь почти в упор. Раскаленные лучи прошли противника насквозь. Снова мертвое тело рухнуло на Майло и вдавило своим весом в топкую жижу. Рот тут же наполнился гнилой водой, грязью и кровью. В следующий момент чьи-то руки вырвали его из трясины. Майло закашлялся. Браз, самый сильный из Призраков, каким-то образом всегда оказывался рядом в нужный момент.

--- А ну пригнись! --- Браз закинул на плечо реактивный гранатомет.

Майло тут же сел на корточки и крепко зажал уши. Устovo шепча молитву о метком выстреле, Браз пустил снаряд вглубь траншеи. В воздух поднялся фонтан грязи и ошметки чего-то непонятного. Гвардеец частенько проташивался мимо цели. Но в таких условиях это было

неважно.

Справа Гаунт продирался сквозь плотные ряды противника. Брызжущая из-под меча кровь уже покрывала комиссара с головы до ног. Он начал стаяться. Временами он успевал выстрелить, и болт разрывал очередного Покаявшегося. Лорд-генерал Дравер отдал безжалостный, граконовский приказ. Гаунт и сам использовал бы любую возможность выбить врага из его укреплений, но заставлял себя делать это под страхом смерти, не оставляя возможности отступить, — такой приказ был порождением больного ума, принадлежащего жестокому человеку. Гаунт не любил Дравера. Не любил он его с самой первой встречи, когда тот был еще амбициозным полковником танковых войск. На Даренгаре, когда он был рядом с Октаром и гирканцами...

Гаунт не передал смысл приказа солдатам. В отличие от Дравера, он знал о принципах мотивации и морали. Утеперь гвардейцы захватывали позиции противника не по приказу генерала, а почти вопреки ему. Он стаялся от ярости

и негодования. Стеялся от гордости за своих людей, вершивших невозможное.

Рядом встал Майло, сжимая лазган.

«Получилось! --- думал Гаунт. --- Мы слотили их!»

Совсем рядом в траншеи ворвался взвод сержанта Блейна, закрепляя прорыв. Под прикрытием шквального огня сержанта гвардейцы ринулись в штыковую атаку. Среди вспышек лазеров сверкнули серебристые танитские клинки.

Гаунт выхватил лазган из рук Майло и отшвырнул в сторону.

--- Что, парень, думаешь, стал солдатом?

--- Так точно, сэр!

--- Серьезно?

--- Вы сами знаете, так оно и есть!

Гаунт посмотрел на шестнадцатилетнего мальчишку и невесело улыбнулся.

--- Что ж, может, и так. Но сейчас я прошу тебя сыграть нам. Сыграй нам песню, под которую нас встретит слава.

Майло достал свою танитскую волынку и подул в нее, расправляя мехи.

Первые ее звуки казались стоном умирающего. А потом он заиграл. Он заиграл «Дружок Вальтраба», старую песню, под которую гуляки в тавернах Танит так любили выпить и повеселиться.

Сержант Блейн, услышав мелодию, атаковал с новой яростью. Связист Симбер стал погневать в такт выстрелам лазгана. Браз только устехнулся и перезарядил свое тяжелое оружие. Еще один участок укреплений поглотил взрыв.

Рядовой Каффран услышал далекую печальную мелодию, стелившуюся над полем боя. На мгновение она заставила его улыбнуться, и он поспешил за майором Роуном по тропам Покаявшихся, плечом к плечу с Неффом, Ларкином, Лонезином и остальными. Раненый Варл снова начал кричать — обезболивающее теряло силу.

Снаряды обрушились на них неожиданно. Каффрана вместе с огромным пластом земли подбросило в воздух ударной волной. Взрыв оставил воронку диаметром двадцать метров.

Приземление было жестким.

Казалось, все тело изломано, мысли
стесались. Некоторое время Каффран
лежал на земле в состоянии странного
покоя. Он решил, что и майора, и всех
остальных разорвало в клочья. Снаряды
падали без остановки, и Каффран с головой
погрузился в жижу, тихо моля об
избавлении от этого кошмара.

Очень далеко от него верховный лорд-
генерал Дравер услышал, что мощные
артиллерийские батареи Покаявшихся
открыли огонь. Он понял, что и сегодня
ему не достанется долгожданная победа.
Сердито вздохнув, он налил себе еще
чашечку свежего кофеина из принесенного
сатовара.

Полковник Корбек вел три взвода по
лабиринту вражеских траншей.
Артострел гремел над головами
танков уже два часа. Бомбардировка
испепелила всю передовую линию

укреплений Покаявшихся вместе с теми
гвардейцами, кто не сумел укрыться в
относительно безопасных траншеях.
Призраки двигались по пустым туннелям
и траншеям. Похоже, враг отступил перед
самым обстрелом. Мастерством, с
которым были возведены эти
фортификации, можно было бы
восхититься, если бы не рассыпанные на
каждом шагу богомерзкие святилища
Темных Сил, которым поклонялся враг.
Корбек приказал рядовому Скулану
сжигать дотла каждое капище, пока
остальные солдаты не успели увидеть
следы отворачивающихся
жертвоприношений.

Сверившись со световолоконными
картами, Корбек предположил, что
Призраки проникли во вспомогательные
траншеи Покаявшихся за линией фронта,
и остро почувствовал свое одиночество. У
даже не из-за жуткой бомбардировки, от
которой содрогалось все вокруг, ---
полковник молился, чтобы ни один осколок
случайно не задел его бойцов, --- он понял,
что отрезан от остального полка.

Электромагнитное возмущение заглушило все каналы связи — и офицерские, и микробусины, и вокс-передатчики дальнего действия. Приказы просто не доходили до них. Ни команд перегруппироваться, ни координат соединения с другими отрядами, ни приказов наступать к цели. Не было даже сигналов к отступлению.

В таких обстоятельствах устав Имперской Гвардии давал только один ответ, четкий и ясный: «Если сомневаешься — иди вперед!»

Корбек послал в разведку самых ловких и опытных солдат: Бару, Колмара и сержанта диверсионного взвода Маколла. Обернувшись в танитские плащи, они растворились в клубящейся мгле. Завеса плотного дыма и пыли затянула траншеи, скрыв их от глаз. Сержант Блейн молча указал на облако, медленно надвигающееся на гвардейцев. Корбек знал, что тот имеет в виду. Полковник ничего не сказал, чтобы не пугать остальных раньше времени. Покаявшиеся не стеснялись использовать отравляющие вещества — легкие газы, от которых гниют легкие и

кровь закипает в жилах. Корбек вынул свисток и дунул в него три раза. Солдаты отложили лазганы и принялись надевать противогазы. Полковник и сам натянул на лицо резиновую маску. Он терпеть не мог противогаз. Ненавидел эти линзы, через которые ничего не видно. И одышку, возникавшую из-за тугого дыхательного клапана. Но все лучше, чем надышаться отравой. Взрывы поднимали на воздух целые тонны грязи, превращая ее в ядовитый дождь. Разлагающиеся трупы наполняли воздух болезнетворными бактериями. Тиф, гангрена, чумная язва поселились в останках обозных животных и кавалерийских скакунов. Микотоксины жадно пожирали любую органическую материю, обращая ее в отвратительное черное месиво.

Номинально являясь старшим офицером полка, Корбек имел доступ к документации Генштаба. Он прекрасно знал, что почти восемьдесят процентов потерь в рядах Имперской Гвардии с начала вторжения были результатом отравлений газами, болезней и вторичных

инфекций. Безопаснее было выйти один на один с вооруженным до зубов солдатом. Покаявшихся, чем прогуляться по ничейной земле без защиты.

Корбек приказал солдатам продвигаться, беззвучно проклиная полуслепые линзы противозага.

Вскоре они набрали на развилку. Полковник приказал Греллу, сержанту пятого взвода, взять три группы и прочесать траншею по левую сторону. Глядя, как гвардейцы выполняют его распоряжение, полковник все острее ощущал тревогу. Разведка молчит. Как и раньше, его отряд шел вслепую.

Оставшаяся сотня гвардейцев во главе с полковником ускоренным темпом двигалась по ходам сообщения. Во главе колонны шли два самых зорких танитца, выискивая мины и растяжки с помощью магниточувствительных щупов, соединенных с тяжелыми ранцами. Казалось, Покаявшиеся отступали в такой спешке, что не успели оставить никаких сюрпризов. Но каждые несколько шагов колонна останавливалась. Миноискатели

то и дело улавливали что-нибудь жестяную кружку, фрагмент доспехов или походный котелок. Иногда попадались железные иглы, выплавленные в печах кузниц. Сектанты пригавали ил вид звероподобных существ. Корбек лично расстреливал каждый подобный талисман из лазерного пистолета. На третий раз иппульс попал в трещинку, и игла разлетелся острыми осколками. Один из них ранил рядового Дрейла, оказавшегося рядом. Осколок глубоко вошел в плоть где-то под ключицей. Скривившись, гвардеец тяжело осел в грязь. Сержант Куралл немедленно вызвал санитаров, и раненого солдата наспех перевязали.

Корбек проклял собственную глупость. Он так желал уничтожить богомерзкие символы Покаявшихся, что по неосторожности ранил своего же бойца.

— Ничего страшного, сэр, — прохрипел в противогаз Дрейл, пока Корбек помогал ему встать. — Вот при Вратах Вольтиса меня ранили штыком в бедро...

— Ага, а на Танит он получил битой бутылкой в щеку, когда подрался в

трактуре, — добавил из-за спины рядовой Колл. — С ним еще и не такое бывало.

Солдаты расхохотались. Их смех вырывался из дыхательных клапанов неприятным хрипом. Корбек кивнул. Симпатягу Дрейла в отряде любили — его песни и шутки не давали пасть духом. У Корбек прекрасно знал, что о похождениях этого гвардейца уже басни слагают.

— Моя вина, Дрейл, — признал он. — С меня бутылка.

— Не меньше, полковник, — откликнулся солдат и решительно перезарядил лазган, продемонстрировав готовность к бою.

Они продолжали идти, пока путь не оборвала тридцатиметровая воронка от огромного снаряда. Дерзкие сточные воды уже начали превращать ее в маленькое озеро. Корбек пересек воронку первым, вместе с саперами. Жгучие нечистоты

поднимались выше коленей. Полковник чувствовал, как жижга обжигает даже сквозь одежду. От штанов поднимался легкий дымок — ткань начинала тлеть. Корбек приказал остальным танитцам вернуться и ждать, а сам второпях выбрался на другой берег. Трое гвардейцев в ужасе смотрели, как жидкость медленно разъедает их форму. Полковник ощутил, что на его обожженных ногах вздываются волдыри.

Он повернулся к сержанту Кураллу, стоявшему на противоположном берегу.

— Обходите сверху! — прокричал он. — И отправь там санитаров с первой группой!

Опасаясь открытой местности, гвардейцы передвигались быстро и осторожно. Корбек и Куралл немедленно организовывали их в огневые группы по обе стороны траншеи. Санитар обработал израненные ноги полковника и гвардейцев антисептиком из аэрозоля. Боль поутихла, а одежда наконец перестала тлеть. Корбек проверял свое оружие, когда сержант Трелл позвал его

взглянуть на то, что он обнаружил.

Это был Кольмар, один из разведчиков. Он был мертв, четвертован. Его труп покачивался на ржавом штыре, вбитом через грудь в стену траншеи. Такие штыри использовались в кузницах Agentus Механикус, чтобы манипулировать чанами с расплавленной рудой.

Корбек ненадолго задержал на нем взгляд и отвернулся. Имперские гвардейцы пока не сталкивались с серьезным сопротивлением. Но всех их угнетало чувство, что в траншеях есть кто-то еще. Сколько бы ни было Покаявшихся --- разрозненные группы выживших или партизанские отряды, призванные остановить гвардейцев, --- их присутствие ощущалось в каждом закоулке вспомогательных траншей.

Вцепившись в штырь, Корбек опустил тело Кольмара на землю. Достав из спального мешка подстилку, он завернул в нее несчастные останки. Но не смог заставить себя предать тело огню.

--- Выбегается, --- приказал он

Греллу, и тот последовал за санперати.

Корбек неожиданно замер. Что-то скрипнуло у него в ухе. Он вдруг понял, что это ожила вокс-бүсина. То, что вокс вообще заработал, невероятно обрадовало полковника. Пусть это была всего лишь передача от Маколла, командира разведывательной группы.

--- Вы слышите, сэр? --- донесся голос Маколла.

--- фес! Чего я должен тут слышать? --- переспросил Корбек. Он пока слышал только непрерывный грохот вражеских орудий и вой падающих снарядов.

--- Барабаны, --- произнес разведчик. --- Я слышу барабанный бой.

Брин Майло услышал барабаны первым. Гаунт ценил своего музыканта за невероятно острое чутье. Иногда эта черта начинала его беспокоить. Он уже видел одного человека с таким чутьем.

Девушку, с которой столкнулся много лет
назад. Она долгие годы являлась ему в
кошмарах.

--- Барабаны, --- прошипел Майло.

Прислушавшись, Гаунт тоже уловил
звук.

Возглавляемый им отряд пробирался
через склады и руины высоких
промышленных строений в тылу
покаявшихся. Вокруг были только черные
груды оплавленного камня, ржавой
арматуры и разбитого керамика. Порой
встречались и перевернутые горгульи,
прежде защищавшие фабрики от
заражения. Гаунт действовал очень
осторожно. Развязка битвы оказалась
неожиданной. Начав с отражения атаки,
они продвинулись гораздо дальше, чем
ожидал комиссар, благодаря удаче и
бесчеловечному приказу Дравера.
Добравшись до переднего края обороны
противника, Призраки обнаружили пустые
траншеи. Большая часть войск явно
покинула их в спешке. Завеса
артиллерийского огня отрезала все пути к
отступлению. Гаунту сначала показалось,

что Покаявшиеся совершили большую ошибку — отступили слишком далеко, спасаясь и от Гвардии, и от собственного обстрела. Или они что-то задумали. Второй вариант Гаунту совсем не нравился. В тот момент у него было две сотни солдат, идущих растянутой линией. И он прекрасно понимал: если Покаявшиеся контратакуют сейчас, он быстро останется в одиночестве.

Они прочесывали выжженные фабричные ангары, склады и кузницы, выискивая противника. Над их головами трепетали рваные знамена. Каждый шаг отзвучивался хрустом битого стекла. Все механизмы, которые им встречались, были разобраны или просто разбиты. Не осталось вообще ничего — кроме проклятых капниц Хаоса, которые Покаявшиеся щедро настроили по округе. Как и полковник Корбек, комиссар приказал сжигать их, чтобы от этой богомерзости не осталось и следа. Но по иронии судьбы Гаунт двинулся в обратном от Корбека направлении. Связь молчала, и

прорвавшиеся отряды Танитского Первого
и Единственного слепо блуждали на
вражеской территории.

Барабанный бой становился громче.
Гаунт позвал своего связиста, рядового
Раффлана, и бросил короткий вопрос в
трубку вокс-станции: есть ли кто-нибудь
рядом?

Барабанный бой нарастал.

Из трубки донесся невнятный клекот.
Поначалу Гаунт решил, что это помехи
на волне, но вскоре понял, что это
сообщение, только на другом языке. Он
повторил свой запрос. После неприятно
долгой паузы ему наконец ответили на
ломаном, но более или менее понятном
низком готике:

--- Говорит полковник Витрийских
Драгун Зорен. Мы на подходе и готовы
оказать вам поддержку. Не стреляйте.

Гаунт подтвердил прием и велел
танитцам рассредоточиться по
складскому двору, укрыться и ждать.
Впереди что-то сверкнуло в тусклом
свете, и Гаунт разглядел приближающихся
солдат. Призраков не было видно до

последнего момента. Благодаря
отточенному умению маскироваться где
угодно и меняющим цвет плащам бойцы
Танитского полка славились как
диверсанты.

Драгуны шли глинной ровной колонной
в три сотни человек. Гаунт с первого
взгляда понял: несмотря на субтильное
сложение, это сильные и хорошо обученные
солдаты. Они носили нечто вроде кольчуг,
матово поблескивающих, бүгто
сплетенных из темного неполированного
металла. Гаунт скинул маскировочный
плащ, ставший привычным после
присоединения к Первому и
Единственному, выбрался из укрытия и
махнул рукой приближающимся
гвардейцам. Он направился к Драгунам,
чтобы поприветствовать их командира.

Вблизи витриане выглядели еще
более впечатляюще. Их необычная броня
состояла из облегающих сегментов
зубчатой кольчуги. Доспехи отливали
чернотой обсидиана. Глухие шлемы
трачно поблескивали узкими темными
линзами. Оружие сияло идеальной

чистотой.

--- Гаунт, комиссар Танитского
Первого и Единственного, --- козырнул
Убрам.

--- Зорен, командир Витрийских
Драгун, --- прозвучало в ответ. --- Раг
видеть вас живыми. Мы опасались, что
идет на помощь мертвому полку.

--- Эти барабаны --- ваши?

Зорен поднял забрало, открыв
приятное темнокожее лицо и озадаченно
посмотрел на Гаунта:

--- Нет, не наши... Тоже загадет.
Император знает, что это.

Гаунт обернулся на руины, затянутые
дымом. Шум становился невыносимым.
Будто сотни... тысячи барабанов... со всех
сторон. И на каждый барабан --- по
барабанищук. А значит, они окружены и
безнадежно проигрывают врагу в
численности.

Каффран кое-как дополз по грязи до воронки и рухнул на дно. Автобстрел не стихал. Тантеец уже потерял лазган и большую часть экипировки. Из оружия остались только посеребренный нож и трофейный автоматистолет, который достался ему когда-то давно.

Выглянув из воронки, он заметил фигуры людей вдалеке. Отряд солдат, словно одетых в стекло, попал под ливень снарядов. Бойцы погибали один за другим.

Взрыв раздался совсем рядом, и Каффран скатился обратно, закрыв голову руками. Казалось, он попал в ад, из которого нет выхода. Будь оно все проклято, фес его раздери!

Он только поднял голову и тут же схватился за пистолет: что-то свалилось рядом с ним в яму. Этим чем-то оказался один из тех «стеклянных» солдат, которых видел Каффран. Должно быть, догадался поискать укрытие. Предупреждая агрессивную реакцию Каффрана, незнакомец поднял руки.

--- Свои! Гвардия, свои! --- поспешно выкрикнул он.

Он поднял забрало шлема, под которым обнаружилось не лишнее приятности лицо. Черная кожа солдата блестела, как отполированное эбеновое дерево.

--- Рядовой Витрийского полка Вогат, --- продолжил он. --- Нас отправили воевать на выручку. Половина наших была еще в чистом поле, когда начался обстрел.

--- Очень приятно, --- шутливо произнес Каффран, убирая оружие.

Он протянул бледнокожую руку в знак приветствия и тут же заметил, с каким презрением солдат в серебристой кольчуге смотрит на его татуировку.

--- Рядовой Каффран, Первый Танитский, --- представился он.

Помедлив, солдат пожал его руку.

Рядом снова упал снаряд, и взрывной волной окатило грязью. Поднявшись, оба оглядели апокалиптический пейзаж.

--- Ну, дружище, --- выговорил Каффран, --- похоже, уйдете вы отсюда не скоро...

Полковник Фленс вел Янтийских Патрициев на запад. «Хитеры» с трудом продирались сквозь тонкую грязь. В облике Патрициев отражалось их благородное происхождение — рослые парни в фиолетовой униформе и сияющих хромом доспехах. Фленс был удостоен великой чести возглавить этот полк шесть лет назад. Янтийцы славились своей стойкостью и гордостью и стяжали немалую славу. История полка растянулась на пятнадцать поколений с первого Основания в крепостях мира Янт Норманид Прим. Пятнадцать поколений героических побед, звенящих прославленными именами полководцев и кампаний. На свитке почета Патрициев было всего-навсего одно пятно. Но оно преследовало Фленса день и ночь. Сегодня он сотрет его. Здесь, на Фортис Бинари.

Полковник остотрел поле боя в оптику. Две колонны его солдат общим счетом десять тысяч обходили врага с

фланга, пока витруане и танитцы
теснили Покаявшихся в лобовой атаке. Оба
этих полка уже прорвались глубоко на
позиции Покаявшихся. Но Фленс не
рассчитывал на мощный обстрел со
стороны вражеской артиллерии на холмах.
В двух километрах землю уже усеяли
воронки, облака грязной пыли достигали
машин Патрицьев. Обходных путей видно
не было, а о попытке провести
моторизованную колонну под
артобстрелом Фленс и думать не хотел.
Лорд-генерал Дравер был приверженцем
теории приемлемых потерь и не раз без
мени сожаления демонстрировал это. Но
Фленс не спешил умереть. Как бы они с
Давером ни планировали наступление,
такого они не предвидели. Победа
ускользнула и на этот раз.

--- Отступаем! --- рывкнул он в
коммуникатор и почувствовал, как его
бронетранспортер дает задний ход и
начинает разворачиваться.

Заместитель Фленса, крепко
сложенный ветеран Брохусс, трачно
глянул на него из-под низкого козырька

шлема.

--- Отступает, полковник? --- спросил он с таким видом, будто больше всего на свете желал погибнуть под бомбами.

--- Заткнись, а?! --- огрызнулся Фленс и повторил приказ.

--- А что с Гаунтом? --- не унимался Брохусс.

--- Сам-то как думаешь? --- ухмыльнулся Фленс и указал в албазуру на огненный вихрь, объявивший мертвую землю впереди. --- Может быть, нам и сегодня не снискать славы, но мы можем быть уверены в одном простом факте --- этот выродок мертв.

Брохусс кивнул, и его губы медленно растянулись в довольной ухмылке. Никто из ветеранов не забыл Хедг 1173.

Колонна Патрицьев развернулась и зазмеилась на исходные позиции, пока орудия Покаявшихся не достали ее. Придется еще немного подождать с победой. Пусть Танитский Первый и Единственный вместе с Витрийским полком выбираютя сами. Если, конечно, еще есть кому выбиратья.

Гилам Децим, восемнадцать лет
назад

Октар утирал долго. Восемь дней. Как-то раз комиссар-генерал пошутил... На Дарендаре это было или все же на Фолионе? Гаунт уже забыл. Но саму шутку он помнил: «Меня убьет не война, а эти распроклятые празднования».

Они тогда стояли в дынном зале, среди веселящегося люда и реющих знамен. Большинство гирканских офицеров едва держались на ногах от выпитого. Сержант Түрот в одном исподнем полез на барельеф двуглавого имперского орла с твердым намерением водрузить над ним гирканской флаг. Улицы вокруг заполнили шумные толпы, звуки автомобильных гудков и грохот фейерверков.

Значит, Фолион. Точно.

Кадет Гаунт тогда улыбнулся. А может, даже растаял.

У Октара была одна особенность — он все время оказывался прав. И в этот раз тоже. Большая часть миров Гилатского Скопления сбросила из орков благодаря десятилетней резне на Гилатских лунах. Гаунт был рядом с Октаром, когда тот возглавил решающую атаку на Девятый кратер Трониса. Вместе они прорвались через оборону варварских телохранителей их вожака Элгоза. Октар своей рукой вонзил древко имперского знамени в мягкую серую почву на дне кратера сквозь разбитый череп вожака.

Потом, в Гилатском столичном улье на Деците: парад победы, радостные толпы людей, бесконечные пиршества, вручение наград, попойки...

И яг.

Коварно, особенно для орков. Будто чувствуя, что не смогут удержаться здесь, в последние дни зеленокожие успели отравить запасы воды и провизии. Сервиторы-анализаторы вовремя нашли все отравленные продукты. Все, кроме одной бутылки. На вторую ночь празднования адъютант Броф обнаружил в

погребях двorca, в котором гуляли штабные офицеры Октара, коллекцию старых вин. Никто не заподозрил подвоха. Когда наконец разобрались, в чем дело, умерли уже восемь человек, включая и Брофа. Скрученные жесточайшей болью, люди падали, хрипя и исторгая пену. Октар отхлебнул самую малость, когда забили тревогу.

Всего один глоток. Благодаря этому --- и могучей выносливости --- комиссар продержался восемь дней.

Гаунт в тот момент находился в казармах за главным дворцом улья, разнимал пьяную драку. Танхаузе позвал его слишком поздно. Ночью было уже нечет.

В последние часы Октар был похож на тень прежнего могучего воина. Медики выжили из его покоев, скорбно опустив головы. Доносившийся оттуда запах тлена едва можно было вынести. Гаунт дожидался в прихожей. Некоторые гирканцы, одни из храбрейших гвардейцев, которых доводилось встречать Гаунту, не скрывали слез.

--- Он хочет видеть Мальчика, ---
произнес один из врачей, с трудом
сдерживая тошноту.

Гаунт вошел в откровенно
теплую комнату, пропитанную запахом
болезни. Октар был окружен
поддерживающим жизнь энергополем. Его
освещали электрофакелы, курились чаши с
благовониями. Комиссар был в шаге от
смерти.

--- Убрат... --- Его шепот таял легкой
дымкой в воздухе.

--- Комиссар-генерал.

--- Я медлил. Слишком долго медлил.
Нельзя было откладывать до такого
случая. Я заставил тебя ждать так
долго...

--- Ждать?

--- Скажу честно, я не хотел терять
тебя... Только не тебя, Убрат... Слишком
хороший солдат, чтобы отпустить тебя
делать карьеру. Скажи мне, кто ты?

Гаунт нерешительно пожал плечами.
Жуткий запах забивался в горло, мешая
говорить.

--- Какое Убрат Гаунт, сэр.

--- Неверно... Теперь ты комиссар
Убрам Гаунт, облеченный этим званием
на поле боя, и отныне гирканские полки
поступают под твой бдительный
контроль. Найди мне писаря. Нужно
засвидетельствовать мое решение и твою
клятву.

Собрав волю в кулак, Октар прожил
еще сепнадцать минут. За это время был
найден писарь Администратума и
соблюден формальный ритуал принесения
клятвы. Октар умер, сжимая руку Гаунта
костлявыми, скользкими от пота
пальцами.

Убрам Гаунт был опустошен,
оглушен. Словно что-то вырвали из самого
сердца и развеяли по ветру. Он потерянно
вышел из комнаты и даже не заметил,
что солдаты приветствуют его как
нового комиссара.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Мир-кузница Фортис Бунари

1

На самом деле Корбека раздражали не сами барабаны, а отсутствие ритма. Удары были хаотичны, как сердечные спазмы, рванные, сбивчивые. Обстрел не затихал, но теперь, когда гвардейцы подобрались ближе к источнику шума, барабанный бой перекрывал даже грохот падающих за окнами снарядов.

Корбек понял, что его люди боятся, задолго до того, как Куралл сказал ему об этом. Им навстречу шел сержант разведки Маколл. Он не знал о приказе нагеть противогазы, и теперь кожа на его лице сторищилась и начала зеленеть. Едва заметив респираторы на остальных солдатах, он торопливо натянул свой.

--- Докладывай! --- немедленно
потребовал Корбек.

--- Дальше траншея заканчивается, ---
ответил Маколл, пытаясь отдышаться в
противогазе. --- Там огромный фабричный
комплекс. Мы прорвали их фронт и вышли
прямо к индустриальному поясу. Никого
так и не увидели. Только барабаны
услышали. Судя по звуку... Короче, там их
тысячи. И они явно собираются атаковать.
Не пойму только: мы-то чего ждем?

В ответ Корбек только кивнул и
приказал солдатам следовать за ним. Они
шли, прижимаясь к стенам траншеи и
стараясь держаться в поле зрения друг
друга. Гвардейцы в первых рядах
пригибались ниже, чтобы идущие позади
могли целиться поверх их голов. Изгиб
траншеи вывел их в расщелину, сжатую
каменными стенами. Она спускалась в
долину, застроенную колоссальными
заводскими складами. Рваные барабанные
гробы били в уши все громче.

Корбек выдвинул две огневых группы
по флангам. Справа Дрейл, слева --- Лукас.
Центральную группу полковник вел сам.

Крутой склон, облитый водой, почти не давал опоры. Большую часть времени гвардейцы просто старались не упасть, забывая об осторожности. Здания фабрик от склона отделяла пустая площадь. Отсутствие укрытия угнетало, и Корбек торопил людей. Центральный отряд развернулся широким рваным строем, ожидая, пока спустятся все гвардейцы. Группа Дрейла уже заняла оборону слева, прикрывая их. Вскоре и Лукас был на своем месте. Барабаны стучали с такой силой, что их удары отдавались в грудной клетке и заставляли угрожать линзы противогазов.

Корбек проскочил пустое пространство с восьмерыми гвардейцами. Как только они добрались до ближайшего здания, Грелл послал к ним еще десяток. Полковник отметил, что солдаты держат строй, его настораживал только Дрейл, который на мгновение стянул маску и вытер пот с лица. Корбек понимал, что виной всему его «дружеский огонь», но нарушений дисциплины терпеть не собирался.

— А ну быстро противогаз на торгу! —
прикрикнул он на Дрейла. А потом, под
прикрытием семи лазганов, полковник
проскользнул в здание.

Островерхий склад грозил от
оглушительного барабанного грома. Корбек
с трудом поверил своим глазам. Его
окружало множество механизмов,
двигателей и турбин. Каждый из них
приводил в движение барабанные палочки,
бывшие по обтянутым кожей цилиндрам
всех возможных размеров. Корбек старался
не думать о происхождении кожи.
Хаотический, бессмысленный стук
барабанов Покаявшихся заполнил его разум
до краев. Невозможно было распознать
хоть какую-то мелодию, но Корбек
опасался, что она все же есть. Просто он
еще недостаточно безумен, чтобы
расслышать ее.

Более тщательный осмотр помог
обнаружить только пустоту. И в этом, и
во всех других зданиях. Ни души. Но все они
были заполнены теми же механическими
барабанами... Десять, двадцать тысяч
всевозможных барабанов, словно бьющиеся в

агонии сердца.

Призраки заняли круговую оборону. Но Корбек прекрасно знал, чего все они боятся. Сотрясавший воздух ритм стогли бы выдержать немногие.

Он позывал Скулана. Его пропахший прометием тяжелый огнетет истекал нефтяной слюной. Полковник указал на первое здание.

--- Сержант Грелл прикроет тебя, --- начал он. --- О тылах не беспокойся. Просто выжги все эти гадючки до последнего.

Огнететчик задержался, чтобы подтянуть манжету своего законченного оружия. Грелл послал с ним группу охранения, и Скулан шагнул внутрь. Он вскинул огнетет. Палец на курке под защитной накладкой напрягся...

Один удар. Единственный. В какое-то мгновение беспорядочная какофония тысяч барабанов слилась в одном звуке.

Голова Скулана взорвалась. Тело рухнуло мешком требухи. Удар о землю и мышечный спазм заставили палец на курке закончить движение. По стенам хлестнула яростная струя пламени. Она

прошла по галерее и обрушилась на троих солдат, прикрывавших огнеметчика. Огонь немедленно сожрал их дергающиеся тела, оборвал вопли.

Гвардейцев охватила паника, и они кинулись врассыпную. Корбек выругался. Умирая, Скулан каким-то образом зажал спусковой крючок. Придавленный весом тела, огнемет извивался на гибком шланге и бросался из стороны в сторону, словно огнедышащая змея. Яркая струя поймала еще двоих, троих... Там, где она касалась грязных бетонных стен, оставались огромные конические шрамы.

Корбек вжался в стену, укрываясь от языков пламени. Его мысли отставали от действий. В руке уже оказалась граната, одним движением он поставил ее на боевой взвод.

Вынырнув из своего укрытия, полковник приказал всем залечь и кинул гранату к трупу огнеметчика и его обезумевшему оружию. Топливные баки на спине мертвеца вспухли чудовищным огненным шаром. Ослепительно-яркий огонь вырвался из двери склада, снес

значительный кусток крыши.
Обезглавленное тело Скулана погребло пог
обломками каменных плит.

Корбека швырнуло на землю
раскаленной ударной волной. Сержант
Маколл, укрывшийся в канаве, избежал
хуже судьбы. Но он успел разглядеть то,
чего не заметил полковник. Барабанная
какофония не позволяла
сконцентрироваться. И все же Маколл
верил своим глазам: Скулан был убит
лазерным импульсом в затылок. Крепко
сжав винтовку, разведчик выбрался из
укрытия, выискивая глазами стрелявшего.
«Должно быть, снайпер, — думал он. —
Один из Покаявшихся, укрывшийся на
ничейной территории».

Солдаты поблизости распластались
на земле, закрыв головы руками. Все,
кроме одного. Дрейл стоял, расслабленно
помахивая ладаном, и улыбался.

— Дрейл! — выкрикнул Маколл,
спрыгивая с теста.

Гвардеец развернулся к нему и
посмотрел глазами, полными молочно-
белой пустоты. Затем поднял ладан и

Маколл бросился на землю недостаточно быстро. Лазерный импульс лизнул его вдоль спины и пережег портупею. Кубарел скатившись в канаву, разведчик ощутил тупую боль от ожога ног лопатками. Крови не было — лазер тут же прижег нанесенную рану.

Воплей и паники ощутили прибавилось. Странно, по-детски восторженно визжа, Дрейл повернулся на месте и почти в упор расстрелял двоих убежавших Призраков. Остальные сугорожно пытались отползти с линии огня. Дрейл переключил оружие в автоматический режим и срезал их, убив пятого, шестого, седьмого...

Корбек вскочил, в ужасе глядя на происходящее. Он вскинул лазер, прицелился точно в грудь безумного гвардейца и выстрелил. Поверхнувшись

собственным визгом, Дрейл грохнулся на спину, колотично дернув ногами.

Повисла пауза.

Корбек и Маколл осторожно подошли ближе. За ними последовали несколько гвардейцев, остальные пытались помочь раненым.

--- Феса раги... --- выдохнул полковник, приблизившись к трупу. --- Да что тут творится?

Маколл не отвечал. Преодолев расстояние между ними в несколько огромных прыжков, разведчик врезался в Корбека и свалил на землю.

Дрейл не умер. Под его кожей кипело, вздывалось нечто непонятное и отвратительное. Сначала он встал на колени, а потом --- во весь рост. В два человеческих роста. Его униформа и кожа лопались, не в силах сдержать разрастающийся внутри костяк.

Корбек не хотел смотреть в эту сторону. Не хотел видеть костистую тварь, выбиравшуюся из кожи Дрейла. Освободившись от лохмотьев человеческой плоти, порождение Хаоса упруго

выпрямилось в фонтане крови.

Стоя посреди двора, Дрейл -- или то, что когда-то было Дрейлом, -- смотрел на Призраков. Извращенная, гротескная тварь больше трех метров ростом, чьи кости отливали темным блеском кованого железа. Огромную голову венчали изогнутые рога, по телу струились кровь, машинное масло и жидкости, название которых еще не придумано. Чувовище будто улыбалось и поводило головой из стороны в сторону, предвкусывая грядущую резню.

Хотя на существе не осталось ни одежды, ни плоти Дрейла, Корбек заметил на его шее жетон гвардейца.

Тварь подняла стальные когти к небесам и издала могучий вой.

-- Все в укрытие! -- проорал полковник.

Настерть перепуганные солдаты бросились врассыпную к любой тени или яме, где можно было укрыться. Корбек и Маколл нырнули в дренажный канал. Разведчика трясло. Дальше по каналу Корбек заметил рядового Мелира, ротного

ракетометчика. Тот не мог пошевелиться от ужаса. Полковник окунулся в зловонную жижу на дне и погполз к гвардейцу. Он попытался забрать ракетомет, но скрюченные паническим страхом пальцы Мелира не хотели разжиматься.

--- Маколл! Фес тебя гери, помоги мне! --- крикнул он, пытаясь вырвать оружие.

Хватка ослабла. Корбек ощутил непривычный ему и непослушный вес тяжелого оружия. С одного взгляда он понял, что ракетомет заряжен и готов к бою. Тень накрыла его. Чудовище, некогда звавшееся Дрейлом, нависло над ним. Из пасти, полной тупых звериных зубов, вырвалось шипение, словно тварь ликовала.

Корбек откинулся на спину и попытался прицелиться. Измазанное грязью оружие скользило в руках, и полковник беспомощно сполз на дно канала.

--- Император Пресвятой, --- зашептал он, --- избави нас от Тьры Пустоты и во служении Твоем направь сие оружие... Император Пресвятой, избави нас от

лтрака Пустоты...

Он нажал спусковой крючок. Ничего. Вода заполнила ударный механизм.

Тварь нагнулась и легко подцепила Корбека за шиворот кителя. Полковник оказался на расстоянии вытянутой руки от чудовища. Правда, теперь вода вылилась из ударника. Он вновь нагавил на крючок. На таком расстоянии промахнуться было невозможно. Тварь лишилась головы.

Корбек пролетел шагов двадцать и рухнул на кучу шлака. Ракетомет откатился в сторону.

Обезглавленное чудовище колебалось еще мгновение, а потом тяжело повалилось в канал. За его спиной сержант Грелл уже собрал десяток солдат. Их паника вырывалась наружу потоками злорадной ругани. Гвардейцы встали у края канала и открыли огонь. Они стреляли до тех пор, пока могучее тело агонизирующей твари не развалилось на куски.

Корбек наблюдал за этим пару секунд, а затем перекатился на спину и просто устало лежал.

Вот и случилось все самое страшное. У него не оставляла мысль, что все это --- целиком и полностью его вина. Ведь Дрейл заразился от осколка проклятого идола... «Соберись, ты нужен людям», --- мысленно прикрикнул на себя Корбек. Его зубы отбивали гробь. Бандиты, мятежники, даже мерзкие орки --- со всем этим он мог справиться. Но это...

Над нити все еще грохотал артобстрел. Сыпали хаотичную гробь механические барабаны. Усталость вот-вот затопит сознание. Первый раз со времен падения Танит, Корбек ощутил на лице слезы.

Опускались сумерки, но оружия покаявшихся все не утолкали. Рева и грохоча, выросла трехсоткилометровая чаща из огненных сполохов и столбов дыма. Гаунт решил, что разгадал тактику противника. Беспронзрышная

ситуация.

Покаявшиеся начали наступление на рассвете, надеясь прорвать укрепленную линию имперских сил. При этом они ожидали мощного сопротивления. Гаунт и его люди не обманули их ожиданий. Когда атака захлебнулась, Покаявшиеся стали отступать, заманивая имперские войска в собственные траншеи... и в зону поражения артиллерии, окопавшейся на холмах.

Верховный лорд-генерал Дравер уверял Гаунта и остальных командиров, что три недели ковровых бомбардировок Имперского флота превратили артиллерию врага в металлолом, поэтому наступающая пехота могла находиться в относительной безопасности. В чем-то он был прав. Механизированные артиллерийские батареи Покаявшихся, опустошавшие имперские позиции, действительно получили свое. Как выяснилось, еретики имели в запасе и более дальнобойные орудия, укрепленные в бункерах на вершинах холмов. Даже обстрел с орбиты им был нипочем.

Но гвардейцам lupили крупным

калибром, и Гаунта это совсем не удивляло. В конце концов, это мир-кузница. И сколь бы безумным ни было влияние Хаоса, оно не делало Покаявшихся дураками. Ересь зародилась среди инженеров и мастеров Фортис Бинари, которых вырастили и обучили техножрецы Марса. Здесь могли создать любое оружие. И на это у них были месяцы.

И вот --- великолепная стратегическая ловушка. Ворвавшись в траншеи Покаявшихся, Первый Танитский, Витрийские Драгуны и Император знает, какие еще полки попали в нее. Теперь завеса артобстрела будет продвигаться назад метр за метром, пока не сметает их всех с землей.

От передовых позиций Покаявшихся уже ничего не осталось. Едва ли несколько часов назад солдаты Гаунта с боем пробивались через те траншеи в тыл противника. Теперь они ощутили всю горечь от бессмысленности своих усилий.

Призраки Гаунта и присоединившаяся к ним рота Витрийских Драгун укрылись в разрушенных цехах. Занавесу из

надающих снарядов оставалось ползти до них не больше километра. Связи с другими подразделениями Танитского или Витрийского полков так и не было. Казалось, они единственные и выжили. Уж конечно, не имело смысла рассчитывать на поддержку со стороны имперских войск. Гаунт поначалу надеялся, что с фланга атаковали какие-нибудь треклятые Янтийские Патриции или даже элитные штурмовые части Дравера, но даже эту слабую надежду стесал с грязью ливень снарядов.

Вокс молчал: электромагнитное возмущение, вызванное массированным артобстрелом, заглушало все каналы. Даже в прямой видимости друг от друга бойцы не могли установить связь, не говоря уже о штабе или других боевых частях. Полковник Зорен требовал, чтобы его связист поймал волну одного из орбитальных кораблей слежения, который смог бы передать их состояние и местоположение командованию. Но небеса тира, полгода пожираемого войной, были полны нефтехимического стога, непла,

электрических аномалий и вещей гораздо худших. Не прорваться сквозь эту пелену.

Лишь два звука напоминали о мире вокруг — беспрестанный гул взрывов и сумбурный перестук барабанов.

Гаунт брел по сырой траншее илперского отряда. Гвардейцы сбились в группы и кутались в свои плащи, спасаясь от ночного холода. Комиссар запретил включать обогреватели и горелки — на тот случай, если вражеская телеметрия использовала тепловизоры. А бетон и пласть заводских стен должны были бы скрыть едва заметное тепло человеческих тел.

Витриан было почти на сотню больше, чем танитцев. Драгуны держались в стороне, в дальней части склада. Там, где солдаты двух полков сидели ближе друг к другу, время от времени начинались разговоры. Дальше дежурных приветствий и вопросов они не заходили.

Драгуны славились прекрасной выучкой и аскетизмом. Гаунт был наслышан об их стоическом духе и военном

искусстве. Ему вдруг подумалось: достаточно ли в этом благочестивом и отточенном, как стекловолокно, витрийских доспехах, духе того огня, который рождает великих воинов? Снаряды взрывались все ближе, и Гаунт начал сомневаться, что когда-нибудь узнает ответ на этот вопрос.

Полковник Зорен наконец оставил свои попытки связаться со штабом и направился вдоль рядов своих гвардейцев к Гаунту. Темнота придавала его и без того черному лицу выражение бесконечной усталости.

--- Что теперь будем делать, комиссар-полковник? --- спросил он, глядя на его нашивки. --- Будет сигнал тут сигнал, как старичье, дожидаться смерти?

Гаунт окинул взглядом сумрак укрытия. Его дыхание вырывалось в воздух облачками пара.

--- Если нам и суждено умереть, --- качнул он головой, --- пусть наша смерть не будет напрасной. У нас с вами четыре сотни солдат, полковник. И путь наш уже определен.

--- Как так? --- нахмурился Зорен, будто сбитый с толку.

--- Что вы предлагаете --- назад по болбы? Влево-вправо --- нам не обойти эту завесу смерти. Так что дорога у нас всего одна: вглубь фронта противника, к их следующему оборонительному рубежу. Нам нужно добраться туда и забрать с собой столько Покаявшихся, сколько стожет.

Зорен молчал еще несколько мгновений, а потом расплылся в улыбке. В темноте блеснул ровный ряд белых зубов. Идея ему явно понравилась. Ее логика была очень проста, к тому же в ней было место чести и славе. Гаунт рассчитывал, что это придется по нраву витрианам.

--- Что ж, когда выдвигается? --- Зорен натянул кольчужные перчатки.

--- Артобстрел Покаявшихся накроет эту территорию через час-другой. Думаю, разумно будет уйти до этого. В общем, чем раньше, тем лучше.

Кивнув друг другу, Гаунт и Зорен отправились поднимать своих офицеров и строить войска.

Отряд был готов выступить всего

через десять минут. Санитцы
перезарядили и проверили лазганы,
заменили негодные фокусирующие стволы.
Гаунт приказал установить среднюю
мощность заряда лазганов. Санитцы
закрутились в камуфляжные плащи и
вытащили серебристые штык-ножи сажень,
скрывая блеск клинков. Гвардейцы
разбились на отряды по десять человек.
Тяжелое оружие было распределено поровну
— каждой группе досталось хотя бы одно.

Гаунт наблюдал за действиями
витриан. Они разделились на более
крупные отряды, по двадцать человек в
каждом. Тяжелого оружия они несли
гораздо меньше. В основном это было
плазменное оружие. Гаунт подметил, что
у витриан нет ни огнеметов, ни
телтаганов. Комиссар решил, что
поставит в авангард Призраков.

Витриане пригнули глинные
трехгранные штыки, синхронно проверили
оружие на боеготовность почти с
хореографической грацией. Мощности
оружия они ставили на максимум. Затем
они с той же слаженностью обратились к

небольшим пультам на запылях. По
темному строю прошла легкая рябь.
Тонкие стеклянные чешуйки витрийских
кольчуг перевернулись. Зубцы снова
сломались, но теперь они были не
зеркальными, а матово-черными. В таком
режиме доспехи Драгун позволяли
маскироваться в темноте. Это произвело
впечатление на Гаунта.

Бомбардировка все сотрясала землю
за спинами солдат. Они настолько
привыкли к этому звуку, что уже не
обращали на него внимания. Гаунт и Зорен
переговаривались, пытаясь настроить
наушники коммуникаторов.

--- Используйте канал «канна», ---
говорил Гаунт, --- канал «сигма» ---
резервный. Мои Призраки пойдут в
авангарде, сильно не отставайте.

Зорен молча кивнул.

--- Я вижу, вы приказали своим людям
установить мощность лазганов на
максимум, --- как бы походя заметил
Гаунт.

--- В витрийском Искусстве Войны
сказано: «Пусть твой первый удар будет

стерпелым, и во втором не будет нужды».

Гаунт поразмыслил об этом всего мгновение. Затем он отвернулся и направился во главу передового отряда.

4

Мир разделился пополам: чернота надгробия и ослепительные огни ада над головой.

Рядовой Каффран и витрийский гвардеец забились в грязь воронки. Блуждающее пламя освещало их сполохами.

— Фес святой! — мрачно выругался Каффран. — Сдается мне, целыми нами отсюда не вылезти.

Витрианин, не оборачиваясь, произнес:

— Наша жизнь — всего лишь путь к смерти. И цена нашей смерти порой равна цене смерти вражеской.

Сперва опешив, Каффран скептически качнул головой:

— Ты философ, что ли?

Зогат наконец повернулся к Каффрану. Его взгляд из-под забрала был полон презрения.

— Это «Байхата», книга витрийского искусства войны. Наш кодекс, основа философии нашей воинской касты. Тебе не понять.

— Я не настолько дурак, — пожал плечами Каффран. — Валяй, рассказывай... Как война вообще может быть искусством?

Витрианин насторожился, подозревая наглешку. Но он здорово уступал Каффрану в знании низкого готика, на котором они общались. Культурные различия были бесконечно далеки друг от друга.

— «Байхата» содержит философскую и практическую основу пути воина. Все витриане обязаны прочесть ее и усвоить ее принципы перед тем, как отправиться на войну. Через ее мудрость мы постигаем тактику, она делает наши руки сильнее, дарует нашему разуму ясность, ее честь ведет нас к победе.

--- Должно быть, отличная книга, ---
подколол Каффран.

--- Так и есть, --- раздраженно
отмахнулся Зогат.

--- То есть вы заучиваете ее
наизусть? Или носите с собой?

В ответ витрианин расстегнул
бронезилет и показал внутренний карман
из серой ткани.

--- Мы носим ее у сердца. Работа
восьми миллионов людей, записанная на
моноволоконную бумагу.

--- Можно посмотреть? --- Каффрана
это почти впечатлило.

--- Моноволокно настроено на
контакт с генами владельца книги, никто
другой не может прикасаться к ней. ---
Зогат застегнул бронезилет. --- К тому
же она написана на витрийском. Уверен,
ты ничего там не поймешь. Даже если бы
и мог, это было бы серьезным
оскорблением со стороны чужака ---
читать священный текст.

Каффран откинулся на стену
воронки. Несколько секунд он молчал.

--- У нас на Танит... У нас таких

итук нет. Никакого великого искусства войны.

— У вас нет своего кодекса? — Витрианин вопросительно смотрел на него. — Нет философии боя?

— Мы просто так живем, и все... — заговорил Призрак. — Мы живем по одному правилу: «Если нужно драться — дерись, что есть силы, а подходи незаметно». Наш воинский кодекс явно не тянет.

— Действительно... не хватает глубокого подтекста и смыслового богатства доктрин витрийского искусства войны, — поразмыслив, заключил Богат.

Оба замолчали.

Каффран прыснул. А через мгновение оба гвардейца безудержно хохотали.

Они успокоились не скоро. Нежданное веселье чуть разрядило атмосферу трачного напряжения, навеянную всемирными кошмарами дня. Артобстрел продолжал гроыхать над их головами, и каждый снаряд грозил испепелить их. Но страх отступал.

Успокоившись, витрианин глотнул из

фляги и предложил ее Каффрану.

--- Вы, танитцы... Я слышал, вас осталось немного.

--- Едва наберется две тысячи. Все, кого комиссар-полковник Гаунт смог спасти в день Основания нашего полка, --- кивнул Каффран. --- В день гибели нашего тира.

--- Но все же вы прославились, --- заметил Зогат.

--- Прославились? Да, пожалуй. Благодаря этой славе нас бросают на самые грязные диверсионные задания, которые можно придумать. Нас забрасывают в оккупированные врагом ульи и на тиры смерти, куда не пробраться никому, кроме нас. Иногда я задаюсь вопросом: кто будет разгребать всю эту грязь, когда мы кончится?

--- Мне часто снится родина, --- задумчиво произнес витрианин. --- Мне снятся города из стекла и хрустальные залы. Я точно знаю, что больше никогда их не увижу. Но меня согревает то, что они навсегда останутся в моих мыслях. Должно быть, это тяжело --- потерять

своей дом.

— А что не тяжело? — переспросил Каффран. — Это тяжелее, чем умиротворять укрепления? Может, это тяжелее, чем умирать? Вся жизнь в услужении Императору тяжела. В каком-то смысле быть бездомным — преимущество.

Эти слова заставили Зога внимательно взглянуть на собеседника.

— Мне больше нечего терять. Мне нечем угрожать. Нет ничего, что заставит меня подчиниться и исполнять чужую волю. Существою только я, имперский гвардеец Дирмон Каффран, слуга Императора, да пребудет он на Троне вечно.

— Вот видишь, у вас все-таки есть своя философия, — произнес Зога. Какое-то время оба молчали, слушая гром орудий. Наконец витрианин решился задать вопрос: — Как... как погибла твоя родина, танитец?

Каффран закрыл глаза и задумался, будто выуживал из памяти что-то, что глубоко спрятал и не хотел вспоминать.

--- Это было в день Основания... ---
начал он со вздохом.

Дальше отсиживаться они не могли. Во всяком случае --- здесь. Даже если бы снаряды не взрывались все ближе, гвардейцев продолжало трясти от случившегося с Дрейлом. Одно воспоминание об этом знало их прочь.

Корбек приказал Греллу и Кураллу затинировать склады и как-нибудь заткнуть проклятые барабанные машины. Дальше Призраки двинутся вглубь вражеской территории и наделают там побольше шума. И будут продолжать, пока их не спасут или не перебьют.

Организованная рота --- чуть больше сотни человек, выживших после превращения Дрейла, --- уже начала выдвигаться, когда вернулся Бару. Один из троих разведчиков, которых Корбек высылал вперед. Бару вернулся не один.

Прижатый огнем артиллерии, он добрых полчаса просидел в траншее. Потом один из снарядов безнадежно разворотил прямую дорогу обратно. В тот момент Бару потерял всякую надежду вернуться к своим. Пробираясь по изгибам траншей, мимо витков колючей проволоки и заградительных кольев, он с удивлением наткнулся на пятерых танцевальщиков: Фейзора, Ларкина, Неффа, Лонезина и майора Роуна. Когда начался обстрел, они успели спрятаться в траншее и теперь блуждали, пытаясь придумать какой-нибудь план.

Радость от встречи была обоюдной — и бурной. Ларкин славился как лучший стрелок полка, его меткость и острый глаз пригодились бы на обратном пути. Фейзор тоже знал, с какого конца братья за лазган. К тому же он был не последним среди разведчиков. Лонезин разбирался в саперном деле, и Корбек немедленно отослал его на помощь группам Трелла и Куралла. Нефф был санитаром, медики сейчас ценились на вес золота. А командирский талант Роуна не подлежал

сомнению. Полковник немедленно отдал
под его руководство часть солдат.

Ночь полыхала взрывами, их яркие
вспышки сопровождалась какофонией
барабанного боя. Освещаемый беснующимся
заревом обстрела, Грелл вернулся к
Корбеку. Мины уже отсчитывали свои
пятнадцать минут отсрочки до
детонации.

Не теряя времени, танкетцы
двинулись по основной транспортной
магистрале завода. Корбек выстроил их в
две колонны. Авангард составляла группа
из шести человек: сержанта Грелла,
снайпера Ларкина, диверсантов Маколла и
Бару, ракетометчиков Мелиара и Домора
с миноискателем. Их задачей было
расчистить путь следующей за ними
роты. У огневой мощи отряда хватало не
только на то, чтобы предупредить своих
об опасности.

За спинами Призраков взлетели на
воздух склады. К черным небесам
взметнулись желтые и зеленые сполохи,
очерчивая силуэты строений вокруг.
Барабанный бой стал тише.

Наконец взрывы столкли, слышались другие, более отдаленные звуки. Бой ближайших барабанов перекрывал перестук дальних. Хаотичный грохот вновь обрушился на гвардейцев. Корбек раздосадованно сплюнул. Барабаны били по ушам, выводя из себя. Вспоминались ночи в неловых лесах гомана Таним, возле сторожевых костров. Раздавишь одного надоедливого сверчка — его стрекот подхватят сотни где-то в темноте.

— Пошли, — проворчал он. — Мы их выкопает. Все выкопает и разнесет. Все до последнего фесова барабана.

За спиной перекатывался добрительный рокот голосов. Призраки шли вперед.

Майло схватил Гаунта за рукав и заставил его повернуться к западу за миг до того, как в шести километрах от них расцвело зеленоватое пламя.

— Они бьют ближе? — спросил он.

Гаунт поднял свой моноскоп. Перед глазами поворачивался размеченный край

колеса автоматической подстройки, следуя за взглядом комиссара, скользящим по далеким зданиям.

--- Это еще что? --- прохрипела голосом Зорена ближняя связь. --- Вроде не артиллерия.

--- Согласен, --- отозвался Гаунт.

Он остановил отряд и приказал закрепиться на достигнутой позиции --- среди сырых, полужатопленных складов в низине. Взяв с собой Майло и нескольких солдат, комиссар вернулся назад, к Зорену, догонявшему их со своим полком.

--- Мы не одни. Кто-то еще оказался по эту сторону ада, --- обратился он к витрийскому командиру. --- Похоже, эти здания взорваны стандартными фугасными зарядами Гвардии.

Зорен кивнул.

--- Я... боюсь, что... --- начал он со всей осторожностью. --- Я сомневаюсь, что это кто-то из моих людей. Витриане подчиняются строгой дисциплине. Ну, если у них нет особых причин, неизвестных нам. Ни один витрианин не станет так использовать взрывчатку. Это все равно

что зажечь сигнальный огонь для вражеских наводчиков. Скоро их позицию начнут обстреливать.

Гаунт задумчиво поскреб подбородок. Он тоже решил, что это проделки танитцев. Роун, Фейзор, Куралл... может, даже Корбек собственной персоной. Все они известны тем, что временами совершают необдуманные поступки.

В этот момент новая цепь взрывов сожрала еще несколько складов.

— Если они продолжают в том же духе... — прорычал Гаунт. — Проще сразу передать противнику свои координаты по воксу.

Зорен подозревал своего связиста. Гаунт яростно выкручивал рычаг настройки канала, раз за разом твердя одно и то же в микрофон в проволочной рамке. Взрывы гревели не так уж далеко. А значит, есть шанс.

Уже третья цепочка складов с барабанными машинами утонула в огне. Призраки двинулись в сторону туннелей и галерей, сплетенных из арматуры, когда

Корбека догнал Лукас.

Появился сигнал.

На ходу отдав приказ Кураллу о
минировании еще нескольких зданий,
полковник побежал за связистом по
токрому бетону. Нацепив наушники, он
вслушался. Сквозь жуткие помехи
пробивался еле слышный, нагтреснутый
голос. Он повторял один позывной. И его
сложно было с чем-то спутать. Позывной
командования Танитского полка.

Подгоняемый Корбеком, Лукас
лихорадочно вывернул латунный тумблер
настройки, пытаясь усилить сигнал.
Полковник надрывно прокричал свой
ответный позывной в микрофон.

--- Корбек... олковник... втори, это ты?
...втор... ся рядом с...

--- Повтори! Комиссар, я тебя не
слышу! Повтори!

Связист Зорена поднял взгляд от
рации и отрицательно качнул головой.

--- Ничего, комиссар. Сплошные
помехи.

Гаунт приказал ему продолжать. Это

был шанс, ощутимый шанс увеличить численность отряда и сделать его боеспособным. Главное — отговорить Корбека от этой самоубийственной акции.

— Корбек! Это Гаунт! Немедленно прекрати взрывать и двигайся строго на восток, сейчас же! Корбек, ты меня слышишь?!

— Готов! — подал сигнал Куралл.

Корбек жестом остановил его. Лукас тем временем прижался к рации, пытаясь расслышать сигнал сквозь дробь барабанов и грохот бомбардировки.

— Нам... нам приказано прекратить и двигаться ускоренным маршем на восток... потому что... — во взгляде связиста блеснуло осознание, — потому что мы вызываем на себя огонь вражеской артиллерии.

Корбек медленно повернулся к скрытым тьмой позициям тяжелых орудий. Туда, где яркие линии со свистом вспарывали багряную тьму, оставляя за собой дымящие хвосты.

— Фес святой... — выдохнул полковник.

понимая, каких злобностей наделал сгорая,
и проорал что было сил: — Уходим, все
уходим!

Встревоженные внезапной стеной
тактики солдаты начали возвращаться.
Корбек руководил уже на бегу,
одновременно пытаясь развернуть
авангард. Зеленое пламя взрывов четко
обозначило направление, в котором
двигалась рота. Полковник понимал, что в
его распоряжении считанные секунды до
того, как его людей накроет огнем.

Нужно отходить на восток. Да, на
восток, так сказал Гаунт. Но сколько
идти? Километр? Два? А сколько у них
времени? Возможно, гигантские затворы
орудий уже принимали трехтонные
гейтериевые снаряды, наполненные
оксифосфорным гелем. Прицелы уже
корректировались в соответствии с
показаниями дальномеров. И залитые
потом руки артиллеристов уже
поворачивали законченные рычаги, слегка
опуская гигантские стволы макронашек.

Корбек не терял ни секунды. Времени
едва хватит на то, чтобы найти

укрытие. Он верил только в то, что
Покаявшиеся отошли из этого сектора.

Витрийский связист проиграл еще
раз последний сигнал. Повозившись с
настройками, он отфильтровал большую
часть помех. Гаунт и Зорен следили за
ним в нетерпении.

--- Похоже на ответный сигнал, ---
заклучил он. --- Подтверждение.

--- Значит, укрепится здесь, --- кивнул
Гаунт. --- Будем держаться на этой
позиции, пока не дождется Корбека.

В следующее мгновение там, где
только что были видны сполохи от
взрывов Корбека, земля поднялась на дыбы.
Медленно, почти лениво расцветали
огромные шары огня, пожиравшего все
вокруг. Снаряды падали и падали, новые
взрывы перекрывали предыдущие, не давая
пламени гаснуть. Покаявшиеся частично
стеснили артобстрел на три километра
ближе --- к сигналу, который увидели. У
Гаунту оставалось только бессильно
наблюдать за этим.

Полковник Фленс был одним из тех людей, чья карьера складывалась благодаря удаче. Фортуна и сейчас благоволила ему. И он уже чувствовал вкус победы.

После несостоявшегося наступления японцев Фленс вернулся в штаб имперских сил, чтобы обдумать возможное развитие событий. Он не видел никаких вариантов, пока весь фронт скрывала сплошная завеса артобстрела. Но полковник держал войска в готовности на случай, если бомбардировка прекратится или хотя бы ослабнет. После этого ландшафт превратится в пустыню из пепла и грязи. Покаявшись будет нелегко укрепиться там, как, впрочем, и имперским войскам. Идеальный момент для сфокусированного удара танковых частей.

К шести вечера, когда на разбитые улицы опустились сумерки, у изгиба реки Фленса ждала полностью укомплектованная ударная группа. Восемь осадных вариантов танка «Леман Русс» --- бесценные «Разрушители» с короткими и толстыми стволами мощных башенных

орудий. Четыре стандартных «Лемана
Русса» системы «Фаэтон», три
самостоятельных орудия поддержки «Грифон». У
девятнадцать «Химер» с двумя сотнями
Янтийских Патрицьев в полной боевой
выкладке на борту.

Сам полковник находился в графском
дворце, где штабные офицеры во главе с
Дравером пытались оценить потери
танков и витриан за этот день.
Условно в этот момент один из дежурных
связистов принес диапозитивы,
обработанные и присланные с орбиты по
каналу Имперского флота.

Это были орбитальные снимки
обстрела. Большинство штабных едва
взглянули на них, но Фленс немедленно
схватил снимки. На одном из них было
ясно видно, что часть огня смещена на
километр вглубь зоны противника.

Полковник указал на это Драверу и
отвел его в сторону.

--- Просто недолет, --- бросил генерал.

--- Позвольте не согласиться, сэр. Это
цепочки взрывов. Спланированных и
подготовленных взрывов. Там кто-то есть.

--- Ну, значит, кто-то выжил, ---
отмахнулся Дравер.

--- Я и мои Патриции поклялись взять
этот участок укреплений и таким
образом завоевать всю эту планету. ---
Голос полковника обрел жесткость. --- Я не
позволю банде потерявшихся оборванцев
вмешиваться в нашу стратегию.

--- Да ты принимаешь это близко к
сердцу, Фленс... --- На лице генерала
появилась улыбка.

Фленс и сам понимал это, но
упускать шанс он не собирался.

--- Генерал, если в огневой завесе
появится брешь, могу я рассчитывать на
ваш приказ к наступлению?
Механизированная ударная группа уже
готова и ждет.

Озадаченный, генерал все же дал
согласие. Время было обеденное, и он
хотел разобраться с гелами поскорее.
Однако его прельстила воскресшая
перспектива быстрой победы.

--- Если ты одержишь для меня эту
победу, поверь мне, Фленс, я этого не
забуду. В будущем меня ждет немало

больших возможностей, если удастся
выбраться из этой дыры. У я могу
поделиться с тобой этими
возможностями.

--- Ваша воля будет исполнена, лорд
генерал.

Фленс крепко ухватился за
появившийся шанс. Покаявшиеся могли
перенести огневой рубеж --- или его часть, ---
--- чтобы уничтожить выживших в старых
траншеях. Вот здесь полковник и найдет
лазейку.

Фленс направил свою колонну на
запад вдоль реки, по понтонному мосту и,
насколько возможно, вглубь пустошей. Курс
он прокладывал по данным, которые
принимал с орбиты астронав в его
командирском танке. Впереди громыхал
артобстрел Покаявшихся.

Свой шанс Фленс едва не упустил. Он
только-только выстроил свои войска в
боевые порядки, когда часть огневой завесы
вдруг исчезла и обрушилась на расстоянии
нескольких километров далее --- на
отмеченное в орбитальных сводках место.

В губительной лавине открылась дверь.

через которую можно подобратся к
Покаявшимся.

Фленс отдал приказ наступать. Его
боевые машины на всей скорости
вгрызались и рвали гусеницами грязь,
двигаясь к самому сердцу врага.

Сквозь грохот артиллерии голос
рядового Каффрана был едва слышен на
краю темной воронки:

— Танит была прекрасным миром,
Зогат. Миром густых, вечнозеленых
таинственных рощ. У самого леса словно
была душа. Под его кронами всегда было
так тихо и спокойно... ну, еще были
некоторые странности.

Обычно это называют мигрирующей
растительностью, так мне сказали. В
общем, танитские деревья, которые мы
называли нэл, они... двигались,
переползали, пересаживались с места на
место вслед за солнцем, дождями или

какими-нибудь своими желаниями, водившимися под корой. Я не хочу сказать, что точно знаю все это. Просто так оно было.

Короче, на Танит не было и не могло быть никаких ориентиров. Любая дорожка или тропка могла переместиться или исчезнуть за ночь, а потом появиться снова. Поэтому за многие поколения в самую гущу танитцев вьелось безошибочное чувство направления. Инстинкт следопытов и разведчиков. В этом мы сильны. Наверное, за нашу репутацию лучших диверсантов надо благодарить ползучие леса нашей родины.

А как красивы были танитские города... Наш мир жил земледелием и ремеслами. На другие планеты мы поставляли дорогие сорта древесины и всякие резные изделия. Среди работ танитских мастеров было на что полюбоваться. Наши города были огромными каменными крепостями среди бескрайних лесов. Ты рассказывал про стеклянные дворцы твоего родного мира. Конечно, нашим с ними не сравниться.

Обычный камень, серый, как морские волны.
Крепкий, надежный.

Зогат молчал. Каффран тем
временем поудобнее устроился на дне
воронки. И хотя в его словах сквозила
невероятная горечь, сквозь нее пробивалось
тянущее чувство утраты, которое так
давно не посещало сержанта.

— Тогда прошел слух, что Таним
должна поставить три полка для
Имперской Гвардии. На наш мир такая
обязанность легла впервые, но в городском
ополчении было достаточно крепких
мужчин, готовых к военной службе.
Основание длилось восемь месяцев. Войска
собрали на чистых лугах. Как раз тогда
транспортные корабли заходили на
орбиту. Нам сказали, что наши полки
отправятся на помощь имперским силам,
вырывающим миры Саббаты из лап Хаоса.
Еще нам сказали, что мы вряд ли снова
увидим родину. Поступив на службу,
солдат следует за ветрами войны в любые
дали, пока смерть не приберет его. Или
пока ему не позволят поселиться где-то и
начать жизнь заново. Наверняка ты и сам

все это слышал.

Кивок. Благородное лицо Зогата на миг скрылось в темноте. В воронке, приютившей их, прибавилась еще капля тоски. Где-то наверху щедрыми россыпями гревели взрывы. Глухо вздыхала земля.

— Так мы и ждали, — продолжал Каффран. — Тысячи солдат. Перетинались ноги на ногу — то ли от нетерпения, то ли из-за тесной униформы. И смотрели, как снуют туда и обратно десантные корабли. Нам было грустно расставаться с другом и в то же время хотелось поскорее отправиться в путь. Нас согревала мысль, что Таним останется такой, какой мы ее запомним. И всегда будет такой где-то там, далеко. Тем же утром мы узнали, что к нашему полку будет прикомандирован комиссар Гаунт. Чтобы привести нас в форму. — Каффран вздохнул, стараясь справиться с щелящим чувством в груди. Для верности он откашлялся. — Гаунт мог похвастаться безупречной репутацией и долгой, полной подвигов карьерой с полком гирканских ветеранов. А мы были новичками, совсем

неотесанными, не видевшими настоящего боя. Ну, верховное командование и решило, что сделать из нас боееспособное подразделение может только такой офицер, как Гаунт.

Каффран замолчал. В какой-то миг он перестал следить за своими интонациями — внутри закипал гнев. Злоба. Чувство утраты. С болью пришло осознание: впервые со времен Потери он вслух рассказывал кому-то о ней. Его сердца коснулось нечто глубоко скрытое в памяти, и лезвие горечи становилось все острее.

— В последний вечер все пошло не так. Мы уже начали грузиться на борт. Большинство солдат были уже наверху или ждали отлета в битком набитых транспортах. Но блокада Имперского флота где-то дала течь. В систему Танит прорвалась часть армады Хаоса, рассеянной в последней битве с флотом. Нас толком и не предупредили. Темные Силы обрушились на мою родину и стерли ее с лица Вселенной в одну ночь.

Каффран снова откашлялся.

Витрианин заворуженно слушал его.

— У Гаунта было всего два варианта. Занять оборону на последнем рубеже со всеми имеющимися войсками или собрать всех, кого можно было спасти, и отступить. И он выбрал второе. Никому, кроме него, это решение не нравилось. Все мы, как один, хотели сложить головы, защищая свой родной мир. Останься ты на Танит — пожалуй, ты бы просто погиб, не сумев ничего спасти. Разве что заслужили бы свою строчку в истории. Гаунт спас нас. Он спас нас от смерти, которой мы все были бы рады. И отправил нас погибать ради других, более важных вещей.

— Ты его ненавидишь, — блеснули в темноте глаза Зогата.

— Нет! То есть ненавижу, конечно. Как ненавидел бы любого, кто наблюдал бы со стороны, как горит мой дом. Или того, кто принес бы его в жертву высшим ценностям.

— А в чем она, эта высшая ценность?

— Я сражался вместе с Призраками не на одном фронте. Никаких высших

ценностей я за это время не разглядел.

--- Нет, ты и правда его ненавидишь.

--- Я уважаю его. И пойду за Гаунтом в любое пекло. Больше мне нечего сказать. Я покинул свой дом в ночь его гибели и игрался в память о нем все это время. Танитцы вытирают. Нас осталось всего две тысячи. Гаунту удалось спасти солдат всего на один полк. Первый Танитский. Первый и Единственный. Теперь понимаешь, почему мы «Призраки»? Мы --- беспокойные духи, горстка теней мертвого мира. И сдается мне, мы будем сражаться и дальше, пока не погибнет последний из нас.

Каффран наконец замолчал. В трапезной теперь летали только отголоски взрывов вдалеке. Долго Зогат не решался заговорить, пока не поднял взгляд к бледнеющему небу.

--- Через пару часов рассветет, --- тихо произнес он. --- Может быть, тогда мы отыщем путь отсюда.

--- Может, и так. --- Каффран потянулся, разминая затекшие плечи. --- Обстрел вроде стихает куда-то. Кто

его знает, может, и переживем. Вигел я
вещи и пострашнее...

День неспешно вполз сырыми
валунами облаков, мерцающих отсветами
бесконечного обстрела. Светлеющее небо
расчерчивали инверсионные следы и
огненные дуги, уходящие куда-то в туман,
который скрывал укрепленные позиции
покаявшихся на холмах. Артобстрел
длился более двадцати часов с
интенсивностью два-три снаряда в
секунду. В низинах и окнах был от
взрывов превратился в густой, неприятно-
липкий туман, пропахший кордитом и
фугелином.

Гаунт остановил свой отряд в башне,
где раньше потещались плавильные печи и
печи для обжига колоколов. Гвардейцы на
какое-то время сняли противогазы. Пол,
стены, сам воздух были полны зеленоватой
пыли, отдававшей железом и кровью. По

всей яме валялись обломки пластиковых контейнеров. Отраг оторвался от артиллерийской завесы на пять километров, и теперь ее грохот перекрывала дробь барабанных машин в зданиях фабрик и складов.

Корбек успел увести своих людей из зоны обстрела в относительной целостности. Всех оглушило ударной волной, восемнадцать солдат оглохли навсегда. В тылу, в госпиталях Имперской Гвардии, рваные барабанные перепонки могли бы легко заменить искусственными или поставить слуховые усилители. Только для этого нужно было попасть в тыл. А здесь восемнадцать инвалидов представляли собой обузу. На марше Гаунт собирался поставить их в центр колонны, где их могли направлять и предупреждать об опасности окружающие. Были и другие травмы: несколько переломов рук, ребер, ключиц. Единственным утешением служило то, что все они могли идти.

Гаунт отвел Корбека в сторону. Комиссар находил хороших солдат, повинувшись чутью, и начинал беспокоиться.

когда оно его погвоздило. Корбека он назначил на командирскую должность, чтобы дополнить Роуна. Обоих офицеров в полку уважали — но одного любили, а другого боялись.

— Допускать такие тактические промахи... Это не похоже на тебя, — начал Гаунт.

Корбек открыл было рот, но тут же заставил себя затолчать. Точнее, его заставила сама мысль о том, чтобы оправдываться перед комиссаром. Гаунт и так все знал.

— Я понимаю, мы все тут в основательной заднице. Условия не из легких, а твоей роте здорово досталось. Я слышал про Дрейла. И еще я думаю, что барабаны, которые ты с таким рвением взрывал, предназначены сбивать с толку. Они заставляют действовать нерационально. Чего греха таить, эти штуки сводят с ума. Оружие не слабее любых пушек. Они изматывают нас.

Корбек кивнул. Война медленно наполняла горечью его сердце и терзала тело уже много лет. Усталость читалась

в каждом движении и взгляде.

--- Каков план? Подождет, когда закончится обстрел, а потом отступим?

--- Думаю, мы зашли слишком далеко, чтобы просто уйти, не сделав что-нибудь полезное, --- покачал головой Гаунт. --- Подождет разведчиков.

Разведчики вернулись через полчаса. Санитцы и несколько витриан собрали воедино данные своих поисков, составив для Гаунта и Зорена подобие карты местности на два километра вокруг.

Гаунта заинтересовало строение к западу от их убежища.

Отряд двинулся сквозь ряды трубчатых сооружений, скрылся от дождя за бетонными стенами туннелей, покрытыми маслом и пылью. Их прошлое укрытие уже затянул кордитовый туман. На западе поднималась гряда холмов, на севере маячили темные силуэты жилых башен. Гигантские конусы вздымались сквозь стелящуюся по земле пелену. Сотни тысяч окон --- все до единого --- выбиты взрывами и ударной волной. Барабанных

машин стало меньше, но гвардейцы так и не встретили ни одного живого существа. Даже грызунов-паразитов.

Вскоре отряд достиг огромных бункеров. В них не было ничего, кроме брошенных кранов и пустых упаковок из серого пластоволокна. Рядом желтели битыми боками стаго брошенных вагонеток.

— Склады боеприпасов, — на ходу предположил Зорен. — Должно быть, они заготовили уйму артиллерийских снарядов. Здесь они уже опустошили все запасы.

Гаунт счел эту версию правдоподобной. Гвардейцы двигались медленно и осторожно, держа оружие наготове. Здание, о котором говорили разведчики, было совсем рядом. Грузовая станция свернулась кольцом клепаной огнеупорной стали. На ее вершине громоздились гидравлические краны и лебедки, транспортировавшие грузы в этот огромный колодец.

Один за другим гвардейцы спустились по законченной металлической лестнице

на платформу в глубине станции. От нее под израненной шкурой земли тянулся ярко освещенный коридор: вереница сегментов, скрепленных цилиндрическими арками. Внизу — линия жесткого металлического позвоночника.

— Ветка таглева, — заключил Фейгор. Он кое-что смыслил в технике и, как мог, пополнял свои знания об инопланетных технологиях. — Все еще работает. Должно быть, они вывозили снаряды в вагонетках, спускали их сюда, а потом отправляли скоростными поездами прямо на позиции артиллерии.

Гвардеец указал Гаунту на панель управления у контрольного поста. Ее гладкая поверхность светилась зеленой паутиной.

— У них здесь целая транспортная сеть между кузницами, что позволяет без задержек перевозить сырье.

— А эту ветку они забросили, потому что уже вывезли отсюда все, что могли, — задумчиво произнес котиссар. Вынув инфопланишет, он спешно набросал схему путей.

Гаунт дал войскам десять минут отдыха, а сам устроился на краю платформы, чтобы спокойно сравнить свой набросок с имеющимися в планшете старыми картами заводского комплекса. Покаявшиеся перестроили некоторые участки, но каркас остался прежним. Через некоторое время комиссара отыскал полковник Зорен.

--- Что-то задумали? ---
интересовался он.

--- Это вход. --- Гаунт махнул в сторону туннеля. --- Путь прямо на позиции артиллерии Покаявшихся. Они не закрыли его только потому, что им нужен был постоянный приток боеприпасов.

--- Что-то здесь не так, не находите, комиссар? --- Зорен поднял забрало шлема.

--- Не так?

--- Прошлым вечером я размышлял над тем, как вы описали тактику противника. Сначала Покаявшиеся провели лобовую атаку, пытаясь пробиться сквозь наши укрепления. Когда им это не удалось, они отошли вглубь своих позиций, заманивая наши войска, которые натеревались

уничтожить массированным обстрелом.

--- Исходя из сложившейся обстановки, это резонно, --- сказал Гаунт.

--- Даже сейчас? Мне кажется, они хорошо понимали, что смогут заманить в эту ловушку всего несколько тысяч имперских солдат. И простая логика должна подсказать им, что большая часть уже погибла. Так зачем продолжать палить? Они стреляют почти сутки. Это пустая трата боеприпасов, которые рано или поздно кончатся. К тому же зачем было оставлять такой большой кусок собственной территории врагу?

--- Возможно, чтобы не пустить нас дальше, --- раздался из-за спины голос Роуна.

--- Тогда я хотел бы слышать ваше мнение, майор, --- обернулся Гаунт.

Пожав плечами, Роун от души сплюнул на пол.

--- Все мы знаем, что тактику выродков Хаоса нам никогда не понять. --- Майор недобро прищурился. --- Мы держим этот фронт не один месяц. И я думаю, вчера был последний раз, когда с нами

сражались обычным оружием. Теперь они поставили перед нами эту огненную стену, чтобы использовать что-то другое. Кто его знает, может, все это время они готовили это «что-то».

--- Например? --- настороженно спросил Зорен.

--- Например... что-нибудь. Не знаю. Что-нибудь, связанное с их колдовством. Какой-нибудь ритуал или вроде того. Все эти барабаны... Может, никакое это не психологическое оружие, а часть чего-то большого...

Несколько мгновений все трое молчали. Наконец Зорен презрительно устехнулся:

--- Ритуальная магия?

--- Не смейтесь над тем, чего не понимаете! --- предостерег его Гаунт. --- Может, Роун и прав. Император-свидетель, мы уже сталкивались с этим кошмаром.

Зорен промолчал. Он тоже побигал немало. Возможно, он просто не хотел верить в некоторые вещи, которые сам пережил. Вытравить их из памяти.

убедить себя в их нереальности.

Гаунт поднялся на ноги и указал на туннель:

--- Значит, у нас всего один путь. Узнат с него сворачивать нельзя. Если Роунт прав, мы --- единственный отряд на всей проклятой планете, который может как-то помешать им.

Туннель был достаточно широк, чтобы четверо могли пройти по нему в ряд --- по два человека с каждой стороны магнитного рельса. Света от голубых ламп на стенах хватало, но Гаунт все же выслал вперед Дотора и остальных саперов, чтобы не нарваться на мины.

Марш в два километра по душным туннелям так и не встретил сопротивления. Позади остались еще одна брошенная станция и несколько развилок. Сухой воздух трещал от статического электричества, наведенного магнитной

линией. Время от времени гвардейцев накрывало волной жаркого воздуха от приближающегося поезда, который так ни разу и не появился.

На третьей развилке Гаунт свернулся с картой и приказал свернуть в другой туннель. Гвардейцы успели пройти всего двенадцать шагов, когда комиссара догнал Майло.

— Мне кажется, надо вернуться на развилку, — прошептал он.

Гаунт не стал спорить. Чутью Майло он доверял как своему, если не больше. Следуя приказу, гвардейцы отошли к развилке. Всего минутой спустя их обдало раскаленным ветром, угрожал воздух в туннеле. Туда, где только что стояли солдаты, ворвался поезд — змея в шесть десятков беспилотных платформ, выкрашенных в цвет хаки, с черными и желтыми пятнами. Каждая была доверху нагружена сотнями тонн боеприпасов. Запасы из дальних бункеров потоком лились к огневым позициям. Разинув рты, гвардейцы следили за поездом, легко скользящим в магнитном поле. Некоторые

осеняли себя спасительными знаменами.

Комиссар еще раз пробежал взглядом по карте. Не понять, сколько еще идти до следующей развилки или станции. К тому же он не знал, как часто здесь проходили грузовые поезда, и не было гарантий, что его солдаты успеют покинуть туннель, не попав под огни из них. Гаунт выругался. Поворачивать обратно не хотелось. Он лихорадочно перебирал в уме все, что знал о своих гвардейцах.

--- Домор! --- наконец выкрикнул он, и названный гвардеец неторопливо явился. --- На Санит вы с Греллом были механиками, я прав?

--- Я обслуживал тягачи на лесосеке в Аттике, --- кивнул Домор. --- Работал с тяжелой техникой, сэр.

--- Будь у тебя нужные инструменты, смог бы ты остановить такой поезд?

--- Сэр?

--- А потом снова завести его?

Домор задумчиво поскреб шею:

--- Если не взрывать при этом само магнитное полотно... Нужно как-то снизить или вообще отключить энергию,

двизгающую поезд. Как я понял, поезд идет строго над рельсом, вытягивая из него энергию. То есть энергетический обмен через проводник. Такой же, как в батареях питания и электрорезаках. Понадобится какой-нибудь материал, не проводящий электричество. Достаточно тонкий, чтобы можно было натянуть его на полотно магнитного рельса, при этом не сбив с него поезд. Что вы такое задумали, сэр?

--- Собираюсь остановить следующий поезд, залезть на него и прокатиться.

--- И приехать на нем прямо в гости к врагу? --- осканился Домор.

Хитро улыбаясь, он огляделся. Увидев что-то, он двинулся к полковнику Зорену, который разговаривал со своими солдатами. Гаунт шел следом.

--- Разрешите обратиться, сэр! --- Домор старательно соблюдал все формальности. --- Могу я осмотреть ваши доспехи?

Зорен взглянул на гвардейца одновременно удивленно и недоверчиво. Гаунт успокоил его едва заметным

кивком. Полковник снял перчатку и передал Домору. Танитец принялся внимательно рассматривать ее.

--- Узнящая работа! На поверхности зубцов стеклянное напыление, если не ошибаюсь?

--- Да, это mica. Стекло, по-вашему. Под этими чешуйками термоизолирующий материал.

--- Непроводник, --- констатировал Домор и показал перчатку Гаунту. --- Мне понадобится приличный кусок. Целая кольчуга. За сохранность я не отвечаю.

Гаунт едва открыл рот, чтобы объяснить, в чем дело. Он надеялся, что Зорен вызовет добровольцев. Вместо этого, полковник встал, отдал свой шлем адъютанту и снял собственные доспехи. Он остался в одной майке. Первый раз Гаунт смог разглядеть коренастого витрианина: сильные мышцы под эбеново-черной кожей, короткие темные волосы. Зорен вынул тонкую книгу в сером переплете из внутреннего кармана и отдал кольчугу Домору. Священный текст он аккуратно заложил под ремень.

— Я так понимаю, это все часть плана? — спросил витрианин, наблюдая, как Домор второпях зовет Грелла и остальных танитцев.

— Вам понравится, — пообещал Гаунт.

Качнулся нагретый воздух, возвещающий о приближении очередного поезда. Прошло около семнадцати минут с того момента, как ушел предыдущий. Домор уложил зеркальную кольчугу витрийского командира на рельс маглева, закрепив ее обрывком собственного камуфляжного плаща.

Наконец появился поезд. Гвардейцы следили за ним, затаив дыхание. Первая платформа прошла над зеркальной броней, как ни в чем не бывало, магнитное поле все еще держало ее в нескольких сантиметрах от полотна. Поезд шел все так же плавно. Гаунт помрачнел. На мгновение ему показалось, что ничего не выйдет. Но как только первая платформа миновала мертвую зону непроводника, контакт с электромагнитным полем

исчез. Скорость резко упала. По инерции поезд проехал еще несколько метров. Домор рассчитал все так, чтобы состав не миновал мертвую зону полностью, иначе контакт мог восстановиться. Наконец платформы остановились, плавно покачиваясь в антигравитационном поле.

Туннель вдруг наполнился радостным многоголосием.

--- На борт! Живее, живее! --- командовал Гаунт, увлекая за собой солдат.

Санитцы и витриане забирались на перегруженные снарядами платформы, хватаясь за все, что попадалось под руку. Отложив лазганы, они помогали вскарабкаться товарищам. На первой платформе оказались Гаунт, Майло, Зорен, Браз, шесть витрийских гвардейцев, а также Маколл, Куралл и Домор, державшие лоскут ткани, привязанный к госпехам на рельсе.

--- Отличная работа, боец, --- похвалил Гаунт улыбающегося Домора.

Комиссар поднял руку, ожидая, когда весь отряд погрузится на платформы.

Долго ждать не пришлось, гвардейцы уже расположились на новом транспорте и докладывали о готовности.

Гаунт дал отлашку. Домор что было сил потянул на себя импровизированный канат. Ткань натянулась, грозя утащить гвардейца под поезд. А потом госпех вылетел из магнитного поля, как рыба, резким движением вырванная из воды.

Приток энергии вернулся. Бүгто ожив, поезд вздрогнул и бесшумно тронулся с места, набирая скорость. Прносящиеся мимо фонари превратились в пульсирующие потоки света.

Осторожно перетестившись по платформе, Домор отвязал кусок ткани и протянул витрийскую кольчугу полковнику. Часть стеклянных чешуек потускнела и оплавилась от прикосновения к магнитному рельсу, но в целом броня не пострадала. Зорен трачно кивнул и стал надевать госпехи.

Гаунт повернулся лицом по ходу поезда. Растегнув один из подсутков, он вынул полную обойму для болт-пистолета -- коробчатый магазин на шестьдесят

патронов, отмеченный синим крестом, с зажигательными патронами «Инферно» внутри. Перезарядив пистолет, комиссар включил полевой коммуникатор.

--- Полная готовность, приказ отдан. Сигнал к атаке отдан. Мы направляемся в самое пекло и в любой момент можем оказаться в гуще сражения. Нападение будет внезапным. Да хранит вас всех Император.

Вдоль всего поезда загудели заряжаемые лазганы и плазменные батареи, лязгнули затворы ракетометов, вспыхнули запальники огнеметов.

--- Пошли! --- Каффран подполз к краю зловонной воронки, приютившей на этот день двоих гвардейцев. Зогат выбрался вслеп за ним.

Утренний свет пробирался под веки, резал глаза. Медленно откатывалось розовое облако обстрела. Опустошенная

земля куталась в туман пороховых газов.

--- Куда теперь? --- прищурился
вистрианин.

--- Домой, --- откликнулся Каффран. ---
Прочь из этой преисподней, пока есть
шанс.

Устало они поплелись по грязной
мешанине сквозь бетонную крошку и
рваную колючку.

--- Тебе не кажется, что, кроме нас,
никого не осталось? --- спросил Зогат,
глядя на падающие вдаль снаряды.

--- Может быть, может быть...
Значит, я --- последний из танитцев.

Янтийские бронетанковые части
обошли огневую завесу и ножом вошли
вглубь позиций Покаявшихся. Но на
протяжении двух километров пути по
вражеским тылам они так и не
встретили сопротивления. Только
мертвые, брошенные здания старых
заводов.

Фленс остановил колонну и выбрался
из люка командирской башенки, оглядел
местность в бинокль. Разбитые здания

призраками нависали над ним из тумана. Еще был беспрестанный барабанный вой, когтями царапавший его нервы.

--- Курс строго на холмы, --- приказал он водителю танка. --- Стоит всего лишь заткнуть эти батареи, и мы покроем себя вечной славой.

Четыре километра. Пять. Пустые станции проносятся мимо. Поворот направо, потом снова налево. Потом три бескончаемо долгие минуты ожидания, пока развилку впереди пройдет другой поезд. И все заново.

Гаунт ждал. Напряжение удавкой стянуло горло. Все туннели на одно лицо. Каждый кажется знакомым. Нет ничего, что указало бы на опасность, поджидующую впереди. Все может случиться в следующую же секунду.

Поезд плавно въехал в огромный грузовой отсек, мягко остановился у перрона возле двух других только что прибывших составов. Еще один двигался по петле, направляясь на склады за новой партией снарядов.

Сотни ламп и фонарей с трюдом прорывали черноту под высокими сводами. Раскаленный воздух был полон гари. На стенах виднелись богохульные знамена и символы Хаоса. От одного взгляда на них слезились глаза. Те, кто смотрел дольше, хватались за головы, — барабанной дробью стучала в висках боль. Символы нечистоты, болезни, разложения.

Среди темных арок грузового перрона находилось не меньше двух сотен Покаявшихся. Они продолжали размеренно управлять кранами и перекатывать тележки с боеприпасами, не замечая нежданных пассажиров поезда.

Не дожидаясь их реакции, отряд Гаунта покинул поезд. Гвардейцы открыли огонь на ходу. Воздух согрогнулся, разрываемый стрекотом низких разрядов танкетских лазганов и сильными ударами выставленного на максимальную мощность витрийского оружия. Гаунт запретил использовать огнеметы, телтаганы и ракетометы, пока вокруг полно боеприпасов. Снаряды вряд ли были приведены в боевую готовность, но

нагревать и взрывать их точно не стоило.

В первую минуту десятки Покаявшихся упали замертво там, где их застали выстрелы. Две тележки, груженные снарядами, перевернулись, увлекаемые уже безжизненными руками сектантов. Грохотом лязгали катящиеся по перрону боеголовки. Целый состав самоходных платформ врезался в стену, когда водителя срезало огнем. Что-то взорвалось в механизме одного из кранов, разнеся всю конструкцию в клочья.

Гвардейцы наступали. Витрийские Драгуны шли в идеальном боевом порядке, передвигаясь от одного укрытия к другому. С каждым залпом росли потери среди внавших в панику Покаявшихся. Некоторым удалось добраться до оружия. Их попытки отстреливаться заканчивались плачевно.

Гаунт возглавил атаку танитцев на основной погрузочной платформе, пистолет в его руках огрызался смертоносными болтами. Рядом Безумный Ларкин и трое других снайперов отстреливали хаосопоклонников на постах под сводами зала.

Рядовой Браз пустил в ход штурмовую пушку, которую снял с разбитой машины несколько недель назад. Гаунт впервые в жизни увидел человека, стреляющего из этого оружия без помощи экзоскелета силовой брони или хотя бы прочной опоры. Усилие, с которым Браз выносил отдачи шести вращающихся стволов, отражалось на его лице жуткой гримасой. Как всегда, он редко попадал туда, куда целился, что не мешало ему уничтожить несколько десятков Покаявшихся и подбить один из поездов в прыгачу.

Битва подхватила Призраков и выплеснулась из ангара на канонерские мостики, врезанные в склон холма. Вокруг клубился пар, синеватый под светом раскачивающихся электрических фонарей.

Склады боеприпасов остались позади, и Гаунт приказал расчистить дорогу огнем тяжелого оружия. Взрывы ракет и потоки раскаленного газа покрыли бетонный пол черными отложениями и вязкими лужицами расплавленной плоти.

В конце мостика находился мощный

трүзовой лифт, поднимавший снаряды на
вершину холма, к батареям орудий. Здесь
гвардейцы впервые встретили отпор.
Большой отряд Покаявшихся
контратаковал их шквалом пуль и
лазерных лучей. Взводы Роуна и Корбека
обойшли сектантов с двух сторон, вырезав
их перекрестным огнем.

Среди погибающих Покаявшихся
Таунт заметил первого из костических
десантников Хаоса — бронированного
гиганта в увенчанном розами шлеме,
чудовище тысячелетней древности с
эмблемой легиона Железных Воинов на
наплечнике. Хриплые крики, вырывавшиеся
из его атлетической гортани, гнали
мунтантов в бой. Древний, украшенный
коштарной резьбой болтер щедро сеял
смерть. Первое же попадание разорвало
сержанта Грелла. За ним последовало еще
одно.

— Убить его! — донесся до Брага крик
Таунта. Здоровяк с трудом повернул свое
орудие, но его беспорядочный огонь даже не
поцарапал бронированное чудовище.
Десантник продолжал методично

наступать, его выстрелы уже перемалывали витрийских гвардейцев. Сделав еще один шаг, он взорвался. Внезапно лишившись рук и головы, тело монстра простояло еще несколько секунд, будто осознавая, что произошло. И наконец упало.

Гаунт мрачно кивнул ракетометчику Мелиру в знак одобрения. Но лазерный и автоматический огонь со стороны лифта ничуть не слабел. Комиссар нырнул за стоявшие рядом грузовые вагонетки. За ними он обнаружил двух Витрийских Драгун, деловито перезаряжавших лазганы.

— Сколько у вас боеприпасов? — походя спросил он, меняя пустую коробку болт-пистолета на рожок с бронебойными «Кракенами».

— Половину уже отстреляли, — отозвался витрианин с нашивками на плечах. — Капрала.

Гаунт нетерпеливо потянулся к полевому коммуникатору:

— Гаунт Зорену, прием!

— Слышу вас, комиссар-полковник.

--- Прикажите своим людям перевести лазганы на половину мощности!

--- Зачем, комиссар?

--- Затем, что они растрачивают боеприпасы попусту! Я уважаю ваше Искусство Войны, полковник, но этому потребую хватает и половины мощности лазера. Такими темпами ваши солдаты израсходуют боезапас вдвое быстрее моих!

Несколько секунд Гаунт слышал только треск полетов. Наконец они сменились голосом Зорена, отдающего приказ. Комиссар повернулся к витрианам, уже настраивавшим оружие на более низкую мощность.

--- Так вы больше провоюете. Уплатите побольше выродков на свой счет, -- улыбнулся Гаунт. --- Как звать?

--- Зиизо, -- откликнулся капрал.

--- Запол.

--- Ну что, пробежится вместе? --- Гаунт хищно оскалился. В его руке появился цепной меч и немедленно ожил ревом полных оборотов. Витриане только кивнули, уверенно сжав лазганы.

Они стремительно вырвались из-за

вагонеток. До аппарели лифта оставалось больше половины пути. Маневр Роуна зажал Покаявшихся в проеме лифта, уже изъеденном ожогами и шрамами, оставленными лазерами.

Гаунт ощутил волну тепла за спиной, это гвардейцы прикрывали его атаку огнем. Взрывали снайперские глиноостволки, стучали лазганы, гремела штурмовая пушка Брага.

--- Целься выше, Еще Разок! --- бросил Гаунт.

Драгуны почти добрались до баррикады противника.

Зиизо задело лазерным импульсом. Гаунт и Запол, не останавливаясь, обрушились на Покаявшихся, сея панику в их рядах. Гаунт расстрелял всю обойму и отшвырнул пистолет. Меч жадно вгрызся в живую плоть. Запол бешено колотил штыком, добавляя к каждому удару выстрел в упор.

Прошло всего-навсего две минуты боя, а Гаунту показалось, что он успел прожить за них целую жизнь, --- каждое мгновение яростной мясорубки равнялось

прожитому году. Наконец они с Заполот обнаружили себя возле лифта, окруженные разорванными телами сектантов. Еще пять или шесть Драгун спешили к ним.

Заполот поднял забрало и торжествующе улыбнулся. Преждевременно.

Двери лифта скользнули в стороны, и навстречу гвардейцам шагнул второй Железный Воин. Ростом выше любого простого человека, костюмодесантник был с ног до головы закован в панцирь брони, покрытой дьявольской рунической вязью, восхвалявшей его бессмертных повелителей. Из дыхательного клапана шлема с тошнотворным страдом вырвался хриплый рев ярости, будто прогнанные легкие выворачивались наизнанку. Резкая боль пронзила барабанные перепонки гвардейцев.

По-звериному взревел цепной кулак. Почти без усилия гигант взмахнул своим оружием, изорвав Запола в клочья. Как припадный забился болтер в другой руке. Еще четверо витриан упали.

Гаунт оказался лицом к лицу с

древним чудовищем. Выбор был невелик. У комиссара что было сил ударил ценным мечом. Оружие немедленно взрызлось в доспехи десантника. Сначала зубья протестующе заскрежетали по керамиту, мотор захлебнулся дымом. А затем раздался мерзкий звук искореженного полотна пилы, въедающегося в твердые, ядовитые органы Железного Воина.

Комиссара и дверь позади него окатило густой кровью и ошметками плоти. Движок цепного меча в последний раз кашлянул и затолк. Воя от боли и гнева, десантник отшатнулся. Заклинивший меч остался у него в груди.

Гаунт повалился на землю, пытаясь хоть как-то защититься. Сражаться больше нечем. Раненое чудовище возвышалось над ним, и комиссару оставалось лишь надеяться на чудо.

Слабая надежда, но она оправдалась. До Гаунта донесся звук ударов по броне. Один, другой. Нависшего над ним десантника развернуло на месте. Еще пять или шесть выстрелов. По звуку Гаунт понял, что это дело рук Паркина.

Железный воин упал на одно колено. Из дымящихся отверстий на груди, шее и плече сочилась вязкая черная жидкость. Рев чудовищной злобы. Даже теперь существо отказывалось умирать, снова поднималось на ноги.

Мощный лазерный выстрел почти в упор обезглавил его.

Гаунт обернулся. Раненый Зиизо с трудом вскарабкался на баррикаду.

--- Боюсь, я нарушил приказ. --- Гримаса боли на его лице превратилась в довольный оскал. --- Мой лазер на полной мощности.

--- Думаю, это можно простить. Хорошая работа, солдаты!

Гаунт встал на ноги. Форма намокла от гнилой крови, отравленной Хаосом. Призраки и Драгуны Зорена рассредоточились по платформе. Наверху, на вершине холма, в артиллерийских бункерах их ждали Покаявшиеся. Может миллион, может -- больше. Отряд Гаунта прорвался в крепость противника. В самое его сердце.

Комиссар Убрат Гаунт улыбнулся.

Еще полчаса драгоценного времени ушло на то, чтобы установить оборонительный периметр на платформе и перегруппироваться. Танитские разведчики отыскивали и блокировали все до последнего подходы на мостик --- вплоть до вентиляции и сточных колодцев.

Гаунт в напряжении мерил платформу шагами. Время шло. Скоро наверху заинтересуются, почему больше не поставляют снаряды. И тогда Покаявшиеся спустятся выяснить причину.

Сама обстановка вгоняла в дрожь. Полумрак, гадкий привкус в воздухе, мерзкие символы на стенах. Словно стоишь в святилище --- в святилище зла. Твардейцы обливались холодным потом. В глубине зрачков каждого бесновался ужас.

Проснулся коммуникатор, настойчиво требуя ответа. Гаунт почти бегом бросился к диспетчерской погрузочного отсека. Там его ждали Зорен, Роун и другие офицеры. Кому-то наконец удалось

поднять ставни на панорамных окнах.

--- Император Всеблагод, что это? ---
с трудом выговорил Зорен.

--- Думаю, именно это мы с вами собирались остановить, --- ответил ему Гаунт, отворачиваясь от грязного стекла.

Глубоко внизу, на дне огромной воронки, стоял гигантский обелиск. Каменный исполин пятидесяти метров высотой, окруженный растущим ореолом энергии Хаоса. Его присутствие до краев заполнило комнату тяжестью и напряжением. Никто не мог смотреть на него спокойно. Казалось, он возвышается из... нагромождения обугленных тел. Или частей тел.

Роун указал пальцем наверх:

--- Думаю, там скоро сообразят, что снаряды больше не подвозят. И тогда у нас начнутся крупные неприятности.

Молча кивнув, Гаунт направился к пульту управления, где Фейгор и витрийский сержант Золекс пытались взломать базу данных. Фейгора комиссар не любил. Высокий, жилистый адъютант майора Роуна смотрел на жизнь так же

трачно и цинично, как и его непосредственный командир. Тем не менее Гаунт находил применение его навыкам, особенно по части когитаторов и других «думающих» машин.

— Мне нужно знать, где мы находимся, — бросил комиссар. — Что-то мне подсказывает, что здесь не одна такая глыба.

Фейзор пробежал пальцами по клавишам на панелях агрегата, сиявшего стеклом и латуной.

— Мы вот здесь... — указал он на мерцающие обозначения карты. — А вот то же самое, но в масштабе побольше. Вы правы. Этот обелиск внизу — часть целой сети, спрятанной под этими холмами. Всего семь, расставлены звездой. Семь фесовых кусков дерьма! Понятия не имею, что они с ними хотят делать, но прямо сейчас эти штуки бешено накачиваются энергией.

— Сколько, ты сказал? — слишком поспешно спросил Гаунт.

— Семь. А что такого?

— Значит, семь катней силы... —

прошентал комиссар.

Голова шла кругом. Прошлое подало голос. Девчонка. Та девчонка с Дарендары. Сколько ни пытайся, он не мог вспомнить ее имя, но очень хорошо помнил ее лицо, ее слова, в камере для допросов. И ее слова до сих пор звенели в ушах.

Два года назад Гаунт нашел своих Призраков, как и предвещала ведьма. Осознав это в первый раз, он покрылся холодным потом. Комиссар провел несколько бессонных ночей, вспоминая пророчества безумной девчонки. Он встал во главе бездомных бродяг с Танит. А потом кто-то из солдат -- вроде бы Безумный Паркин -- назвал их Призраками Гаунта. В тот момент Гаунт списал все это на простое совпадение. Так он хотел думать, во всяком случае. Но в глубине души он каждый день ждал, что обнаружит еще один осколок той ночи ответов.

«Отсеки их, и освободишься, -- сказала она. -- Не убивай их».

-- Что будем делать? --
интересовался Роун.

--- У нас полно мин и гранат, --- начал
Зорен. --- Взорвет их.

Не убивай их.

--- Нет, --- запротестовал Гаунт. ---
Теперь мы знаем, что тут готовится
покаявшиеся. Какой-то мощный ритуал,
связанный с этими обелисками. Какая-то
промышленная магия. Вот от чего они
пытались нас отвлечь. Взрывать часть
этого ритуального кольца будет с нашей
стороны смертельной ошибкой. Одному
Императору ведомо, что за силу мы
можем выпустить. Нет, мы должны
просто разорвать это кольцо, нарушить
связь...

Отсеки их, и ты освободишься...

Гаунт решительно встал и надел
фуражку.

--- Майор, --- обратился он к Роуну, ---
загрузите все вагонетки, какие найдете,
снарядами и взрывчаткой. Поставьте их
на боевой взвод, таймеры на минимальное
время. Отправьте все это наверх, в
подарок нашим грузьям на холме.
Подорвет их артиллерию их же
собственными боеприпасами. Полковник

Зорен, прошу вас выделить мне столько ваших людей, сколько вы можете предоставить сейчас. Конкретнее, мне нужны их доспехи.

Роун и Зорен непонимающе уставились на комиссара.

--- Выполнять! --- рявкнул Гаунт, и оба офицера сорвались с мест.

Гаунт первый вышел к светящемуся монолиту. Таящаяся в камне мощь исходила паром с его поверхности. Неприятно покалывало кожу. Стоял резкий запах крови и озона --- запах силы Хаоса. Никто из офицеров не решился взглянуть на мешанину тел, окружающую обелиск.

--- И что нам с этим делать? --- Зорену явно было тяжело находиться рядом с этим невыразимым злом.

--- Разомкнуть цепь. Нужно отрезать эти обелиски друг от друга, не разрушая их.

--- Почему вы уверены, что мы должны так поступить?

--- Секретная информация, --- попытался отшутиться Гаунт. ---

Доверьтесь мне. Это единственный способ.

По сигналу своего командира следовавшие за ним витриане двинулись вперед. Они опасливо подошли к обелиску и начали привязывать доспехи к его гладкой поверхности. Зорен смог собрать около пяти десятков стеклянных кирас. Утеперь он сваривал их в единую кольчужную ткань, выставив мелтаган на самую низкую мощность. Витрийские солдаты осторожно обернули это полотно вокруг обелиска и закрепили его, используя мелтаганы на манер промышленных сварочных аппаратов.

--- По-моему, не работает, --- заметил Зорен.

Он был прав. Через пару мгновений стеклянные чешуйки кольчуг начали плавиться и осыпаться сверкающей росой. Оставшаяся голая ткань загорелась.

Гаунт отвернулся, пытаясь собрать шатавшиеся в панике мысли.

--- И что теперь? --- раздраженно спросил витрийский полковник.

«Отсеки их, и ты освободишься».

Гаунт щелкнул пальцами:

--- Нам не нужно их уничтожать.
Просто сдвинем их с места! Тогда круг
разомкнётся.

Комиссар вызвал Лукаса, Брага и
Толуса.

--- Затинируйте насыпь под
обелиском. Не взрывайте сам камень, нам
нужно только повалить его.

--- Но, сэр, насыпь... --- затялся Лукас.

--- Да, боец, насыпь. Тела тебе ничего
не сделают, они уже мертвые. Выполнять!

Нехотя Призраки подчинились.

Гаунт легко хлопнул по
коммуникатору.

--- Роун, отправляй снаряды.

--- Понял.

«Неужели он утрет, если хоть раз
обратится ко мне "сэр"?» --- подумал Гаунт.

Возле лифта Роун наблюдал, как
солдаты подвозят груженные взрывчаткой
вагонетки.

--- Тихо! --- крикнул один из витриан.

Гвардейцы застыли. Секунда тишины
--- пока не стал слышен тихий скрежет по
металлу. Держа лазган наготове, Роун
подкрался к лифту. Не опуская оружия, он

дернул за рычаг, открывающий люк шахты. Грузовой канал зиял широкой черной пастью. Майор прищурился, пытаясь различить хоть что-нибудь.

Тьма шевелилась. Покаявшиеся спускались по стенам, как насекомые.

С силой хлопнув крышкой люка, Роунтотпрянул, охваченный ужасом.

--- Они уже рядом!

Каналы внутренней связи немедленно захлебнулись докладом об ударах по дверям и заслонкам вентиляционных шахт. Как будто бьют сразу сотни кулаков. Если не тысячи.

Гаунт зло ругнулся. Его солдаты, затворенные в этой ловушке, окруженные врагами, начали впадать в панику. Установленные на стенах и панелях управления микрофоны и рупоры вдруг ожили и принялись наперебой, вторя друг другу, изрыгать что-то непонятное, нечеловеческое.

--- Вырубите эту дрянь немедленно! --- крикнул Фейгору комиссар.

Гвардеец в отчаянии шарил по клавишам.

--- Не получается!

Слева, сопровождаемая снопом искр, вылетела крышка одного из люков. Устошные вопли перемешались с треском лазганов. В ту же секунду на северном конце платформы струя пламени вышибла еще одну дверь. Покаявшиеся начали штурм.

Гаунт оглянулся на Корбека. Лицо полковника стремительно бледнело --- от него помощи не дождешься. Комиссар пытался что-то придумать, но хриплая несущаяся из динамиков пугала его мысли. В ярости он выхватил пистолет и расстрелял ближайший рупор.

--- Командуй отступление! --- бросил он Корбеку. --- Оставь столько людей, чтобы хватило для прикрытия.

Кивнув, Корбек поспешил к солдатам. Гаунт перевел коммуникатор на открытый канал связи и включил максимальный охват.

--- Гаунт всем подразделениям! Приказываю начать тактическое отступление! При отходе оказывать максимальное сопротивление!

Отключив связь, он ринулся в пещеру, где все еще возвышался дьявольский обелиск. На пороге комиссар оступился, глотнув тошнотворного запаха порчи. В дверях его встретили Лукас, Браз и Толус. Трое гвардейцев только что закончили минировать насыпь у подножия монолита. Форма вымазана тягучей, черной слизью. Бледная, будто покрытая инеем, кожа. Пустые глаза, отказывающиеся принимать увиденный кошмар.

--- Мины установлены, сэр, --- устало доложил Толус.

--- Значит, взрываем! Давай, давай, вылетайтесь! --- кричал на них Таунт, выталкивая перепуганных гвардейцев наружу. --- Роун!

--- Почти готово! --- откликнулся сверху майор.

Он настороженно обернулся к шахте: скрежет становился ближе. Выпущая напряжение потоком тата, Роун и еще один гвардеец втолкнули последнюю вагонетку в лифт.

--- Все, отошли! Отошли! --- Майор ударил по кнопке включения лифта, и

тяжелая кабина поползла наверх. Из шахты слышались крики боли и чавканье механизмов, перемалывающих плоть.

По команде майора Роуна Призраки и витриане бросились бежать. Где-то над головой лифт со снарядами дополз до конечной точки своего путешествия и взорвался. Пол заходил ходуном, сверху сыпался град каменных осколков. Лампы раскачивались из стороны в сторону, будто взбесившиеся маятники.

Гаунт услышал грохот взрыва на вершине холма и воспринял духом. Он был уже в туннеле магнитной дороги, среди спасающихся гвардейцев. С трудом, почти одной силой воли он толкал перед собой оглушенного шоком Брага. За спиной полыхал шквал огня Покаявшихся. Рядом упал один из танитцев, сраженный пулей.

Позади, в пещере, что-то ухнуло: сработали мины, установленные саперами Домора под обелиском. Лишенный опоры, каменный монолит пошатнулся и рухнул на дно ямы с телами. Динамики затолкли.

Опустилась глухая тишина.

Покаявшиеся перестали стрелять. Те, кто заглянул в пещеру, повалились на землю и скорчились в истерических рыданиях.

Гаунт слышал только топот ног и тяжелое дыхание бегущих гвардейцев.

Потом пришел грохот. Корчащиеся ланы зеленого пламени вырвались из пещеры. Внезапно законченные стекла в пункте управления брызнули мелким крошечным. Земля вздыбилась и пошла трещинами. Бетон под ногами превращался в бьющее море обломков.

--- Уходим! Живее, уходим отсюда! --- командовал Убрам Гаунт.

Обстрел начал слабеть и вдруг иссяк. Бредущие по разорванной плоти земли Каффран и Зогат остановились и обернулись.

--- фес меня деру! --- выдохнул Каффран. --- Похоже, им удалось...

Там, где раньше были артиллерийские батареи Покаявшихся, расцвели яркие взрывы. Чудовищная ударная волна сбила обоих гвардейцев с ног. Холмы треснули, извергая в небо фонтаны огня и пепла, а потом сложились, будто карточные домики.

--- Трон Императора! --- воскликнул Зогат, помогавший танитцу подняться. Солдаты заворуженно смотрели, как остатки холмов тонут в растущем пожарище.

--- Гляди-ка! --- усмехнулся Каффран. --- Похоже, кто-то только что заслужил кучу наград!

Верховный лорд-генерал Дравер, пребывавший в своем особняке, поставил чашку на столик и с удивлением заметил, что она грозит. Театрально прошептав к балкону, он заглянул в перископ, хотя все было видно и без него. Там, где раньше была главная крепость Покаявшихся, в небо поднималась воронка рыжего дыма. Коротко просигналила рация в углу зала. По всей линии Покаявшихся

вспыхнули пожары. Визито, начали
взрываться по цепочке склады боеприпасов.
Все, на что надеялись в этой войне
Покаявшиеся, рушилось на глазах.

Откашлявшись, Дравер расправил
плечи и обернулся к адъютанту:

— Что ж, приготовьте мой личный
транспорт к отбытию. Здесь мы
закончили.

Ударная волна пронеслась над
колонной полковника Фленса пылающим
штормом. Как только пламя утихло,
полковник выглянул из люка своего танка.
Холмы впереди проваливались внутрь себя
в зареве полыхающих складов.

— Нет... — прохрипел он, глядя
округлившись глазами на катастрофу.
— Нет!

Ударная волна раскидала их. Многие
погибли во вспышке зеленого огня в
туннеле. Они брели сквозь пыльную
темноту. Слышались стоны, кашель,
молитвы.

Пять часов гвардейцы блуждали по

катакомбам, прежде чем им удалось выбраться из подземного тора. Гаунт шел во главе. Наконец глаз выживших танитцев и витриан болью коснулся дневной свет. Многие просто упали там, где стояли. Гвардейцы беспорядочно бродили среди руин. Не понять, плакали они или смеялись. Больше не было сил сопротивляться усталости.

Гаунт тяжело опустился на грязный камень и снял фуражку. Он и сам не понял, как начал хохотать. Напряжение долгих месяцев войны вдруг покинуло его душу: так старая кожа легко сходит со змеи. Вот и все. Что бы там ни было дальше, сколько бы еще ни продлилась зачистка, Фортис пала. И девочка... Как же ее имя? Не важно, все не важно. Она была права.

Воспоминание

Игнаций Кардинал, двадцать девять лет назад

Раньше...

--- А что... --- неуверенно начал голос, полный удивления, --- а что это ты делаешь?

Послушник Бленнер оторвал взгляд от рядов холодных плит монастырского пола, на которые он смотрел уже не один час. Мальчишка рядом с ним появился будто бы ниоткуда. На лице читалось недоумение. Бленнер не знал его имени, хотя его собеседник тоже был одет в грубую, аскетически черную форму Схольм-Прогениумт. «Новенький, что ли?» --- подумал Бленнер.

--- А ты не видишь? --- коротко ответил ему Бленнер. --- Что я могу сделать, как ты думаешь?

Мальчик медлил с ответом. Высокий, худой. Бленнер прикинул, что новичок толще его на год или два. Должно быть, ему лет двенадцать. Но в его темных глазах было что-то старческое, что-то пронзительное, пугающее.

--- Думаю, ты чистишь стыки между плитами пуговичной щеткой.

Бленнер невесело улынулся в ответ и взмахнул перепачканной рукой, в которой была зажата маленькая щетка с мягкой щетиной. Ею начищали пуговицы и пряжки униформы.

— Что ж, вот ты сам себе и ответил. — Послушник окунул щетку в ведро с ледяной водой и вернулся к своему занятию. — А теперь уйди отсюда, я почистил только одну сторону двора.

Новенький затолчал, но с места не тронулся. Бленнер продолжал уныло тереть, спиной чувствуя заинтересованный взгляд. Наконец ему надоело, и он снова развернулся.

— Что, тебе еще что-то?

— Зачем? — немедленно спросил новичок.

Бленнер сунул щетку в ведро, выпрямился и стал растирать онемевшие от холода и монотонной работы руки.

— Я без спросу стрелял боевыми патронами на стрельбище, ну и испортил... не то что бы совсем... в общем, сломал аппарат симуляции тишеней. Старший наставник Флавий был очень

недоволен.

--- Значит, это такое наказание?

--- Ага, наказание, --- кивнул Бленнер.

--- Наверное, лучше не мешать тебе, --- заключил новичок. --- Мне, должно быть, и разговаривать с тобой тоже нельзя.

На всякий случай он подбежал к выходу из галереи и выглянул наружу. В центре квадратного двора церковной школы старой каменной мозаикой распростер крылья двуглавый имперский орел. Среди колонн тянул свою заунывную песню холодный ветер. Воздух был полон ледяных струек мелкого дождя. Над крышей галереи резными шпильями вздымалась громада древнего монастыря. Столетия едких дождей стерли лица горгулий и искусные барельефы на стенах. Вдали, над стенами приюта, маячили туманные силуэты столицы кардинальского мира, Угнация. На западе черная громада собора Экклезиархии заслоняла весь горизонт. Его шпили темными кинжалами врезались в холодное бирюзовое небо.

Не многие захотели бы жить в

таким сырым, мрачным, холодным миром. Убрам Гаунт впервые почувствовал укусы этого холода, когда сошел с трапа челнока, на котором его доставили с фрегата на орбите. С этой мерзлой планеты Министорум направлял жизни людей целого региона Вселенной железной рукой имперской веры. Гаунту твердили, что попасть в Схолу Прогениум этого мира — великая честь. Еще отец учил Убрама любить Императора, но эта честь его почему-то не зрела.

Даже отвернувшись, Гаунт спиной чувствовал, что старший послушник бросил тереть пол и уставился на него.

— Теперь ты хочешь меня о чем-то спросить? — произнес он, не поворачиваясь.

— Как всегда, — откликнулся Бленнер. — Как они умерли?

— Кто?

— Твои мама и папа. Они ведь умерли, да? Тебя бы не отправили в сиротский приют, если бы твои родители не шагнули к славе.

— Это не приют, это Схола Прогениум.

--- Не важно. Это благословенный церковный приют, если хочешь. Здесь растят и обучают детей слуг Императора, которые погибли на службе Золотому Трону. Ну, так как они умерли?

--- Моя мама умерла в тот день, когда я родился, --- обернулся Гаунт. --- Отец служил полковником в Имперской Гвардии. Этой осенью он погиб в бою с орками на Кентавре.

Услышав последние слова, Бленнер бросил свое занятие и подбежал к новичку.

--- Ух ты, звучит затанчиво! --- начал он.

--- Затанчиво?

--- Ну, героическая Гвардия и все дела. Так чего там было, рассказывай!

--- Почему тебе это так интересно? --- Убрав Гаунт стерил послушника пристальным взглядом, и что-то в его глазах заставило Бленнера содрогнуться. --- Что случилось с твоими родителями, раз ты здесь?

Бленнер невольно отступил на шаг.

--- Мой отец был костическим десантником, --- торопливо сказал он. --- Он

погиб в бою с тысячей демонов на
Футарке. Наверняка ты слышал об этой
славной победе. А когда моя мать узнала о
его смерти, она покончила с жизнью из-за
любви к нему.

--- Ясно, --- протянул Гаунт.

--- Ну и? --- подталкивал его Бленнер.

--- Что --- «ну и»?

--- Как он умер? Твой отец, в смысле.

--- Не знаю. Мне не говорят.

--- Не говорят? --- опешил послушник.

--- Должно быть, это... секрет.

Какое-то время они молчали, глядя,
как острые дождевые капли пляшут на
каменных крыльях орла.

--- Ой, да! Меня Бленнер зовут,
Вайном Бленнер, --- сказал наконец
старший послушник и протянул руку.

--- Убрат Гаунт, --- принял
рукопожатие новичок. --- Послушай, может,
тебе стоит продолжить...

--- Послушник Бленнер! --- грянул голос
откуда-то из-за спины. --- Вы что,
бездельничаете?!

Вспокоившись, Бленнер рухнул на
колени, схватил щетку и принялся тереть

изо всех сил. Но направлению к нему решительно двигался высокий человек в развевающейся рясе. Он навис над Бленнером, внимательно глядя на него.

--- Каждый сантиметр, послушник, каждую плитку, каждый стык!

--- Да, старший наставник.

--- А ты, должно быть, претендент в послушники Убрам Гаунт, -- взглянул на него старший наставник Флавий. -- Угел со мной, мальчик.

Гаунт побежал вслед за наставником, пытаясь не отстать. Он успел бросить взгляд через плечо. Бленнер провел пальцем по горлу на манер ножа и высунул язык.

Первый раз в этом году юный Убрам Гаунт растеялся.

Личный кабинет верховного магистра представлял собой колодец из книг. Настоящий улей книжных шкафов, едва держащих вес множества древних томов и информационных планшетов. На стенах змеилась спираль медного полотна с частым гребнем зубцов. Гаунт мог

только загать о предназначении этого механизма.

Несколько долгих минут Гаунт стоял посреди комнаты в одиночестве, дожидаясь ее хозяина, верховного магистра Бонифация.

Магистр выглядел крепким пятидесятилетним мужчиной -- во всяком случае, он был таковым до того, как лишился обеих ног, левой руки и половины лица. Он вкатился в комнату в резном латунном кресле, которое приводили в движение три генератора энергополя. Искалеченное тело магистра могло шевелиться только внутри этого мерцающего ореола.

-- Ты Убрат Гаунт? -- произнес он жестким электронным голосом.

-- Да, магистр. -- Гаунт вытянулся по стойке «смирно», как его учил дядя.

-- Удача благоволит тебе, мальчик, -- хрипела голосом Бонифация его искусственная гортань. -- Сюда, в Схолу Прогениум Прим Угнация, не берут кого попало.

-- Я осознаю оказанную мне честь,

магистр. Генерал Дерций говорил мне об этом, когда содействовал моему переводу сюда.

В энергополе перед верховным магистром неспешно плыл информационный планшет. Протянув к нему механическую левую руку, Бонифаций пробежал по его поверхности металлическими костями пальцев, выискивая нужную информацию.

— Дерций. Командующий янтийскими войсками. Непосредственный командир твоего отца. Все ясно. Да, я вижу здесь его рекомендательное письмо.

— Дядя... То есть генерал Дерций сказал еще, что теперь, когда отца больше нет, вы будете приставлять за мной.

На какое-то мгновение Бонифаций замер. Когда он повернулся к Гаунту, его изуродованное лицо стягчилось и в единственном живом глазу читалось... расположение? Забота?

— Ну конечно, Убрам. Мы приставим за тобой.

Кресло Бонифация подкатилось к

латунному полотну на стене. Шестеренки
на его боку со щелчком встали на зубцы
спирали. Магистр дотронулся до рычажка,
и медная дорожка начала возносить его
наг Гаунтом широкими кругами.
Бонифаций остановился на уровне
третьей полки, достал одну из книг и
открыл наугад.

--- Сила Императора... --- прочел он. ---
Закончи.

--- В Человечестве, как сила
Человечества в Императоре. Проповеди
Себастиана Тора, том двадцать третий,
глава шестьдесят вторая.

Бонифаций двинул свое кресло выше,
взял новую книгу.

--- Смысл войны?..

--- В победе! --- немедленно ответил
Гаунт. --- Меморанды лорда-генерала Греша,
глава девятая.

--- Как узнать мне, в чем долг мой
пред моим Императором?

--- Убо всем, что дано мне, я обязан
Золотому Трону, и вечным служением
моим долг мой пред Ним будет оплачен, ---
парировал Гаунт, --- «Небеса Желанные»

инквизитора Рейвенора, том... третий?

Бонифаций спустился вниз и вновь оказался лицом к лицу с Гаунтом.

--- Если быть точным, том второй.

Гаунт увидел прямо перед собой изорванный край плоти, где начиналась бионическая маска искусственного лица, и внутренне содрогнулся, хотя из всех сил старался не показывать этого.

--- Ты хочешь что-нибудь спросить?

--- Да. Как погиб мой отец? Мне никто не рассказывает, даже дядя... генерал Дерций.

--- Зачем тебе это, мальчик?

--- Я познакомился с мальчиком по имени Бленнер. Он знает, как умерли его родители. Его отец пал в бою с Великим Врагом на футарке, а мать убила себя из любви к нему.

--- Это он тебе сказал?

--- Да, магистр.

--- Родители послушника Бленнера погибли во время вирусной бомбардировки его планеты, зараженной генокрадками. Бленнер тогда гостил у своих родственников на другой планете. У тети,

если я не ошибаюсь. Его отец был
чиновником Администратума. У
Бленнера богатое воображение.

--- А то, что он стрелял боевыми
патронами на стрельбище? Его за это
наказали?

--- Послушник Бленнер был пойман,
когда писал непотребства о старшем
наставнике в уборной. За это он и был
наказан. Я гляжу, ты улыбаешься, Гаунт.
Почему?

--- Просто так, магистр.

Долгая тишина, только
потрескивает энергополе в кресле
магистра.

--- Как погиб мой отец, Верховный
магистр? --- повторил Убрам Гаунт.

--- Это секретная информация. ---
Бонифаций громко захлопнул
информационный планшет.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Город Крация, Нирит

1

Имперский Шпиль был самым настоящим архитектурным чудом. Во всяком случае, так решил полковник Колт Корбек. Железный каркас возносился на три тысячи метров над Крацией, старейшим городом Нирита. Четыре тысячелетия назад его возвели здесь во славу Императора. Или, скорее, во славу инженерного искусства колчеданцев. По сравнению с ним казались карликами и зубчатые бастионы Агентус Арбайтес, и даже башни-близнецы здешнего собора Экклезиархии. В безоблачные дни город превращался в огромные солнечные часы, а Шпиль служил им стрелкой. Точное время можно было узнать по тому, на каких улицах была тень.

Жаль, в тот раз выдался не

солнечный денек. В Крации стояла зима. Низкое, пасмурное небо застыло пустым экраном ненастроенного панорамоскопа. Серый свинец туч неспешно опадал хлопьями снега. Крыши и башни старого серого города медленно белели. Холодная белизна покрывала резные барельефы, кованую сталь водосточных труб и медь карнизов, оседала на пожарных лестницах и под стрельчатыми арками окон.

Но в глубине лабиринта улиц было тепло. Аллеи и площади города, скрытые навесами из темного стекла и вязи железной резьбы, постоянно обогревались. На глубине нескольких километров старинные обогревательные турбины питали горячим воздухом теплотки под тротуарами. Над первыми этажами терцала пленка низкоэнергетического защитного поля, не пропускавшего вниз ни снег, ни дождь.

Колм Корбек, в танитском офицерском кителе нараспашку, устроился в одной из местных закусок. Полковник отхлебнул пива и беззаботно откинулся на чуждую спинку стула. На Пирите любили

чүгүн и делали из него все подряд. Даже пиво, если судить по вкусу.

Первый раз за много месяцев приятная слабость разлилась по телу. Кошмар под названием Фортис Бинари наконец остался в прошлом. Грязь, паразиты, артобстрелы... Ночами отголоски пережитого пробирались в его сны, и он вскакивал с постели под пригрезившийся грохот орудий. Но этот стыл, пиво, тепло безопасных улиц... Полковник снова чувствовал себя живым.

Неожиданно на него упала тень, казавшаяся еще больше Имперского Шпиля.

--- Мы идем? --- спросил рядовой Браз.

Корбек чуть повернул голову, чтобы увидеть безмятежное лицо силача.

--- Рановато еще. Говорят, ночью здесь расцветает веселая жизнь. Но для этого еще чересчур светло.

--- А по-моему, скучно, как в могиле, --- кисло протянул Браз.

--- Ты лучше скажи спасибо, что нас кинули на Пирит, а не на Гаснедин. Я слышал, там, кроме ульев, мусора и пустошей, вообще ничего нет.

Тем временем, подчиняясь заданному циклу, на перекрестках и под навесами начали зажигаться электролампы, хотя было еще светло.

--- Мы тут поговорили... --- начал Браз.

--- «Мы» --- это кто?

--- Ну... Ларкс, я... и Варл. И еще Блейн, --- затялся здоровяк. --- Мы тут слышали про один кабак. Говорят, хорошее место.

--- Отлично.

--- Да, вот только...

--- Что? --- спросил Корбек, уже зная, что стоит за этим «только».

--- Он в холодной зоне, --- закончил Браз.

Корбек встал из-за стола. О стеклянную крышку звякнули местные монеты, упавшие возле пустой кружки.

--- Рядовой, вы прекрасно знаете, что нам запрещено выходить в холодную зону. --- Полковник старался говорить мягче. --- Наш полк расквартирован в этом городе на четырехдневный отдых. И у нас есть некоторые ограничения. Мы должны вести

себя максимально спокойно, чтобы не тревожить жизнь граждан этого древнего и прославленного места. Мы можем пользоваться строго определенными пивными, клубами, игорными домами и борделями. И еще одно — всем служащим Имперской Гвардии запрещено покидать теплую зону. Холодная зона объявлена вне закона.

— Ну да... — кивнул Браз. — Но тут по всему городу бродит пятьсот тысяч гвардейцев. Все костюпорты и трамвайные станции ими забиты. И каждый из них пару месяцев назад был еще в самотканом фесовом пекле. Вы и правда думаете, что они все будут вести себя тихо?

Корбен задумчиво сжал губы. И вздохнул.

— Нет, Браз. Думаю, не будут. Говори, где там ваше хорошее место. Ну, вот это, о котором ты сейчас сказал. У меня есть еще кое-какие дела. А потом встретимся с вами там. Смотрите не напортачьте без меня.

Отель «Полюс Империял», находившийся близ конторы Административта, был одной из лучших гостиниц во всей верхней Крации. Здесь, среди зеркал прокуренного гостиничного бара, комиссар Вайном Бленнер описывал гибель вражеского линкора «Устребляющий». Это было настоящее театральное действо. Комиссар сопровождал рассказ оживленной жестикующей, изображал голосом всевозможные звуки, прибегал к помощи зажженной сигары и колечек дыма.

Собравшиеся за столом офицеры стеялись и подбадривали рассказчика удивленными возгласами.

Только Убран Гаунт смотрел на него, не проронив ни слова. Он часто хранил молчание в таких ситуациях. Многих это ставило в тупик.

Бленнер всегда был фантазером, современ Схолы Прогениум. Гаунт давно ждал случая встретиться с ним снова. Для

него Бленнер был чем-то вроде старого приятеля. За эти годы погибло и навсегда пропало столько друзей, а он совсем не изменился. И это вносило немого спокойствия в душу Гаунта.

А еще Бленнер был жутким хвастуном. Пригретый жизнью, он постепенно стал слабым и самодовольным. Последние несколько лет он служил в Третьем Грейгорийском. Грей были хороши, усердными солдатами. К тому же редкий полк мог похвастаться такой же преданностью Императору. Служба с ними напрочь избаловала Бленнера.

Тем временем рассказчик позвал официанта и заказал еще партию спиртного для благодарных слушателей. Взгляд Гаунта отправился блуждать по залу, пестревшей униформой офицеров Имперской Гвардии всех возможных полков. Здесь они могли отдохнуть и пообщаться. Дальнюю стену занимало огромное полотно в позолоченной раме — написанная маслом картина изображала шагающих в бой имперских титанов. Под ней Гаунт поймал отблеск хромированной стали и

заметил цвет формы — фиолетовый.
Янтийские Патриции. «Узбранники
Императора» — так их называли.

Среди офицеров полка выделялась
высокая, мощная фигура. Лицо этого
человека, изрезанное шрамами кислотных
ожогов, Гаунт знал лучше, чем хотел бы.
Полковник Дрейкер Фленс.

На мгновение их взгляды
встретились. В глазах обоих было не
больше гружелюбия, чем в наводящихся
друг на друга прицелах тяжелых орудий.
Гаунт ругнулся про себя. Знал бы он, что
янтийские офицеры живут в этом же
отеле, — выбрал бы какой-нибудь другой.
Очередная перепалка с ними — последнее,
чего он хотел сейчас.

— Комиссар Гаунт?

Он обернулся. Возле его кресла вырос
швейцар в форме отеля, склонив голову.
Взгляд, пусть и услужливый, но свысока.

«Лицетерный засранец, — подумал
Гаунт. — Такие любят Гвардию до тех
пор, пока мы спасаем для них мир. Стоит
нам зайти отдохнуть в бар его
драгоценного отеля, и он уже грозит, как

бы ты не повреди́ли обстановку».

--- Там, в приемной, мальчик, сэр, --- пренебрежительно заговорил швейцар. --- Желает с вами поговорить.

--- Мальчик?

--- Он просил передать вам вот это. --- Швейцар протянул танитскую серебряную серьгу, брезгливо держа ее кончиками пальцев, затаянутыми в бархатную перчатку.

Кивнув, Гаунт встал и направился вслед за служащим отеля. Фленс проводил его взглядом и мрачно поманил своего адъютанта, Уззана.

--- Найди-ка мне майора Брокхуса и кого-нибудь из его ребят. Я хочу уладить кое-какие счета.

Напыщенный швейцар проводил Гаунта в сверкающее латным фойе. Чем дальше, тем большее отвращение вызывало у комиссара это место. Ниритцы были такими слабыми и изнеженными, такими далекими от жесткости передовой. Они платили свои налоги Императору, а взамен могли по-

детски закрывать глаза на тьму, скребущуюся в запертую дверь их цивилизованного мира. Даже гарнизонные войска Империи были здесь избалованными.

Страхнув мрачные мысли, Гаунт наконец увидел Брина Майло, сгорбившегося под ветвями дерева-самоеда. Он был одет в униформу Призраков и выглядел весьма недовольным.

— Майло? Я думал, ты поедешь гулять с остальными. Корбек сказал, что хочет взять тебя с собой. Что ты забыл в этом затхлом рассаднике снобов?

— Это передали по воксу после того, как вы ушли, сэр. — Майло вынул из кармана маленький информационный планшет и передал комиссару. — Офицер Крефф решил, что вы должны прочитать это как можно скорее. Ну а я вроде как ваш адъютант... В общем, мне приказали доставить.

Устало-разочарованный тон парня чуть не заставил Гаунта улыбнуться. Он включил планшет.

— И что это?

— Сэр, я знаю только то, что это адресованное лично вам закодированное сообщение, полученное сорок... — он замешкался, глянул на портативный хронометр, — сорок семь минут назад.

Мгновение Гаунт разглядывал нагромождение несуразных символов. Потом дотронулся до иконки декодера, распознавшей отпечаток пальца. Значки сложились в читаемые слова. И правда, личное сообщение.

«Убрат. Из всех, кто может помочь, рядом только ты. Жду тебя на бульваре Тени Шпиля, 1034. Пароль остается прежним. Тебя ждет сокровище. Сокровище цвета Вермильон. Ферейд».

Гаунт резко захлопнул информационный планшет с таким видом, будто его поймали с поличным на месте преступления. Дернулось сердце. Тронут Терры, как часто в его душе прокрадывается это чувство? И правда ли это страх? Ферейд? Старый, закадычный друг. Их дружба скреплена кровью с тех самых пор, когда...

— Неприятности? — насторожившись,

спросил удивленный Майло.

--- Не совсем... Появилось одно
дельце... --- пробормотал комиссар, нажав
на планшете клавишу «стереть».
Поразмыслив, он спросил Майло: ---
Машину вести сможешь?

--- А можно? --- восторженно
переспросил агъютант.

Гаунт погасил радостный огонь в его
глазах одним движением руки.

--- Спустишь в гараж и реквизируй нам
какой-нибудь транспорт. Штабную
машину, пожалуй. Скажешь, по моему
приказу.

Майло тут же исчез. Гаунт остался
один в тишине. Он пару раз глубоко
вздохнул. Мощный удар по спине едва не
свалил комиссара с ног.

--- Брат! Старый пес, ты пропустишь
все веселье! --- проворчал Бленнер.

--- Позоди, Бай, у меня тут дела...

--- Э, нет, нет, нет! --- воскликнул
раскрасневшийся от выпитого комиссар,
неуклюже расправляя складки на кожаном
пальто. --- Как часто мы можем спокойно
посудачить о старых добрых временах, а?

Часто, что ли? По-моему, раз лет в
десять! Я тебя просто так не отпущу! Ты
ведь обратно не вернешься, я тебя знаю!

--- Вай, это просто кое-какие дела в
полку...

--- Ну, тогда я с тобой! --- не унимался
Бленнер. --- Состряпает все раза в два
быстрее! Сразу два комиссара, каково?
Клянусь Троном Терры, мы там всех
настертъ перепугаем!

--- Нет, там скучно будет, я тебе
говорю... Это очень скучное дело.

--- Так это значит: мне тебя нельзя
бросать! Чтобы не было так скучно, а?
А?! --- кричал Бленнер.

Он приоткрыл отворот своего
пальто, демонстрируя Гаунту --- и всем,
кто был в фойе, --- старинную бутылку
дорогого спиртного. Комиссар решил, что
еще немного --- и он сможет объявить всем
о своих делах во весь голос.

--- Ладно, пошли, --- прошипел Гаунт,
схватил Бленнера за руку и потащил
прочь из бара. --- Только... води себя по-
человечески! И не шуми!

Девушка на сцене, кружившаяся вокруг шеста под барабанный ритм, была весьма хороша собой. И к тому же почти раздетая. Майор Роун смотрел не на нее. Сквозь сумрачные клубы дыма он следил за тем, как Вульнор Хабшенг кэл Гил деловито наливает две стопки горохового маслянистого напитка.

Гил был огромным. Даже если снять с него все триста килограммов мясистой плоти, его костяк все равно казался бы большим и мощным. Браз по сравнению с ним выглядел так, будто голодал всю жизнь. Роун прекрасно понимал, что ярко-красный бандит весит раза в три больше него, и это его ничуть не пугало.

— Ну, тяннем, солдатик, — проговорил Гил с характерным колчеданским акцентом и поднял стопку толстыми пальцами.

— Тяннем, — согласился Роун, повторяя движение собеседника. — Только я бы предпочел обращение «майор Роун».

уголовничек.

Повисла мертвая тишина. Весь бар холодной зоны погрузился в напряженное молчание. Замерла даже девушка на сцене.

Гил расхохотался в ответ.

— Ну красавец, а! Какой храбрый попался, гляди-ка! — Он со стехом чокнулся с Роуном.

Посетители вокруг вернулись к своим делам.

Медленно и изящно Роун выпил свою порцию. Потом взял графин и спокойно влил в себя еще литр спиртного и глазами не моргнув. Он знал, что этот напиток гонят из ржи. Его химическая структура идентична антифризу в машинах вроде «Химеры» или «Носорога». Еще он знал, что перед приходом сюда выпил четыре противотоксичные таблетки. Они достались майору от знакомого на черном рынке, в уплату долга. Жаль было так их тратить, но дело того стоило. Алкоголь казался не крепче ключевой воды.

Гил осознал, что уже минуте сидит с открытым ртом, и немедленно принял погобавующий вуг.

--- Майор Роун пьет как настоящий колчеданец, --- отвесил он комплимент гвардейцу.

--- Да, колчеданцы любят себя льстить... --- связвил в ответ Роун. --- Ближе к делу.

--- Пойдем. --- Гил тяжело поднялся из-за стола. Майор следовал за ним в сопровождении четырех дюжих телохранителей.

В спину уходящим бандитам и гвардейцу уставился весь бар. На сцене тем временем девушка сняла последний клочок белья и вертела его на кончике пальца, собираясь бросить в толпу. Наконец она поняла, что никто не смотрит, и в порыве негодования скрылась за кулисами.

На заснеженной аллее за баром стоял шестиколесный грузовик, похожий на большого серого жука.

--- Пшеничный самогон. Күрево. Слайды с девками. Все как на заказ, --- щедро взмахнул рукой Гил.

--- Вы --- человек слова, --- одобрительно сказал Роун.

--- А теперь деньги. Две тысячи имперских кредитов. И не суй мне местное фуфло. Два куска импералов.

Роун кивнул и громко щелкнул пальцами. Рядовой Фейгор вышел из тени. В руках он нес рюкзак, явно наполненный чем-то тяжелым.

--- Это мой помощник, мистер Фейгор, --- представил его майор. --- Покажи им наши деньги, Фейгор.

Гвардеец поставил рюкзак на землю, покопался в нем, будто выискивая что-то, пока в его руках не возник лазерный пистолет.

Первые два выстрела пришлись в лицо и грудь Гила, опрокинув здоровяка.

Улыбаясь, Фейгор легко пустил еще по одному выстрелу в голову каждому из опешивших телохранителей.

Роун метнулся к грузовику, ввалился в кабину и немедленно запустил мотор.

--- Погнали! --- проорал он Фейгору, который едва успел запрыгнуть в сорвавшуюся с теста машину.

Грузовик с грохотом проскочил по аркой аллеи. В этот момент что-то

темное тяжело приземлилось на застеленные брезентом ящики с контрабандой. Держась за крепления, Фейзор осторожно перебрался из кабины в кузов. Заметив незваного попутчика, он немедленно полез в драку. Мощный удар в челюсть свалил его с ног.

В зеркале заднего вида мелькнул нападающий Фейзор. Роун подавил в себе приступ паники. Одним прыжком враг оказался в кабине, рядом с ним.

--- Приветствую вас, майор, --- произнес Корбек.

--- Корбек! --- вскричал Роун. --- Ты!.. Откуда?!

--- Я бы на твоем месте смотрел на дорогу, --- посоветовал полковник, бросив взгляд через плечо. --- Кажется, ты немного расстроил приятелей Гила.

Вслед за грузовиком из снежного бурана дороги вырвались четыре лимузина.

--- Вот фес! --- прорычал Роун.

Штабной автомобиль, выданный Майло в гараже, мог похвастаться внушительными размерами и басовитым ревом мотора. Его полированные черные бока горделиво блестели в свете уличных электроламп, свисавших с установленных вдоль дороги чужданных столбов. Машина уверенно и мягко катилась по полупустой вечерней трассе. Водители покорно уступали дорогу трачному ревущему зверю, сверкавшему серебряным двуглавым орлом.

Скрытый бронированным стеклом, Гаунт привстал с удобного кожаного сиденья и включил внутренний коммуникатор. Рядом Бленнер, с глупой улыбкой на лице, пытался разлить бренди в два высоких бокала.

--- Можно не так быстро, Майло? --- спросил Гаунт. --- Нам сейчас лишнее внимание ни к чему, поэтому давай установим новые рекорды скорости как-нибудь потом.

--- Будет сделано, сэр, --- отозвался голосом адъютанта коммуникатор.

Майло с довольной улыбкой провёл

руками по изгибу руля. Скорость упала. Самую малость.

Гаунт отмахнулся от бокала, который Бленнер попытался ему вручить, и открыл информационный планшет с дорожной картой города.

--- Хорошо, Майло, следующий поворот налево, --- бросил он в коммуникатор. --- Потом по туннелю до площади Зорна.

--- Но ведь... --- затешкался Майло. --- Мы же так попадем прямо в холодную зону.

--- Выполняйте приказ, адъютант, --- отрезал комиссар и выключил связь.

--- По-моему, никакие это не гвардейские дела, --- насторожился Бленнер. --- Так, старик?

--- Не спрашивай ничего, чтобы потом не пришлось врать. Вообще, Вай, лучше сделай вид, что тебя тут и вовсе нет. Я отвезу тебя обратно в бар через часик-полтора. Надеюсь... --- Последнее слово Гаунт произнес едва слышно.

Роун круто развернул тяжелый

грүзовик. Колеса машины совсем не держали заметенную мокрый снегом дорогу. Преследователи заметались из стороны в сторону, пытаясь не отстать.

--- Так не пойдём! --- протестовал

Роун. --- Мы заберемся еще глубже в эту долбаную холодную зону.

--- А у нас есть выбор? --- откликнулся

Корбек. --- Нас загоняют, как гичь. У тебя что, вообще нет плана отступления?

Роун не отвечал, делая вид, будто сосредоточился на дороге. Миновал еще один скользкий поворот.

--- Ты-то здесь что забыл? --- наконец спросил он.

--- Сейчас я тоже хотел бы это знать, --- легко ответил Корбек. --- На самом деле я решил поступить так, как должен поступать любой хороший командир полка, который отдыхает в тылу после прогулки по преисподней вроде Фортис. Ну и отправился в торговые кварталы купить из-под полы спиртяги и всего прочего, чем можно развлечь ребят. Солдаты ценят такую заботу командира.

--- Последние слова были вознаграждены

презрительным взглядом Роуна. — Потом
я случайно наткнулся на вас двоих. Я сразу
понял, что вы заняты тыловыми делами,
обычными для таких хитрожных крыс.
Конечно же, ищите местных барыг, чтобы
перепродать их товар своим. И вот тогда
я подумал: надо бы нам держаться вместе,
ведь старина Роун ищет то же, что и я.
Только без моей помощи его трюн утром
найдут в реке Крации.

— Без твоей помощи? — начал было
Роун, но договорить не успел. Позднее
стекло брызнуло осколками под ударами
пуль, заставив гвардейцев пригнуться.

— Ну да, без моей. — Корбек выудил из-
за пазухи автоматический пистолет. — Я
стреляю лучше, чем твой фесол из фейгор.

Открыв боковое окно, полковник дал
короткую очередь в сторону погони. Канот
одной из машин разлетелся в клочья.
Лимузин развернуло, потащило по
скользкой дороге. Задев на ходу одного из
напарников, автомобиль врезался в бордюр,
трижды перевернулся и затих грудой
металлических и стеклянных обломков.

— Остались сомнения? — спросил

Корбек.

--- Да, там еще три таких же, ---
откликнулся майор.

--- Твоя правда. --- Полковник
перезарядил пистолет. --- Но такой уж я
хитрый, что додумался взять побольше
патронов.

Гаунт приказал Майло остановить
машину на углу бульвара Тени Шпиля.
Котиссар открыл дверь и шагнул в ночной
холод.

--- Сиди здесь, --- бросил он Бленнеру.
Тот весело помахал рукой в ответ.
Майло уже выбирался из кабины,
когда Гаунт остановил его:

--- Ты, кстати, тоже.

--- Сэр, вы вооружены?

Только теперь Гаунт понял, что не
взял с собой оружия, и потнул головой.

--- Так, на всякий случай. --- Майло
протянул ему посеребренный танитский
нож.

Благодарно кивнув, Гаунт зашагал
прочь.

Холодные зоны, наподобие этой,

служили трачным напоминанием о
глубоких различиях в достатке среди
населения Крации. В самом ее сердце
располагались Имперский Шпиль и собор
Экклезиархии. Их окружали роскошные
районы богачей. Эти улицы были надежно
защищены от преступности, холода и
осадков. Маленький, изолированный
островок спокойствия и безопасности.
Здесь можно было наслаждаться всеми
благами имперского подданства.

Город за пределами этого круга был
лишен такого комфорта. Сотни
километров, заполненных ветхими,
рассыпающимися зданиями и доходными
домами столетней давности. Медленно
гнущие постройки стояли без тепла и
света, разделенные грязными улицами.
Преступность в этих районах составляла
часть повседневной жизни, и арбитры сюда
не заглядывали. Их зона ответственности
заканчивалась центром города и высшими
кругами. Это был настоящий человеческий
зверинец, дебри городских джунглей,
обступивших цивилизацию. Временами
эта ситуация напоминала Гаунту сам

Центриум — средоточие богатства и роскоши, окруженное враждебной реальностью, о которой в этой сердцевине так мало знают. Или не хотят знать.

Воздух был полон мокрого снега, таявшего, не касаясь земли. Холодная, промозглая ночь.

Захламленный тротуар. Мрачный, разрушающийся остов дома 1034. Одинокий бледный огонек в окне шестого этажа.

Гант тихо зашел внутрь. В холле пахло отсыревшим ковром и плесенью. Электричества, конечно же, не было. Зато была лестница, уставленная множеством свечей в бутылках. Клубился желтый свет.

Уже на третьем этаже была слышна музыка, что-то старинное, танцевальное. Затертая, шипящая запись звучала словно песня призрака.

Самый верхний шестой этаж. Мокрый временем ковер усеян осыпавшейся штукатуркой. Где-то в темных углах шуршат крысы. Музыка стала громче. Старый аудиофон стоял в одной из смежных комнат. Из приоткрытой двери сочится яркий

фиолетовый свет переносной лампы.

Держа руку в кармане на рукоятки ножа, Гаунт шагнул в помещение.

5

Комната встретила его голыми дощатым полом и ободранными стенами. Тихо турлыкал аудиофон, вздрогнувший на стопку книг. Лампа в углу разливала призрачно-фиолетовое сияние.

--- Есть кто живой? --- Гаунт удивился собственному голосу.

В ванной комнате что-то шевельнулось.

--- Что нужно сказать? --- ответили ему.

--- Сказать?

--- Не время для шуток. Пароль.

--- «Крыло Орла». --- Гаунт произнес старинные кодовые слова, которыми он пользовался для связи с ферейдом на Нашене 9-60.

Напряжение спало. Темный силуэт двинулся. В свете лампы он превратился в изможденного старика, одетого в грязную, поношенную робу. Только теперь он опустил маленький тупоносый пистолет незнакомой Гаунту модели. В груди неприятно кольнуло. Это был не Ферейд.

— Кто вы? — немедленно спросил Гаунт, заставив незнакомца удивленно вскинуть брови.

— В сложившихся обстоятельствах важна — это последнее, что стоит знать.

— Что ж, пусть так.

Старик неспешно подошел к аудиофону и включил новую песню. Снова что-то старинное. Веселая песенка о любви, полной надежд и сомнений, начиналась переливами флейт и струнных.

— Я — координатор местных операций, а также курьер. Скорее всего, жить мне осталось недолго, — сообщил незнакомец. — Вы хорошо представляете себе смысл и значение этого дела?

— Нет, я даже не знаю, о каком деле вы говорите, — признался Гаунт. — Но я

верю слову моего старого друга. Ферейд
обратился ко мне, и этого достаточно. Он
ясно дал понять, что дело нешуточное. Но
что касается смысла и значения...

В Гаунта впился внимательный,
изучающий взгляд старика.

--- Разведка Имперского флота
организовала сеть агентов в мирах
Саббаты, чтобы держать все события
крестового похода в поле зрения.

--- Да, я знаю.

--- Я --- часть этой сети. Как, впрочем,
и вы, если вы еще не догадались об этом.
Мы раскопали очень и очень неприятные
вещи, друг мой. В высших эшелонах
командования крестового похода идет
борьба за власть угрожающих масштабов.

--- А мне какое дело? --- раздраженно
спросил Гаунт. Его не интересовала
болтовня о подковерной борьбе в верхах. ---
Я не вхожу в генеральный штаб. Пусть они
сами пожирают друг друга...

--- То есть вы просто отвернетесь?
Даже если это обесценит десятки лет
освободительных войн? Обесценит все
победы военмейстера Слайдо?

--- Нет, --- мрачно сознался комиссар.

--- Скажем прямо, Крестовый поход столкнулся с весьма значительными трудностями. Возможно ли управлять армиями такого масштаба, если командиры только и думают, как перегрызть друг друга глотки? Если мы сражаемся сами с собой, кто же будет сражаться с врагом?

--- Что я тут делаю? --- оборвал его речь Гаунт.

--- Он сказал, что вы будете осторожнее.

--- Кто сказал? Ферейд?

Старик не ответил.

--- Два дня назад, --- наконец заговорил он, --- мои сотрудники из местных перехватили астронавтическое сообщение корабля-разведчика из Нубилийского Пролива, отправленное штабному кораблю Верховного лорда-генерала Дравера. Уровень секретности Вермильон.

Гаунт замер. Вермильон.

Старик запустил руку во внутренний карман. Что-то блеснуло в фиолетовом свете лампы. Маленький кристалл.

--- Данные содержатся в этом кристалле. Двое псайкеров утерли, передавая и записывая их. Этот кристалл не должен попасть в руки Дравера ни при каких обстоятельствах.

--- Вы доверяете его мне?

--- С тех пор как мы получили эти данные, нас уничтожают по одному, --- сдвоенно ответил старик. --- Собственная контрразведка Дравера из всех сил пытается вернуть эту информацию. Мне больше никому ее доверить. Я связался с руководителем, и он приказал мне ждать человека, которому я смогу доверять. Кем бы вы ни были, друг мой, вас высоко ценят. Вам доверяют. А это значит очень много на тайной войне.

Гаунт принял кристалл из дрожащей руки старика. Он не находил слов. Меньше всего ему хотелось иметь дело с такой важной и такой смертоносной вещью, как этот кристалл. Но где-то в глубине души он понимал, как высоки могут быть ставки в этой игре.

Старик улыбнулся и собрался что-то сказать.

путь магнитной миной.

По комнате заплесали зеленые огоньки лазерных прицелов. Один из них немедленно остановился на том месте, где укрылся Гаунт. Первый выстрел разнес дверной косяк в щепки. Очередь двинулась дальше, прогрызая насквозь гипсокартонные стены.

Гаунт бросился в сторону. Ему конец! Точно конец. Если бы только...

Пистолет старика валялся на старом ковре, прямо перед носом комиссара. Наверное, его отбросило сюда взрывом. Гаунт подхватил оружие, снял с предохранителя и перекатился в удобную для стрельбы позицию. Пистолет был маленький, но, судя по конструкции, относился к разряду редкого специализированного оружия. Гаунт спустил крючок. Таким грохотом и отгачей мог похвастаться разве что «Василиск».

Первый выстрел поверг в шок и Гаунта, и солдат. В стене позади них образовалась дыра. Или, скорее, лишняя дверь. Второй выстрел пришелся в цель.

оставив от солдата жалкие ошметки.

На рукоятке оружия цифра V
стенилась на III. Гаунт вздохнул. С
такой обоймой не разгуляешься.

Гаунт вдруг понял, что звук шагов на
лестнице стал куда громче. Еще трое
бойцов. С каждым шагом гаснут свечи на
полу.

Комиссар опустился на одно колено,
вскинул оружие, и голова первого
противника разлетелась кровавыми
брызгами. Оставшиеся двое не успели
подняться на этаж, они принялись палить
вслепую по деревянным перекрытиям.
Солдат в комнате наконец опомнился и
присоединился к ним. Шквал очередей
трех лазганов мгновенно изорвал стены,
пол и потолок холла. Комиссар едва успел
распластаться на полу, больно ударившись
головой. Пистолет выпал из рук и полетел
вниз по ступеням.

Прошло несколько мгновений, прежде
чем обстрел прекратился. Солдаты
начали осторожно подниматься, чтобы
осмотреть убитого. В сумраке холла
вздымалась кольцатаи древесная пыль. В

нескольких дюймах от головы комиссара
тлели края отверстий, оставленных
лазерными зарядами. Всего несколько
дюймов. Но Гаунт был жив.

Оставшийся на этаже солдат
выглянул из-за разбитого косяка. В ту же
секунду в его шлем глубоко вошли
пятьдесят сантиметров серебристого
танитского клинка. Скрученное агонией
тело исчезло из виду. Гаунт бросился
бежать. Еще немного, и он успеет поднять
вражеский лазган.

Но его уже заметили. Вспышка.
Гаунт понял, что лучи прицелов только
что скользнули по его лицу к груди. Треск
беспорядочных лазерных выстрелов, волна
едкого газа.

Бленнер кое-как поднялся на этаж,
перешагивая через тела убитых. Лазерный
пистолет в его руке кашлянул дымком.

--- Надоело мне что-то ждать, ---
сокрушенно вздохнул он. --- Да и тебе, как я
погляжу, нужна помощь. Правда, Брат?

На хвосте оставалась всего одна машина. Удущий на всей скорости серый грузовик мчал, не разбирая дороги. Неожиданно колеса на миг оторвались от мерзлой дороги.

--- Это еще что? --- нервно оглянулся Роун, как только грузовик согрознулся и снова оказался на скользкой дороге.

--- Полагаю, это называется дорожное заграждение, --- отозвался Корбек.

Дорогу впереди перегородила линия бочек, бетонных столбов и колючей проволоки. Поблизости стояли несколько вооруженных людей.

--- С дороги! Сворачивай к чертям с дороги! --- выкрикнул Корбек и дернул на себя руль.

Грузовик резко развернуло в фонтане талого снега. Сорвавшись с дорожного полотна, машина на всей скорости пробила ветхую деревянную стену брошенного склада. Рев движка превратился в немощный кашель. Машина замерла в промозглой тьме.

--- Здорово. Что теперь? --- прошипел Роун.

— Ну, что тут сказать... Ты, я и Фейзор... — Полковник кивнул в сторону тяжело поднимающегося гвардейца. — Мы... — Призраки Гаунта, лучшие диверсанты во всей Гвардии. А теперь оглянись! Мы вроде как в темной комнате...

Корбек и Роун переглянулись и перезарядили оружие.

— Тогда приступим, — ухмыльнулся майор.

Много лет спустя в барах и подпольных кабаках холодной зоны Крации будут рассказывать о перестрелке на старом складе Винчи. Двадцать громких выстрелов главаря мафии Вульнора Хабшенга кэп Гила пытались выкурить со склада бандитов с другой планеты. Говорят, тысячи громких выстрелов их автоматических винтовок можно было слышать за много миль.

Все двадцать погибли. Было еще двадцать выстрелов — из лазерных пистолетов и мощного автоматического пистолета. Двадцать — ни больше ни меньше. Никто не видел бандитов-пришельцев. Как и тот грузовик с

контрабандой, из-за которого и началась перестрелка.

Штабной автомобиль крался извилистыми улицами холодной зоны к теплому, безопасному сердцу города. Не заднем сиденье Бленнер решил снова попытать счастья и еще раз разлил дорогой бренди по бокалам. Он не прогадал: Гаунт принял протянутую выпивку и опрокинул в себя залпом.

— Можешь не рассказывать мне, что это за заварушка, Брам. Ну, если не хочешь, конечно.

— А если бы и хотел, ты бы стал слушать? — вздохнул Гаунт.

— Я верен Императору и вдобавление — своим друзьям, — улыбнулся Бленнер. — Какие еще доказательства тебе нужны?

С ответной улыбкой Гаунт протянул свой бокал, и Бленнер немедленно наполнил его.

— Думаю, больше никаких.

Бленнер подался вперед, и его лицо вдруг посерьезнело. Может быть, первый раз за много лет.

— Послушай, Брат, ты можешь думать, что я старый лентяй, что я ожирел в теплом местечке при долбаном идеальном полку, но я еще помню, что такое боль и огонь. Я помню, зачем я здесь. И если тебе не с кем спуститься в преисподнюю, смело зови меня, потому что я не откажу.

— И Император, — трачно закончил Гаунт.

— Да, и треклятый Император! — согласился Бленнер. Бокалы в руках комиссаров со звоном соприкоснулись. — Послушай, — тут же добавил он, — чего это твой мальчик тормозит?

Майло затер. В его позе читалось напряжение. Дорогу перегородили два тяжелых гусеничных бронетранспортера. Свет их прожекторов слепил глаза, но Майло разглядел на бортах цвета Янтийских Патрицьев. К машине двигались мощные фигуры. В руках угадывались глубинки и саперные лопатки.

Машина окончательно встала, и Гаунт выбрался наружу. Он сощурился, пытаясь разглядеть людей сквозь свет и

лениво падающий снег.

--- Брохусс...

--- Полковник-комиссар Гаунт. ---

Майор Янтийских Патрициев Брохусс выступил ему навстречу. Он был обнажен по пояс, демонстрируя блестящий рельеф мышц. Майор угрожающе поизгрывал деревянной палкой. -- Думаю, нам нужно уладить кое-какие дела. Ты и твоё отребье украли нашу победу на Фортисе. Ублюдки, вздумали поиграть в солдатиков, когда за дело взялись настоящие воины. И ты, и твои поганые Призраки должны были висеть кусками на колючке. Там вам самое место.

--- И вот в этом все дело? --- вздохнул Гаунт. --- Это ведь не главная причина, да, Брохусс? Нет, ну конечно, ты все еще бесишься по поводу Фортиса. Но с чего так злиться на то, что именно мы сыграли тогда главную партию? Это снова тот старый вопрос чести. Должок, который вы с Фленсом мне приписали и все еще хотите, чтобы я его оплатил. Дурачье. Нет ничего честного в том, чтобы убить меня в темном переулке. Мой труп тут

найдут разве что через месяц.

--- Думаю, ты не в том положении, чтобы возражать. Мы, янтийцы, забираем долг крови там, где сочтем возможным. Это место не хуже других.

--- То есть ты сам готов нарушить законы чести, чтобы отомстить за оскорбление? Если бы ты только понимал иронию происходящего. Но ты, видимо, думаешь задницей. Начнем с того, что никакого оскорбления вообще не было. Я просто нежно поправил то, что пошло не так. Ты же знаешь, кто и в чем на самом деле виновен. Я просто-напросто указал на трусость в действиях янтийцев.

--- Брам! --- шепотом позвал его Бленнер. --- Хреновый из тебя дипломат. Эти ребята хотят крови! Оскорбления тут никак не помогут.

--- Я работаю над этим, --- устехнулся в ответ комиссар.

--- Что-то не заметно... Я... --- Бленнер оттолкнул Гаунта и вышел на передний план. --- Майор, если вы хотите драки, дайте мне минутку, и вы будете удовлетворены. Всего минутку, хорошо? ---

Он многозначительно поднял руку и наклонился к Майло: -- Парень, как быстро ты сможешь разогнать эту колымагу?

-- Достаточно быстро, чтобы уйти, -- шепотом ответил Майло. -- И я знаю, куда ехать.

Бленнер снова повернулся к тяжелым машинам Патрициев и сверкнул улыбкой в свете прожекторов.

-- Посоветавшись с моими коллегами, майор Брохусс, я могу вам ответственно заявить: погуляй по всем чертям, долбаный ты сукин сын!

Не тратя времени даром, Бленнер затолкал Гаунта обратно в салон и нырнул следом. В мгновение ока Майло развернул машину и дал газу, не обращая внимания на бегущую к ним толпу разъяренных гвардейцев.

Еще через три секунды автомобиль Гаунта с нагсадным ревом мчался по оледенелым улицам. Сотрясая воздух отборной руганью, Брохусс и остальные Патриции забились в свои бронетранспортеры и бросились в погоню.

-- Как хорошо, что я поручил эти

переговоры тебе, — ухмыльнулся Гаунт, глядя на Бленнера. — Мне до твоей дипломатичности расти и расти.

Рядовой Браз от души поцеловал счастливые кости, встряхнул в кулаке и бросил. В его сторону немедленно двинулись горы фишек, и весь игральный зал захлебнулся восторженными криками.

— Давай, Браз! — растеялся Безумный Ларкин. — Покажи им еще разок, как это делается, старый пропойца.

Браз ухмыльнулся и снова подхватил игральные кости.

«Вот это жизнь!» — решил он. Фронтальные ужасы Фортис, стяжение и постоянное ожидание гибели остались далеко. Теперь Брага окружала дымка игорного заведения на заворках холодной зоны. Вокруг хорошие друзья, красотки в нужном количестве и целая ночь азартных игр.

За спиной неожиданно вырос Варл. Он хотел гружески похлопать Бразга по плечу, но удар оказался сильным и довольно болезненным. Варл все еще не привык к аугметической руке, которую ему пересадили на Фортис.

--- Угра позождет, Бразг. Есть работенка.

Бразг и Ларкин поцеловали на прощание своих покрашенных подруг, и Варл вывел гвардейцев через черный ход на грузовую аппарели. Там уже суетились Сам, Мелир, Мури́н, Каффран, Куралл, Колл, Бару, Маколл, Разлон --- двадцатка танитцев.

--- Чего творится-то? --- озадаченно спросил Бразг.

Мелир указал на побитый серый фургон. Корбек, Роун и Фейгор как раз выгружали ящики с выпивкой и куревом.

--- Полковник привез нам кое-что вкусненькое, храни Император его танитскую душу.

--- Здорово, --- облизнулся Бразг. Ему показалось, что Роун и Корбек вели себя как-то... нервно. Перехватив его взгляд,

полковник улыбнулся.

--- Тащите всех сюда! --- весело крикнул он. --- У нас сегодня праздник, парни! За Танит! И за нас!

Его слова мгновенно подхватила волна радостных криков и аплодисментов. Варл тем временем запрыгнул в кузов и ловко вскрыл один из ящиков посеребренным ножом. Он уже начал раздавать бутылки собравшимся гвардейцам, когда до него донесся крик.

--- Эй, глядите! --- Разлон указывал куда-то в темноту. --- Кто-то едет!

Из ночи на полной скорости вырвался тяжелый штабной автомобиль и резко затормозил возле грузовика Корбека. Распахнулась дверь, и перед гвардейцами предстал комиссар Таунт. Он немедленно окунулся в радостные приветствия, кто-то вручил ему бутылку. Комиссар без колебаний сорвал пробку, от души хлебнул и из горла и кивнул куда-то во тьму:

--- Парни, я хочу попросить вас об одолжении...

Майор Брохусс подался вперед,

пытаясь разглядеть добычу сквозь
мельтешение дворников по стеклу.

--- Все, попался. Вон там остановился,
давай за ним! --- Брокхусс размял пальцы в
предвкушении драки и взвесил в руках
дубинку.

Потом он разглядел толпу веселых
танцовцев возле бара. Сотня... две сотни.

--- Мать твою... --- только и смог
выговорить он.

К рассвету бар почти опустел. Убрали
Гаунт прикончил последний стакан и
бросил взгляд на Бленнера, мирно спящего
лицом на барной стойке. Комиссар достал
кристалл из внутреннего кармана и
подбросил его на ладони. Раз, другой.

Корбек появился без предупреждения.

--- Долгая ночь, да, комиссар?

Гаунт поймал кристалл и крепко
сжал в кулаке. Только тогда он поднял
взгляд.

--- Может статься, что самая долгая
в жизни, Колм. Слышал, вы там
повеселились.

--- Да, Роун, как всегда.

способствовал. Расскажу, тебе понравится история. Кстати, а сам не хочешь поделиться своей?

--- Давай я тебя лучше угощу, --- улыбнулся Гаунт, оглядев пустой бар. --- И я обязательно все тебе расскажу. Но не сейчас. Когда придет время. Ты верен своему долгу, Колм Корбек?

--- Я готов отдать жизнь во имя Императора, --- без промедления ответил полковник. Только на лице мелькнула почти детская обида.

--- Как и я. Нам выпала тяжелая дорога, Колм. Но пока я могу рассчитывать на тебя, я верю.

Корбек молча поднял бокал. Гаунт с готовностью поднес свой. Раздался тихий звон.

--- Первый и последний! --- провозгласил полковник.

На лице Гаунта мелькнула улыбка.

--- Первый и единственный.

Их особняк стоял на самой вершине Ника Резиды, и колоннады галерей поднимались над величественными водонадами. Небо разворачивалось необъятной золотой галью вплоть до самого заката, когда эта сверкающая бесконечность тонула в алом пламени. Каждый вечер двор наполняли своей неспешной кутерьмой светлячки, насытившиеся за день пылью. Убрат воображал, что это вовсе не жуки, а навигаторы в Эмпирее, прокладывающие путь среди таинственных ужасов варна.

Он часто играл на веранде, и она словно плыла над туманами. Где-то там серебристые ленты водонадов срывались в темноту восьми километров Северного Ущелья. Иногда с веранды можно было разглядеть имперские боевые корабли и патрульные катера, взлетающие или заходящие на посадку в огромном костопорту Ланатрийских Полей. Это было так далеко, что Убрату они

напоминали светлячков в темноте
вечернего неба.

Каждый раз он указывал на такой
корабль и объявлял, что на нем летит
папа.

И его нянька, и старый гувернер
Бентлай все время поправляли мальчика.
У них совсем не было воображения. А у
Бентлая не было даже рук. Раз за разом он
поднимал свою жужжащую аэромеханическую
конечность к небу и терпеливо разъяснял:
если бы отец Убрама вернулся домой, и
сообщили бы заранее.

Выдвигать, как Убрам, умел
только повар из кухонного крыла по имени
Орик. Он часто брал ребенка своими
сильными руками и поднимал высоко к
небу, чтобы тот мог разглядеть каждый
корабль и транспортный челнок. Когда-то
дядя Дерций подарил Убраму макет
имперского линкора, который он вырезал
из куска пластика. Повиснув на руках
Орика, Убрам размахивал игрушкой в
воздухе. Воображал, что его корабль
сражается с далекими огоньками.

На плече Орика была вытатуирована

полния, которая всегда восхищала
мальчика.

— Имперская Гвардия, — пояснял
повар. — Восемь лет в Третьем
Янтийском. Знак большого почета.

Больше он ничего об этом не
рассказывал. После того как он опускал
мальчика и возвращался к работе, Убрат
задал, почему из-под поварского фартука
слышно механическое жужжание. Прямо
как у гувернера, когда тот шевелит
руками.

В тот вечер дядя Дерций приехал без
предупреждения.

Орик как раз играл с Убратом на
веранде и даже вырезал ему из дерева
новый фрегат. Услышав голос Дерция,
Убрат что было духу потчался в
гостиную. Он метеором врезался в дядю и
крепко прижался к его ногам.

— Убрат! Убрат! Надо же, какой
силач! Так рад видеть дядю, да?

Одетый в красивую лиловую
униформу янтийских полков, дядя Дерций
казался великаном. Он улыбнулся
мальчику, но в глазах не было веселья. Тем

временем в комнату заглянул Орик и извинился.

--- Я вернусь на кухню, --- объявил он.

Тогда дядя Дерций сделал нечто странное: он подошел к Орику, и они дружески обнялись.

--- Рад тебя видеть, старина!

--- У я рад, сэр. Сколько воды утекло.

--- Ты привез мне изрубку, дядя? --- встрял Убрам, выбравшись из рук обеспокоенной няни.

--- Разве я тебя обману? --- улыбнулся Дерций, снял с левого мизинца перстень и потянул к себе Убрама. --- Смотри. Знаешь, что это?

--- Колечко!

--- Правильно! Но тут есть еще кое-что. --- Он слегка повернул рамку печати, разблудив короткий лучик лазера в центре. --- А это знаешь что?

Убрам потнул головой.

--- Это ключ. Офицерат вроде меня нужно открывать секретные посылки. Секретные приказы, закрытые кодами, понимаешь?

--- Да, папа рассказывал! Коды бывают

всякие разные, «уровень доступа» называется.

--- Точно. Бывают коды-слова: «Пантера», «Эскулис», «Криптокс». А еще есть старые коды-цвета: Бирюзовый, потом Багряный, потом еще много, и на самом верху --- Пурпурный, Обсидиан и Вермильон. Генералат --- таким, как я, --- дают специальные кольца, чтобы мы могли открывать эти коды.

--- А у папы тоже такое есть?

Минутное молчание.

--- Ну конечно.

--- А папа приедет готовой? Он с тобой приехал?

--- Послушай, Убрат, так вышло...

Мальчик тем временем разглядывал кольцо.

--- Можно мне оставить его, глядя Дерций? Это ведь мое?

Убрат оторвал взгляд от перстня и понял, что все как-то странно смотрят на него.

--- Я не украл! --- тут же заявил он.

--- Ну конечно, ты можешь оставить его. Оно теперь твое... --- Дерций присел на

корточки рядом с Убрамом и тяжело
посмотрел ему в глаза. -- Пожалуйста,
послушай меня, Убрам. Мне нужно кое-что
тебе рассказать... о твоём отце.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Эмпирей

1

Гаунт говорил с Ферейдом. Они сидели возле костра, разведенного в бочке. Вокруг — рваные тени разбитого особняка, затерянного в демилитаризованной зоне огромного города на Пашене 9-60. Ферейд был одет в костюм из красной шерсти, какой обычно носили пашенские фермеры. Он рассказывал о своей работе. Как всегда, намеками. Он любил гразнить своего грузга-комиссара всякими недомолвками о своих шпионских делах. Странная парочка — комиссар и разведчик Империи. Один — высокий, статный блондин, грузгой — низкий, темноволосый и неприметный. С тех пор как ветры войны свели их, они оставались верными грузьями, пусть и были непохожи во всем — от работы до происхождения.

Разведгруппа Ферейда работала под прикрытием среди ферм Пашена. Удалось раскрыть еретическую секту Хаоса, в сети которой попали офицеры флота. Получив информацию от Ферейда, командование Имперского флота сгоряча приняло решение нанести удар. Операция закончилась провалом. Открытое столкновение привело к войне, и на Пашен выслались силы Имперской Гвардии. По стечению обстоятельств один из рейдов гирканцев свел Гаунта со спасенным из плена Ферейдом. Совместными усилиями им удалось ликвидировать главу восстания барона Сулага.

Верность и предательство — разговор все больше уходил в это русло. Ферейд рассказывал о том, что только имперская тайная разведка способна контролировать все частные дела высших офицеров Империи. Гаунту было тяжело слушать его, потому что в неверном свете костра лицо агента вдруг казалось лицом Октара, Дерция или отца...

Услышав тяжелый вздох, Гаунт

понял, что просто спит. Попрощавшись с другом, он нехотя открыл глаза.

В тесной комнате с низким сводчатым потолком воздух был спертым. Световые пластины, которые Гаунт перед сном поставил на самую низкую мощность, давали мало света. Комиссар поднялся с койки и начал одеваться. Его вещи лежали на тех же местах, где он бросил их вчера: брюки, форменная рубашка, сапоги, короткий кожаный китель с высоким воротником, украшенным имперскими орлами. Кюбур пустовала — пассажираты имперских кораблей не позволялось носить огнестрельное оружие, и сканирующие поля следили за исполнением этого правила. Гаунт взял единственное оставшееся оружие — танитский кинжал.

Открывшийся люк выпустил его в темноту душной глинной палубы. Система вентиляции под законченной решеткой пола хоть немного разгоняла горячий воздух.

Небольшая прогулка не помешает.

Система освещения на борту перешла в «ночное» состояние, и палубные лампы

давали тусклый свет. Работа генераторов сопровождалась постоянным гулом и вызывала дрожь в каждой металлической поверхности, в самом воздухе.

Около пятнадцати минут Гаунт скитался по безмолвным коридорам в полном одиночестве. Вскоре он набрел на перекресток, откуда спиралью поднимался основной лифт. Пробежав пальцами по руническим символам приборной доски, коммиссар набрал личный код. Механизмы откликнулись электронным скрежетом, и искаженные звуки хора возвестили об отправлении лифта. На темной панели последовательно мигнули двадцать рельефных символов.

Новый возглас искусственного хора. Двери скользнули в стороны.

Гаунт оказался на смотровой платформе. Купол из сверхпрочного стекла радиусом в несколько сотен шагов был самым спокойным и уединенным местом на всем корабле. Вокруг разворачивалась великолепная и одновременно ужасающая панорама, отгороженная от корабля мощным

психосиловым полетом. Тьма с прожилками
ярких молний, переплетающиеся кольца и
паутина цветов, которыми Гаунт не мог
подобрать названия. Ленты, сплетенные из
яркого света и крошечной тьмы,
проносящиеся мимо со скоростью мысли.

Эмпирей. Варп-пространство. Другое
измерение реальности, сквозь которое и
двигался корабль массовой грузоперевозки
«Авессалом».

Впервые Гаунт смог разглядеть
«Авессалом» в иллюминаторы грузового
мачинока, который и доставил его на борт.
Корабль заставил его испытать истинное
благоговение, ведь это был настоящий
ветеран Флота, Агентус Механикус.
Техножрецы Марса направили немало сил
на помощь освобождению Фортис. Теперь,
когда работа была закончена, они
предоставили один из своих могучих
транспортных кораблей Имперской
Гвардии в знак благодарности. Гаунт
прекрасно понимал, что находиться на
борту «Авессалома» — большая честь.
Подумать только — лететь на борту
таинственного корабля культа Бога-

Машины, каждый сантиметр которого пропитан древними секретами.

Из челнока он успел разглядеть все шестнадцать километров элегантных резных башен серого камня и стали. Возле огромной пасти грузового шлюза без усталости сновали огоньки транспортов. Зубчатые башни корабля были усеяны барельефами и статуями горгулий, из пастей которых смотрели грозные орудия защитных турелей. Тысячи стрельчатых окон светились призрачным зеленоватым светом. Пузатое буксирное судно, законченное выхлопными множествами таневровых двигателей, неспешно плыло перед «Авессаломом».

Прошлый корабль Гаунта, «Наварра», был теперь прикомандирован к патрульной группе где-то в Нубилийском Проливе, и комиссар избрал своим транспортом «Авессалом». Конечно, ему не хватало обтекаемого, хищного силуэта «Наварры», ее экипажа. И особенно — офицера Креффа, который, как мог, старался обустроить быт комиссара и его солдат, не отличающихся дисциплиной.

«Авессалом» же был настоящим чудовищем. Его бездонное брюхо с легкостью вмещало девять пехотных полков, включая Танитский, четыре дивизии Янтийских Патрициев и не меньше трех танковых батальонов со всеми танками и бронетранспортерами. Тяжелые транспортные челноки перевозили всю эту технику на борт из ангаров на поверхности Пирита.

Через шесть дней они будут на следующей линии фронта в мирах Саббаты — в скоплении, известном как Меназоидская Крепь. Гаунт надеялся, что командование отправит его Призраков на Меназоид Сигма, столичный мир, где крупные силы Хаоса еще удерживали наступающие ударные группы Империи.

А еще был Меназоид Эпсилон, мрачный мир смерти на окраине Крепи. Гаунт знал, что в штабе Макаромта уже приступили к оценке значения этой планеты в генеральном плане. Он понимал, что некоторые полки неизбежно отправят туда.

Никто не хотел попасть на Эпсилон.

Никто не хотел утирать.

Гаунт взгляделся в беснующуюся, слепящую тьму Эмпирея и беззвучно произнес короткую молитву Всеблаготу Императору: «Избави нас от Эпсилона».

В голове темным облаком всплывали куда более мрачные мысли — о проклятом своей бесценностью кристалле, оставшемся ему на Пирите. Его тайна, само его существование пылали где-то на дне сознания незаживающей раной. Никаких новых инструкций от Ферейда не было. Никаких знаков, ни слова о том, что должен был теперь делать Гаунт. Быть может, его выбрали новым курьером? Тогда — надолго ли? Как он узнает, кому доверить это кровавое сокровище, когда настанет время его передать? Или от него ждут чего-то иного. Может быть, до него просто не дошла самая важная инструкция? Отбросив на лиз старую дружбу, он в сердцах обругал Ферейда. Такая обуза при его обязанностях комиссара вряд ли была нужна Гаунту.

Он твердо решил хранить кристалл, пока Ферейд не скажет, что с ним делать.

Но все же ему казалось, что он упускает нечто важное. И это беспокоило его.

Комиссар тяжело оперся о рифленый поручень, по краю огибающий платформу под куполом. Темная, непознанная и страшная громада варна извивалась перед глазами. Потоки бесформенной плазмы щупальцами молочно-белого тумана касались стекла. Смотровая платформа была одной из трех варна-обсерваторий на «Авессаломе», где навигаторы и служащие Астрографического департамента могли визуально наблюдать пространство вокруг корабля. В центре платформы возвышалось целое нагромождение сенсороскопов, аурографов и спектрометров, приводимое в движение сложной системой шестерней и механизмов, блестящих свежей слазкой. Весь этот арсенал приборов постоянно вращался, остривал вихрь энергии вокруг, записывал, вычислял, оценивал и обрабатывал информацию. Все эти данные отправлялись в путь по грожащим проводам и накопительным кристаллам

на вершину самого высокого командного
шпиля «Авессалома», прятником на
центральный мостик.

Вход в обсерватории был открыт для
всех, но тем, кто путешествует меж звезд
впервые, рекомендовалось воздержаться от
их посещения. Если щит вокруг купола
вдруг откажет, один взгляд на варп мог
навсегда свести с ума даже самого
опытного астрографа. Или с ним могло
произойти нечто худшее. Электронный хор
лифта должен был известить Гаунта о
подобных неполадках. Но он уже
насмотрелся на Эмпирей за сотни варп-
скачков и больше не боялся его. Наверное,
поэтому дикие, хаотические импульсы
Уматериума успокаивали комиссара.
Будто эта чужовищная круговерть
заставляла его собственные мысли
собраться. Здесь можно было побыть
наедине с собой.

По краю платформы бежал
металлический свиток, на котором были
выбиты имена полевых командиров, лорд-
генералов и высших адмиралов. Под
каждым именем — мелкая вязь,

описывающая места их славных побед. Некоторые имена Гаунт знал из школьных текстов, выученных еще на Угнации. Другие, истершиеся за века, были ему неизвестны. Их владельцы покинули этот мир десять тысяч лет назад. Он прошел половину круга, пока не наткнулся на имя того, кого знал лично. Военмейстер Слайго. Великий предшественник Макаромта, сложивший голову на пике великой победы на Бальгауте, на десятый год своего крестового похода в мир Саббаты.

Привлеченный звуком, Гаунт оторвался от текста. Двери основной транспортной шахты раскрылись, снова послышался электронный хор, предупреждающий о прибытии лифта. На полубу поднялся матрос с ящичком инструментов в руках. Озадаченно посмотрев на одинокую фигуру возле перил, он скрылся за стеной шахты. Проводив его взглядом, Гаунт безучастно отвернулся. Простая проверка оборудования.

Комиссар вернулся к чтению. В

памяти ожило плоть Бальгаута, пожиравшее ту ночь и войска Хаоса вместе с ней. Сам он вместе с уже родными ему гирканцами был в самом центре. Они прорывались сквозь озера грязи и полную серы атмосферу, едва видя дальше двух шагов в тяжелых противогазах. Эта победа прославила Слайдо — вполне заслуженно. Но она была ценой его, Гаунта, потом и кровью. У военлейстер вознаградил его за это уже на смертном одре. Это был час его триумфа.

Даже теперь он помнил лязг механизмов вражеских боевых машин. Помнил, как они шагали на глиняных гидравлических ногах, изрыгая в сторону его солдат гибельные алые лучи, наполняя воздух потоками сияющей смерти. Тело все еще помнило чудовищную усталость и напряжение, отдающие дрожью в позвоночнике. Даже сейчас.

Сверхчеловеческим усилием воли он повел своих лучших солдат на штурм Врат Олигархии, опередив даже славные войска Агентус Астартес. Клинком лазерного огня и разрывов гранат они вошли в самое

сердце вражеских укреплений.

Как наяву, Гаунт видел знаменитый «счастливый выстрел» Танхаузе, о котором все еще ходят легенды в гирканских казармах: единственный лазерный выстрел, пробивший оптическую линзу богомерзкого гредноута Хаоса и взорвавший основной генератор вместе с механическим чудовищем. Он видел, как Вейтч расправляется с шестью еретиками врыкопашную. В его лазгане кончился заряд, и ему оставалось надеяться только на штык. Он видел, как падает под гирканским огнем полыхающая Башня Плутokratов.

Он видел, как из грязи и пламени смотрят на него в ответ бессчетные лица погибших.

Комиссар открыл глаза, и видение рассеялось. Все тот же непознанный Ултатериум бился и извивался за стеклом.

Гаунт уже собирался возвращаться в свою каюту, когда почувствовал нож у горла.

Будто никого и нет за спиной. Ни тени, ни звука, ни запаха. Нет даже дыхания и тепла. словно леденящая острая грань у горла появилась сама собой. Гаунт осознал, что находится во власти настоящего убийцы. Но эта же мысль придала ему уверенности. Если бы его хотели просто убить, он уже не дышал бы. Значит, живым он нужнее. И он прекрасно понимал зачем.

— Что тебе нужно? — спокойно спросил комиссар.

— Давай без шуток, — ответил низкий, ровный голос, почти шепот. Давление холодного лезвия едва ощутимо усилилось. — Тебя принято считать разумным человеком. Давай бросим эти отговорки.

Гаунт осторожно кивнул. Если он хочет прожить хоть на минуту дольше, нужно сыграть безукоризненно.

— Этим проблему не решишь, Брохусс.

Пауза.

--- Что?

--- Так кто здесь шутки шутит? Я же знаю, к чему все это. Я сожалею, что ты со своими парнями ударил лицом в грязь на Колчеданах. Ну, наверное, потерял пару зубов в процессе. Но так делу не поможешь.

--- Не строй из себя дурака! Ты не понимаешь! Дело не в какой-то мелкой возне с честью полка!

--- Я не понимаю?

--- Подумай еще разок, глупец! Задумайся, почему все это происходит! Я хочу, чтобы ты знал, за что умираешь!

Клинок чуть шелохнулся. Давление не уменьшилось, но на какой-то миг угол атаки изменился. Гаунт понял, что его слова смутили противника. Этого было достаточно.

Его единственный шанс. Гаунт нанес удар правым локтем туда, где должен был стоять убийца. При этом он скользнул в сторону, левой рукой отстраняя нож. Лезвие рвануло только манжет его кителя. Противник ушел от удара, но поневоле отпустил Гаунта.

Комиссар едва успел развернуться, когда получил мощный ответный удар в челюсть. Оба не удержали равновесия, но попытались смягчить падение. Клинок вновь зацепил китель Гаунта, распоров левый рукав. Но комиссару удалось перенести свой вес вперед, вложить его в удар и откинуть убийцу. Пользуясь моментом, Гаунт поднялся на ноги и выхватил танитский нож.

Теперь он смог разглядеть противника. Обычный матрос средних лет, невысокий, худощавый. И все же с ним творилось что-то странное. Его лицо застыло маской злобы, но широко открытые глаза будто бы... молили о пощаде? Матрос одним прыжком оказался на ногах и принял низкую боевую стойку. Нож в правой руке нацелен прямо на Гаунта.

Откуда обычному матросу знать такие приемы? Гаунт терялся в догадках. Отточенные бесшумные движения, идеальный баланс, целеустремленность --- все признаки указывают на профессионального убийцу, способного легко

и беззвучно устранить любую цель. Но, приглядевшись, Гаунт увидел перед собой простого флотского инженера, затянувшего ремень старой формы на полнеющем животе. Неужели маскировка? Все знаки различия, нашивки и печать с личными данными выглядели настоящими.

Листообразный клинок его ножа был короче прорезиненной рукояти. В нем было несколько отверстий по всей длине: так нож весил гораздо меньше, оставаясь прочным. Более того, оружие было не металлическим. Матово-синий керамический клинок оставался невидимым для сканирующих полей корабля.

Гаунт поймал немигающий взгляд противника, ища хоть какой-то намек на контакт. И увидел в нем ужас и отчаяние, как будто кто-то был заперт в телеубийцы.

Медленно они кружили друг против друга. Гаунт пригнулся на гирканский манер. Нож он держал свободно в правой руке, клинком к себе. В свое время его заинтересовал странный стиль ножевого

боя танитцев, и во время долгих перелетов на «Наварре» Корбек обучил его этой технике. С ее помощью можно было использовать все преимущества веса и длины танитского клинка. Левую руку комиссар вытянул вперед для блока, но, в отличие от гирканцев и своего противника, сжал лагерь в кулак. «Чтобы остановить нож, лучше пожертвовать рукой, а не горлом», — учил его когда-то Танхаузе. «И лучше, если клинок сдерет кожу с костяшек, чем порвет тебе запястье», — позже заметил Корбек.

— Хочешь прикончить меня? — бросил Гаунт.

— Это второстепенная задача. Где кристалл?

Гаунт заметил, что движения губ татроса не совпадают с произнесенными словами. Он говорил не своим голосом. Комиссар уже видел такие вещи много лет назад. Будто одержимость. Гаунта охватила ледяная волна страха. Не перед смертью — перед колдовством и псайкерами.

— Я — комиссар-полковник, меня очень

быстро хватаются, — с трудом выдавил он.

— Здесь нет никого настолько важного, что без него нельзя будет обойтись. — Убийца пожал плечами и трачно кивнул в сторону бьющего за стеклом варна. — Даже военлейстеру можно найти замену в случае чего.

Они описали уже три круга.

— Где кристалл? — начал снова матрос.

— Какой еще кристалл?

— Тот, который ты получил в Крации, — прохрипел чужим голосом убийца. — Отдай его мне сейчас, и мы забудем все, что здесь произошло.

— На кого ты работаешь?

— Ничто во Вселенной не заставит меня выдать это.

— Нет у меня никакого кристалла. Я вообще не понимаю, что ты несешь.

— Ложь.

— Даже если так, неужели я был бы так глуп, чтобы таскать его с собой?

— Я дважды обыскал твою каюту. Там ничего нет. Значит, держишь его при себе. Ты проглотил его? В таком случае

не придется вынотрошить тебя.

Гаунт уже собирался ответить, когда матрос подался вперед в толпиеносном выпадe, едва не ранив комиссара в плечо. Стремительно отдернув руку, убийца одним прикосновением к рукояти заставил керамитовое лезвие исчезнуть в ней и появиться с другой стороны. Клинок жагрово впился в левую руку комиссара. Палуба окрасилась первой кровью.

Выругавшись, Гаунт отскочил в сторону, но убийца продолжал наступать. Он выбросил вперед руку с ножом, пневматическое лезвие которого вновь скользнуло вперед. На этот раз комиссар кое-как отклонил его собственным кинжалом. Левое колено противника оказалось открыто, и комиссар нанес по нему резкий удар тяжелым сапогом.

Матрос отшатнулся, но отступить не собирался. Это не тренировка с ее бесконечным кружением и редкими атаками. За каждым финтом и блоком следовал новый выпад. Лезвие ныряло в рукоять, сбивая Гаунта с толку.

Восходящий вертикальный взмах мгновенно обращался в смертельное падение.

Сколько раз Гаунт смог уклониться от смертельного удара? Восемь, девять, десять? Или уже десять? Пока он держался только за счет скорости и непривычной убийце танитской техники боя.

Еще одна атака. На этот раз Гаунт выбросил вперед левую руку, натеренно подставляя ее под нож. Острая боль обожгла костяшки пальцев, но комиссару удалось проскользнуть под клинком и перехватить правую руку противника. Гаунт навалился на него всем телом. Убийца левой рукой вцепился ему в горло бульдожьей хваткой. Комиссар начал задыхаться, взгляд подернулся поволокой. Мышцы шеи едва сопротивлялись мощному напору. Гаунт что было сил толкнул противника, вжимая его в перила платформы. Керамитовый клинок снова изменил направление и взрызся в запястье комиссара. В ответ танитский нож пронзил левую руку матроса.

Отпрянув друг от друга, они

разорвали густанцию, на палубу стекала кровь. Гаунт задыхался от боли, в то время как противник хранил безмолвие, словно вовсе не мог испытывать страданий.

Матрос снова бросился вперед, и Гаунт попытался перехватить его удар низким блоком. Но в последний момент убийца перебросил нож в левую руку, попутно переключив лезвие. Восходящий удар справа превратился в нисходящий слева. Клинок вошел в правое плечо. Только дубленая кожа кителя остановила его движение. Раскаленное копье боли пронзило правое легкое Гаунта, срывая дыхание.

Нож легко выскользнул из раны, сопровождаемый алыми брызгами. Теплая струя змеилась по руке. Рукоять танитского ножа стала скользкой. Неважно, кто победит в схватке: если не остановить кровотечение, Гаунту уже ничто не поможет.

Тем временем убийца вновь обманул защитника комиссара, играя ножом, как заправский жонглер. Лезвие прыгало из

правой руки в левую и обратно. Матрос попытался нанести режущий удар в живот и скользнул ближе. Гаунт поднял нож для защиты, и кончик лезвия угодил в одно из отверстий керамитового клинка.

Воспользовавшись этим, комиссар развернул оружие и рванул на себя. Керамитовый нож отлетел в сторону и исчез в холодном полутраке статоровой платформы. Обезоруженный убийца замешкался всего на миг. Неголго думая, Гаунт всадил посеребренный кинжал в его грудь. Хрустнули ломающиеся кости.

Матрос судорожно качнулся, бесполезно хватая ртом воздух. Из-под лезвия танитского ножа потекла тонкая струйка крови. Затем алая жидкость хлынула изо рта. Убийца рухнул на полубрюх — сначала на колени, потом лицом вниз. Его тело, нанизанное на глинный нож, так и не коснулось пола.

Хрипло вбирая воздух, Гаунт привалился к перилам. В крови кипел адреналин, тело дрожало от дикой боли. Окровавленной ладонью он стер липкий пот с посиневшего лица и бросил взгляд на

матроса, лежащего в растекающейся
багровой луже.

Комиссар осел на пол. Его трясло от
слабости. Из горла вырвался странный
звук, похожий на стех и всхлип
одновременно. Гаунт мысленно поклялся
при первой же встрече купить Корбек
самую большую...

Матрос начал подниматься.

Убийца вставал в том порядке, в
каком и падал. Сначала — на колени,
всколыхнув кровавую лужу. Затем
выпрямил спину. Бессильные руки плетями
болтались вдоль тела. Медленно он
повернулся к похолодевшему Гаунту. Его
лицо больше ничего не выражало, глаза
пустели, да их и вовсе не было. Череп
матроса наполнился зеленоватым
колдовским пламенем, и оно ярилось в
пустых глазницах. Мертвец разинул рот,
из которого вырвался еще один язык
пламени, мгновенно превращая зубы в
черные угли. Резким движением убийца
вырвал танитский нож из груди. Из раны
вместо крови полился луч слепящего
зеленого света.

Псайкер все еще играл со своей тарионеткой. Гаунт обреченно вздохнул. Подчиненный колдовской волей человек был уже мертв, и теперь богомерзкая магия пробудила его труп.

Эта тварь сможет продержаться в бою сколько угодно.

Она убьет Гаунта.

Комиссар пытался совладать с чувствами. Он приказывал себе подняться, бежать. Но сознание ускользало. Матрос медленно ковылял к нему, словно зомби из древних легенд о живых мертвецах. Мертвое лицо освещали сияющие ведьминским огнем глазницы. Скрыченные пальцы сжимали убивший его кинжал.

Мертвец занес руку для удара.

Два лазерных выстрела швырнули его в сторону. Следующая пара лучей разворотила грудную клетку убийцы. Вспышка псионической энергии озарила

трүн. Последний выстрел, будто кувалда, разтозил голову мертвеца, свалив его окончательно.

Колм Корбек опустил лазерный пистолет и уверенно пересек смотровую платформу. Зеленое пламя, оживившее тело матроса, теперь стремительно пожирало его. Полковнику оставалось смотреть на горстку тлеющих останков.

Где-то вдалеке надрывно взывала сирена -- сработала система обнаружения оружия.

Вцепившись в перила, Гаунт попытался встать. Корбек немедленно бросился на помощь.

-- Осторожнее, комиссар...

Гаунт отмахнулся от него. Ударило, заметил, что из раны все еще хлещет кровь.

-- Как ты... вовремя... -- прохрипел комиссар.

Корбек молча указал пальцем куда-то за спину. Там, возле дверей лифта, стоял покрасневший от волнения Майло.

-- Парню приснился какой-то кошмар. -- Игнорируя жесты комиссара,

Корбек взял его под руку. — Не нашел тебя в каюте, ну и прибежал ко мне.

— Нужно обработать раны, — встрял Майло.

— Оттащим его в лазарет.

— Нет! — запротестовал Майло, и Таунт сквозь боль улыбнулся силе в голосе юного агьюманта, остелившегося спорить с командиром роты. — Лучше в наши казармы. К нашим врачам. Не думаю, что комиссар хочет привлечь к этому внимание.

Корбек изумленно уставился на него. Но Таунт кивнул в знак поддержки. Он лучше других знал, что в таких делах лучше доверять чутью Майло. Парень никогда не лез в личные дела комиссара, но понимал его словно на уровне подсознания. Таунт ничего не мог утаить от него, но доверял ему и его дару предвидения.

— Брин прав, здесь все сложнее... — Таунт посмотрел Корбеку в глаза. — Потом все объясню. Командование корабля не должно знать об этом, пока мы сами не разберемся, кому здесь можно доверять.

Сирена тревоги продолжала надрывно

быть.

--- Хорошо бы нам убраться отсюда, а
то... --- начал было Корбек.

В сопровождении электронного хора
зашипели открывающиеся двери лифта.
На палубу ворвались шестеро матросов в
чешуйчатых доспехах и глухих шлемах.
Упав на одно колено, каждый солдат взял
на прицел нарушителей. На гвардейцев
установились короткие стволы дробовиков.
Гардемарины о чем-то отрывисто
переговаривались по внутренней связи. За
их спинами вырос флотский офицер. В
отличие от солдат, он не носил доспехов,
только изумрудно-зеленый китель с
серебряным кантом флота сегмента
Пацификус. Высокого роста, он был
довольно полный, с неестественно бледной
кожей. Профессиональный торяк, решил
Корбек. Его ноги не знали твердой земли
уже много лет.

Офицер беззлively разглядывал
троицу: нечесаный проходилец с
запрещенным лазерным пистолетом,
повисший на нем оборванец, истекающий
кровью, и подросток с диким взглядом.

Скривившись, офицер положил что-то в собственный передатчик, нажал одну из кнопок на своем координационном жезле и взмахнул им над головой. Повинуясь его жесту, сирена умолкла.

— Я — тичтан Лекүланци. По приказу лорда-капитана Грастика я несу ответственность за поддержание порядка на этом корабле. Нечасто мне приходится видеть запрещенное оружие. Но с гвардейским отребьем на борту я всегда готов к подобным выходкам. И более всего меня удручает то, что кто-то осмелился из этого оружия выстрелить.

— Погодите, я понимаю, как это выглядит, но... — Корбек попытался дружелюбно улыбнуться и сделал шаг вперед. Все шесть стволов мгновенно повернулись к нему.

Стандартным оружием флотских матросов были укороченные дробовики, разработанные специально для абордажных боев. В отличие от болтера или лазгана выстрел из дробовика не мог повредить обшивку самого корабля, но заряд проволочных колючек и битого стекла в

узком помещении легко превращал человека в кровавую кашу.

--- Никаких резких движений, и не тратьте время на оправдания, --- предупредил Лекланси. --- В свое время вы ответите на все вопросы согласно стандартной процедуре допроса. Вы были поставлены в известность, что использование запрещенного оружия на борту судна Агентус Механикус является тяжким проступком, караемым трибуналом. Немедленно сдайте оружие.

Корбек осторожно передал пистолет одному из матросов.

--- Что за чушь, --- проворчал Гаунт, и угробовики развернулись на его голос. --- Вы хоть знаете, с кем говорите, Лекланси?

Мичман сощурил заплывшие жиром глаза. Где-то в их глубине блеснула ненависть. Его явно задело то, что к нему обратились не по званию.

Собрав волю в кулак, Гаунт освободился от рук Корбека и выпрямился.

--- Я --- комиссар-полковник Убрант Гаунт.

Мичман Лекланси замер. Без

фүражки, кожаного пальто и знаков различия, он принял Гаунта за какого-то простолюдина, но случайности получившего офицерское звание в Гвардии.

--- Подойдите ближе, --- приказал ему комиссар.

Лекүланци неуверенно двинулся к Гаунту, попутно шепча что-то в передатчик. Гардемарины немедленно встали, убрали оружие и вытянулись по стойке «смирно».

--- Так-то лучше... --- расплылся в улыбке Корбек.

Гаунт оперся о плечо офицера и почувствовал, как тот дрожит от ярости. Комиссар указал под ноги, на бурые комья чего-то обгорелого в масляной луже зеленоватой слизи.

--- Знаете, что это такое?

Мичман потнул головой.

--- Это останки убийцы, подстерегавшего меня здесь. Выстрел из запрещенного оружия произвел старший офицер моего полка, спасший мою жизнь. Но я лично наложу на него взыскание за нарушение четкого приказа о запрете

огнестрельного оружия на борту.

Но бледному лбу личмана пробежала капелька пота. Гаунт заметил его растерянность и довольно ухмыльнулся.

— Это был один из ваших людей, Лекүланци. Простой матрос. Но им управляла некая темная сила. Вы ведь не любите запрещенное оружие, так? А что вы скажете по поводу незарегистрированных псайкеров на борту?

За спиной матросы зашептали толкитвы, некоторые осенили себя защитными знаками.

— Но кто... — запинаясь, спросил Лекүланци, — кто может желать вашей смерти, сэр?

— Я солдат, сделавший весьма успешную карьеру, — холодно улыбнулся Гаунт. — У меня каждый день прибавляется по врагу.

Комиссармахнул в сторону останков.

— Пусть эту дрянь изучат, а потом сожгут дотла. Лично удостоверьтесь, чтобы никакая скверна больше не коснулась этого священного сүдна, личман. Обо всех новостях сообщайте мне незамедлительно.

какими бы незначительными они вам ни казались. Как только буду в состоянии, я лично доложу обо всем лорду-капитану Трастику и представлю подробный отчет.

Лекүланци в растерянности молчал.

Корбек помог Гаунту добраться до лифта. Перед тем как закрылись двери, мичман встретился взглядом с танитским агьютантом и поежился.

— У него глаза — что у змеи, — шепнул Майло Гаунту уже в лифте. — Не стоит ему доверять.

Комиссар только кивнул в ответ. Несколько минут назад он готов был принять роль курьера и безвольного хранителя кристалла Ферейда. Теперь он думал по-другому. Гаунт не собирался больше сидеть и безучастно смотреть. Он будет действовать. Он выучит правила этой игры и найдет способ выиграть. А значит, ему придется узнать, что содержится в кристалле.

— Все, что я могу сделать в таких условиях, — проворчал старший военврач полка Дорден и недовольно махнул рукой на полковой лазарет.

Под медицинские нужды Призракам выделили три узких боковых отсека под палубой, где располагались временные казармы Первого Танинского. Кое-как покрашенные блекло-зеленой краской стены, выложенный красной плиткой пол. Железные полки отсеков были уставлены рядами пузатых бутылей, закупоренных стеклянными пробками. Их бока украшали пожелтевшие бумажные этикетки. Все они были заполнены какими-то вязкими жидкостями, противοинфекционными мазями, сухими порошками, препаратами и органическими заплатками в студенистом стерильном растворе. Металлические инструменты в пластиковых мешках и выдвинутых ящиках ловили редкие лучи тусклого света. Под сиденьями вдоль стены стояли ящики, набитые использованными бинтами и постельным бельем. В углу, на медной каталке, покоился автоклав с чем-то

тутным. Еще было два прибора
ресусцитрекса^[2] с железными
электрошоковыми панелями, столик с
аптекарскими весами, диагностическим
щупом и аппаратом очистки крови. Нахле
сыростью и плесенью, темные пятна
покрывали пол.

— Сами видите, у нас тут не
изобилие, — раздосадованно добавил
Дорген.

Бинты для комиссара он достал из
собственной полевой аптечки, лежавшей на
ближайшей скамье. Материалам
местного лазарета он не доверял — один
их вид заставлял усомниться в их
свежести и стерильности.

Обнаженный по пояс, Гаунт сидел на
каталке, зафиксированной у стены
креплениями на полу. Когда комиссар
пытался шевельнуться на грязном,
стерпящем матрасе, все медные крепления
каталки начинали жалобно скрипеть.

Дорген обмазал руку комиссара синим
стерилизующим гелем, больно жгущим
кожу. Затем скрепил края раны в плече

бакелитовыми скобами, похожими на челюсти насекомых, и перевязал раны свежими бинтами. Гаунт попытался шевельнуть рукой.

--- Не надо, --- предупредил его врач. --- Я бы заклеил искусственной кожей, если бы она здесь была. К тому же ране нужно дышать. Если хотите знать мое мнение, лучше вам отлежаться в госпитале.

--- Спасибо, все в порядке, --- произнес Гаунт, но на предложение врача отрицательно качнул головой.

Дорген только улыбнулся. Он не собирался давить на комиссара. Корбек тихонько попросил его не распространяться о произошедшем.

Старший военврач --- невысокого роста, с седой бородкой и теплым взглядом. Он был старше всех в полку, работал врачом и на Танит, и его услуги пользовались спросом в поселениях Белдейна и в лесной глуши графства Прайз. Во время Основания его призвали в Гвардию для выполнения отчетности Административного медицинского персонала. Его жена умерла за год до

Основания, а сын оказался в девятом взводе
Первого Танитского. Его дочь вместе с
мужем и единственным сыном погибла
вместе с Танит. На руинах своей родины
он не оставил ничего, кроме долгих лет
работы. Теперь для него остался только
долг перед последними жителями своего
мертвого мира. Убеждения не позволяли
ему пользоваться оружием. Среди
Призраков Дорген был единственным, на
кого Гаунт не мог рассчитывать в бою.
Комиссара это не волновало, ведь шесть
или семь десятков его гвардейцев были бы
сейчас мертвы без Доргена.

--- Я проверил на предмет заражения.
Можно сказать, вы легко отделались, сэр.
Нож был чист. Пожалуй, чище, чем мой! ---
Дорген растеялся, и Гаунт невольно
заулыбался. --- Весьма необычно... ---
посерьезнел он и затолчал.

--- Почему необычно? --- вскинул бровь
Гаунт.

--- Я так понимаю, что
профессиональные убийцы обычно
стазывают клинки ядом, в качестве
подстраховки, --- пояснил военврач.

— Не помню, когда я сказал, что это был убийца.

— Тут и говорить нечего. Конечно, я не солдат. Фес, я могу быть распоследним старым дурнем, но я не вчера родился.

— Не беспокойся об этом, Дорген. — Гаунт продолжал шевелить рукой, забыв о запрете врача. Мышцы откликались острой пульсирующей болью. — Твое обычное волшебство уже сработало. Остайся в стороне, не вмешивайся в эту историю.

Дорген тем временем мыл хирургические иглы и зажимы в мутном антисептическом масле.

— В стороне? От чего? Ты что-то разужнал, Убрат Гаунт?

Комиссар ошарашенно моргнул. Словно удар по лицу. Никто не разговаривал с ним в таком властном, отеческом тоне с тех пор, как он в последний раз говорил с гядей Дерцием. Или нет... Не в последний раз...

— Простите, комиссар. — Дорген отвернулся и начал рассеянно протирать инструменты белым полотенцем. — Я... я

что-то заговариваюсь...

--- Говори, что думаешь, друг.

--- Они, --- Дорден указал пальцем вверх, на палубу, --- это все, что у меня осталось. Жалкие остатки народа Танит. Последняя ниточка, привязывающая меня к прошлому, к моему родному зеленому миру, который я любил всем сердцем. И я буду зашивать их раны, бинтовать, собирать их по кусочкам, пока не погибнет последний танитец или пока смерть не приберет меня самого. Пока не погаснут все горизонты этой Вселенной. Вы, комиссар, --- не один из них. Но я знаю, что многие считают вас за своего. Что до меня, то я не знаю, что тут сказать. Наверное, в вас еще слишком много от хулана, на мой вкус.

--- Кого? Кулуна?

--- Хулана. Простите, сбиваюсь на родной язык. Уноземец. Непонятный. Это не переведешь одним словом.

--- Ну да я понимаю.

--- Это не оскорбление. Вы родились не на Танит. Но для нас вы уже стали родным. Потому что вам не безразлично.

Гаунт. Вам не безразличны ваши Призраки. Я верю, что вы отдаёте все силы, чтобы мы жили, чтобы мы обрели славу и, возможно, мир. Каждую ночь, отходя ко сну, я верю в это. Каждый раз, когда мы под огнём, когда сбивают один из наших челноков, когда ребята идут в штыковую. Вот что важно.

Гаунт пожал плечами — и тут же пожалел об этом.

— Серьёзно?

— Знаете, я говорил с врачами других полков. В госпиталях на Фортис, к примеру. Они много чего рассказывают. Например, что комиссарам их полков наплевать на своих солдат. Они видят в гвардейцах пушечное мясо. Мы для вас — тоже куски мяса?

— Нет.

— Нет, конечно нет. Я не сомневался. Вот поэтому вы — редкий человек. Тому, кому бездомные Призраки могут довериться. Фес, может, вы и не родились на Таним, но, если вам грозит смерть, я беспокоюсь о вас. Во имя Призраков, я беспокоюсь, Гаунт.

Долгое молчание.

--- Тогда я буду держать вас в курсе, ---
наконец произнес комиссар, шара рукой в
поисках рубашки.

--- Спасибо. Знаете, Убрат Гаунт, для
хулана вы очень хороший человек. Вы как
анрот для нас.

--- Как вы сказали?

--- Анрот, --- резко обернулся Дорген,
осознавая ошибку. --- Я сказал, анрот. Это
тоже не оскорбление.

--- Что это значит?

--- Анрот... --- Дорген затялся,
чувствуя пристальный взгляд комиссара. ---
Ну... это домашний дух. Это из детской
сказки, которую часто рассказывали на
ночь детям. Анроты --- это добрые духи из
других миров, прекрасных миров света и
порядка, которые прилетают на Танит
оберегать наши семьи. Ерунга, просто
ностальгия. Сказки лесников.

--- Почему это вам так интересно,
комиссар? --- втешался новый голос.

Гаунт и Дорген разом обернулись. На
скамейки возле двери сидел Брин Майло.
У, судя по его лицу, внимательно слушал.

--- И давно ты подслушиваешь? ---
неожиданно резко спросил Гаунт, сам
удивившийся своему гневу.

--- Пару минут, не больше. Анроты ---
часть танитской мифологии. Как
дрүдфеллагы, хранители деревьев, или
нерсии, покровительницы рек и ручьев.
Почему они так настораживают вас?

--- Где-то я уже слышал это слово. Не
припомню только где. --- Гаунт поднялся с
каталки. --- Кто мог знать его? Впрочем,
какая разница...

Гаунт уже собрался одеваться, но
понял, что в его руках не рубашка, а скорее
кусок рваной, окровавленной ткани.

--- Майло, --- жестко бросил он, --- будь
добр, принеси мне новую рубашку.

Агьютант покорно встал, вынул из
вещешка свежую рубашку и протянул
комиссару. Дорден весело хмыкнул. Гаунт
опешил всего на миг. Собравшись, он
поблагодарил Майло и оделся.

И Майло, и военврач успели
разглядеть мощное тело Гаунта,
изрезанное бесчисленными шрамами, но
промолчали. На скольких планетах и

фронтах надо было побывать, сколько смертельных схваток нужно было пройти, чтобы заработать столько отметин боли?

Но когда Гаунт встал в полный рост, Дорген впервые разглядел жуткий шрам на его животе и согрогнулся. Длинный старый шрам. Жуткая, рваная полоса огромных рубцов.

--- Фес святой! --- не сдержавшись, воскликнул врач. --- Где...

--- Это было давно, --- оборвал его комиссар. --- Очень давно.

Гаунт немедленно спрятал шрам под рубашкой. Затем надел штаны и потянулся за кителем.

--- Но как вам удалось...

--- Достаточно.

Дорген встретил жесткий взгляд Гаунта и затолк. Комиссар наглухо застегнул китель, и Майло помог ему надеть тяжелый кожаный плащ. Заняла свое место и фуражка.

--- Все офицеры в сборе? --- спросил он.

--- Согласно вашему приказу.

Кивнув Доргену, Гаунт уверенным

Поначалу он сомневался, кому из них можно доверять. Но очень скоро осознал, что может доверять им всем. Каждому Призраку, от полковника Колма Корбена до последнего пехотинца. Беспокоили его только неугомонный Роун и его дружки из третьего взвода вроде Фейгора.

Из лазарета Гаунт поднялся на казарменную палубу. Здесь его уже ждали.

Колм Корбен прождал целый час возле спуска к лазарету. Предоставленный сам себе, он мог вдоволь поворчать под нос о том, что он ненавидел больше всего во Вселенной. Костиальные перелеты начинали и замыкали этот список.

Полковник Корбен был сыном механика и провел свое детство в лесах возле широкого изгиба реки Прайз. Отец держал в подвале сарая мастерскую, где и зарабатывал на жизнь своим ремеслом. Но

большей части он возился с машинами лесников: грузовыми кранами, пилами для очистки стволов, тягачами. Тогда еще маленькому Корбеку не раз приходилось спускаться в промасленную ремонтную яму. Он обычно держал лампу, пока отец копался в грязных, перекошенных шестернях или разбитых коробках передач двдцатиколесных грузовых тягачей. Грузные машины всегда пахли свежей, сырой древесиной с лесопилок Белгейна и Сомпреса.

Повзрослев, Корбек устроился на одну из лесосек в Сомпресе. Там он насмотрелся на пальцы, руки и ноги, отрезанные циркулярными пилами. Его легкие регулярно набивались древесной пылью, густым облаком накрывавшей работающие пилорамы. С тех пор и по сей день полковник мучился приступами хриплого кашля. Он забросил работу из-за несчастной любви, а потом вступил в ополчение Танит Магна, просто чтобы испытать себя. Следующие несколько лет он оберегал священные нэловые рощи от браконьеров.

Вскоре он понял, что доволен своей жизнью, мягкой землей под ногами, шумом кроны над головой в тихом свете звезд. Он начал понимать движения ползучего леса, угадывать, где искать вечно меняющиеся направления тропинки. Он научился беззвучно двигаться и влагать ножом, испытывать радость от охоты. Пока под ногами была родная земля, а над головой плыли молчаливые далекие звезды, Корбек был счастлив.

Больше он не ступит на эту землю. Никогда в жизни, потому что ее больше нет. Влажный аромат хвои и лесной почвы, сладковатый запах перегнивших листьев, мягкий привкус спор нелетящих, наполнявших воздух. Корбек помнил, как звезды слушали его песни. Как он просил их благословения и временами даже ругался с ними. До тех пор, пока они оставались далекими огоньками. Мож ли он подумать, что они вдруг станут такими близкими...

Корбек боялся плавать среди звезд. У него не он один. Даже после десятка перелетов танитцы все еще чувствовали страх перед чернотой за бортом. Оставить

твердую землю, моря и небеса позади, подняться к ярким огням, брести сквозь неведомый Улматериум — ничего страшнее они представить не могли.

Полковник знал, что «Авессалом» — надежный корабль. Он успел разглядеть его мощный корпус в иллюминаторе орбитального челнока. Но он хорошо помнил, как могучие потоки реки Белгейны подхватывают огромные баржи, сминают их крепкие деревянные бока и крошат сугубо в щепки. Корабли ходили своими путями. До тех пор, пока эти пути не становились слишком тяжелыми для них.

Все это ему осточертело. Мерзкий запах, холод стен, свои искусственной гравитации, беспрестанный гул и грохот варп-двигателей. Все до последней мелочи. Только беспокойство за комиссара смогло пересилить его страхи, заставило подняться на смотровую платформу. Уж и тогда он старался смотреть на Таунта, на труп, на безмозглого личмана — только не на безумную пляску неизвестности вокруг купола.

Больше всего на свете он хотел

почувствовать твердую почву под ногами.
Вдохнуть свежего воздуха. Ощутить
порыв ветра, капли дождя. Услышать, как
перешептывается листва.

--- Корбек?

Полковник выпрямился, приветствуя
Гаунта. Вслед за комиссаром спешил
Майло.

--- Да, сэр?

--- Помнишь, что я сказал тебе в том
баре на Пирите?

--- Не то чтобы все... Я был изрядно...
пьян, сэр.

--- Ну и отлично, -- недобро улыбнулся
Гаунт. -- Значит, сюрприз будет для всех,
и для тебя тоже. Офицеры готовы?

--- Все, кроме майора Роуна, согласно
приказу.

Гаунт снял фуражку, пригладил
волосы и вернул форменный головной убор
на место.

--- Я присоединюсь к вам через пару
минут.

Гаунт повернулся и прошествовал к
казарменным помещениям.

Призраки занимали казарменную

налубу номер три. Казармы напоминали огромные темные соты. По всей глине коридора располагались котормки. Каждая вмещала несколько коек, одна над другой. Здесь же были пустая комната отдыха и три тренировочных зала с обитыми мягкой тканью стенами. В этих помещениях коротали время сорок взводов — около двух тысяч выживших танитцев.

Нагретый человеческим теплом воздух был густо насыщен запахом пота и кюрева. Роун, Фейзор и весь третий взвод ждали комиссара у выхода. Все это время они тренировались в одном из залов. Гвардейцы были вооружены электрогубинками, с которыми отрабатывали приемы рукопашного боя. Фактически эти шоковые губинки были единственным оружием, которое позволялось носить простым гвардейцам на борту. Они были рассчитаны не только на драки и фехтование, но и на стрельбу электрическими разрядами на короткую дистанцию. В одном из тренировочных залов для этого был оборудован тир, где по скрипящей от старости дорожке ездили

ржавые металлические тишени.

Гаунт взял под козырек, и гвардейцы немедленно приняли подобающий вид.

--- Как вы оцените помещение казармы, майор? --- без промедления заговорил Гаунт.

--- Комиссар? --- Роуна вопрос застал врасплох.

--- В плане безопасности.

--- Здесь всего восемь выходов, два коридора к посадочным докам плюс несколько служебных коридоров.

--- Ваша задача --- слати вашего взвода удерживать периметр казармы. Никто не должен войти или покинуть эту палубу без моего ведома.

--- Но, комиссар... --- Роун явно пребывал в замешательстве. --- Как мы должны удерживать периметр без оружия?

Гаунт взял из рук рядового Неффа электродубинку, повертел в руках и сделал резкий выпад. Согнувшись пополам, Нефф рухнул на палубу.

--- Этих изрушек будет достаточно, --- произнес он. --- Докладывайте мне каждые полчаса. Фиксировать имена всех, кто

попытается пройти в казарму.

Еще несколько секунд Гаунт пристально смотрел на майора. Удостоверившись, что майор все верно понял, он позволил себе уйти.

— Чего это он задумал? — спросил Фейгор, как только комиссар отошел достаточно далеко.

Роун озадаченно покачал головой. Он непременно все выяснит. А пока нужно распределить посты.

Временный штаб полка располагался в старом инструктажном зале возле лазарета. Трап вел в цилиндрическое помещение. К центру амфитеатром спускались ряды деревянных лавок. В самом же центре возвышался пульт управления, отливающий черным лаком. Прибор был похож на большой гриб с полированной шляпкой. Старый тактический проектор. Зеркальная линза

В центре шляпки проецировала яркое трехмерное изображение всевозможных объектов. Так, вся аудитория могла видеть карты или снимки, обсуждавшиеся на заседаниях штаба. Жаль, этот проектор был сломан. Поэтому Гаунт просто сел на него.

Помещение начало заполняться офицерами. Сначала вошли Корбек и Торден, вслед за ними — командиры взводов: Мурин, Маколл, Куралл, Лерог, Хаскер, Блейн, Фолор... Все тридцать девять человек. Последним вошел едва получивший новое звание Варл. Майло задрал люк отсека и встал у стены. Офицеры расселись полукругом, лицом к своему командиру.

— Что-то случилось, сэр? — немедленно спросил Варл.

Всем своим видом он выражал готовность действовать. И конечно, не задумываясь об установленном регламенте, как любой молодой офицер, попавший на первое в жизни заседание штаба полка. «Не стоило медлить с его повышением», — подумал Гаунт и устал

улыбнулся.

--- Это не официальное совещание. Сегодняшний вопрос касается исключительно Призраков. Я хотел бы прояснить сложившуюся ситуацию, чтобы все вы разбирались в происходящем и могли в случае чего адекватно реагировать. То, что я скажу, не должно выйти за пределы этого помещения. Своим подчиненным вы можете описать все в общих чертах. В как можно более общих чертах.

Теперь комиссар чувствовал, что овладел вниманием аудитории.

--- Давайте опустим предисловия. Насколько я понимаю -- а это не намного больше, чем знает тот же Браз, -- в высших эшелонах идет серьезная борьба за власть. Насколько серьезная, что она угрожает развалом всему Крестовому походу. Я думаю, все присутствующие слышали о подковерной возне после смерти военлейстера Слайдо. О том, насколько высших полевых командиров боролось за его место...

--- И все досталось этому слизняку

Макаромү, --- зло фыркнүл Корбек.

--- Для вас, полковник, он ---
военлейстер Слизняк Макаром, ---
поправил его Гаунт. Но аудитории
прокатилась волна смеха. Немного юмора
разрядит атмосферу. --- Не важно,
нравится это нам или нет, но теперь он
главный. Поэтому для нас все очень
просто. И я, и все вы верны долгу перед
Императором. А значит, верны и
военлейстеру Макаромү, потому что
Слайдо избрал его своим преемником.
Слова Макарома --- это слова, изреченные с
самого Золотого Трона. Его власть ---
власть Империи.

Гаунт выдержал паузу. Ответом
послужили озадаченные взгляды, будто
собравшиеся не поняли какую-то шутку.

--- Но кто-то все же недоволен, так? ---
трачно произнес Майло.

Офицеры обернулись сначала к нему,
а потом к Гаунтү, услышав его смех.

--- Действительно так. Думаю, очень
многие были недовольны его возвышением
наг нити. Одного такого недовольного мы с
вами знает. Жаль, не только по имени.

Это верховный лорд-генерал Дравер.
Непосредственный командир нашей группы
армий.

--- К чему вы клоните, сэр? ---
насторожено спросил Лерог, широкоплечий
бритый сержант с татуировкой
имперского орла на виске. Когда-то он был
одним из командиров ополчения Таним
Ультима, духовного центра мертвой
родины Призраков. Поэтому он и все
бывшие жители Ультимы считались
среди однополчан наиболее преданными
Имперскому Культур. Гаунт с самого
начала предполагал, что Лерога будет
сложнее всего убедить. --- Вы хотите
сказать, что лорд-генерал Дравер хочет
совершить предательство? Что он...
отрекся от своей клятвы верности? Но
ведь он ваш командир, сэр!

--- Именно поэтому я и собрал всех вас.
Если я прав, что нам предпринять? К кому
обратиться за помощью?

В ответ --- только напряженное
молчание.

--- Дравер никогда не скрывал, что был
оскорблен решением Слайдо назначить

наследником молодого Макаромта, --- продолжал комиссар. --- Должно быть, это очень неприятно --- служить под началом выскочки, обошедшего тебя на служебной лестнице. Я могу со всей уверенностью заявить, что Дравер попытается свергнуть военлейстера.

--- Пусть перегрызут грыз грыз глотки! --- выкрикнул Варл, и остальные поддержали его. --- Одним офицером больше, одним меньше... Прошу прощения, сэр.

--- Вы сейчас высказали мою первую мысль по этому вопросу, сержант, --- вновь улыбнулся Гаунт. --- Давайте копнем глубже. Если Дравер выступит против Макаромта, это ослабит его группировку. Ослабит как раз в тот момент, когда мы должны сконцентрировать силы и начать прорыв вглубь вражеской территории. Чем ты лучше врага, если грызется между собой? Дойди до конфликта, мы будем открыты, уязвимы... Нас просто перережут. Амбиции Дравера грозят нам всем смертью.

Тишина прибавила тяжести. Гаунт

поскреб острый подбородок.

--- Если Дравер предпримет попытку переворота, мы можем спокойно плюнуть на все, что мы завоевали. Он просто растопчет все наши победы в мирах Саббаты за эти десять лет. Да, и еще кое-что. --- Гаунт погался вперед. --- Будь я на месте заговорщиков, я бы не стал довольствоваться несколькими верными полками Гвардии. Я бы искал более острый нож.

--- Так вот в чем дело, --- произнес Лерог, пойтавший нить рассуждения.

--- Ну конечно! Дравер готовит что-то. Что-то очень большое. И это что-то уравнивает его силы с силами самого военлейстера. А может, даст ему перевес. И вот здесь на сцене появляется жалкая кучка гвардейцев, то есть мы. На Колчеданах ко мне попала одна вещица... --- Гаунт вынул кристалл и показал всем. --- В этом кристалле содержатся все ответы. Агенты Дравера пытались доставить его генералу, но им немного помешали.

--- Кто? --- заинтересовался Лерог.

— Агентурная сеть разведки самого Макаромта. Люди, пытающиеся помешать Драверу. Их осталось не так много, но пока они единственные, кто стоит на пути заговорщиков.

— Почему его доверили вам? — тихо спросил Дорген.

Гаунт медлил. Даже теперь он не мог раскрыть этого. Рассказать, что все это предопределено.

— Я был рядом, и мне доверяли. Я и сам не до конца все понимаю. Один мой старый друг служит в разведке. Он связался со мной и просто попросил меня сохранить эту информацию. Похоже, на Мирите больше не было никого достаточно надежного.

— Так что же на нем? — Варл нервно почесал плечо в том месте, где начиналась искусственная рука.

— Понятия не имею. Информация закодирована. — Прежде чем Лерог успел что-то возразить, Гаунт добавил: — Уровень Вермильон.

Все надолго замолчали, пораженные. Только Блейн присвистнул от удивления.

--- Теперь понимаете, о чем я?

--- И что нам теперь делать? ---

Трачно спросил Варл.

--- Разузнает, что там. А дальше решим.

--- Но как же... --- заговорил Мурин, но Гаунт остановил его взмахом руки.

--- Это уже мое дело. Думаю, у меня получится. На самом деле для меня это довольно просто. После этого... да, вот для чего я вас всех собрал. Агенты Дравера уже пытались убить меня и вернуть кристалл. Дважды --- сначала на Пирите, теперь здесь, прямо на корабле. Эта штука бесценна. И мне нужна ваша помощь, чтобы держать генеральских шпионов подальше от нее. Во всяком случае пока я не придумаю, как нам с ней поступить.

В комнате царило молчание.

--- Могу я на вас рассчитывать?

Душная, оглушающая тишина.

Офицеры нерешительно переглядывались.

В конце концов Лерог ответил за всех. И это обнадежило Гаунта.

--- Вам не нужно просить нас, комиссар, --- просто сказал он.

В ответ гвардейцы получили благодарную улыбку. Он встал в знак того, что собрание окончено, и офицеры последовали его примеру.

— Что ж, приступим. Майор Роу уже организует караулы по всему периметру палубы. Окажите ему всяческую помощь. Я хочу знать, что наша часть корабля — действительно наша. Всех незнакомцев заворачивайте или ведите прямо ко мне. Если возникнут вопросы, скажите, что мы подозреваем этих недоносков Патрициев в попытке напасть на нас. Клянусь Террой, на палубах под нами раза в четыре больше Патрициев, чем нас. А эти ребята явно сгруппированы с Дравером.

Более того, необходимо проверить всю палубу на предмет следящих устройств и аудиопионов. Хаскер, Варл! Отберите для этого дела всех, кто соображает в технике. У них в арсенале хорошая сотня способов следить за нами. С этого момента не доверяйте никому за пределами своего полка. Это значит — вообще никому. Мы не знаем наверняка,

кто затешан в заговоре.

Офицеры принимались за дело со смешанным чувством. Гаунт понимал, что это странное занятие для обычных солдат. Лица уходивших застыли в напряжении.

Комиссар повертел в руках кристалл.

--- Что же ты прячешь? --- шепотом спросил он.

7

Гаунт вернулся в свою каюту. Майло, так и не проронивший больше ни слова, плелся вслеп за ним. По приказу Корбека у входа в личные апартаменты комиссара уже дежурили двое гвардейцев. Не отвлекаясь на посторонние дела, Гаунт немедленно сел за вычислитель и погрузился в бездну данных бортового терминала. Темный гололит засиял мягким светом янтарных строчек. Взгляд комиссара скользил по спискам личных дел, надеясь, что они выдают его врагов

на корабле. Но большинство записей были слишком путаными, а то и неоконченными. Доходило до того, что невозможно было получить точный список полков на борту. В списке были Патриции и ряд механизированных соединений Девятого Бованийского. Гаунт точно знал, что помимо них должны быть еще два полных гвардейских полка. Они в списке не упоминались. Тогда он попытался открыть список флотских офицеров «Авессаломы» и других высокопоставленных чиновников Империи. Однако на его пути встали флотские коды, которых он не знал и не имел полномочий на доступ к ним.

Техника преградила путь его дальнейшим изысканиям. Гаунт откинулся на спинку кресла и вздохнул. Плечи напомнили о себе приступом боли. С панели управления прямо на комиссара смотрел проклятый кристалл. Пришло время попробовать. Проверить свою догадку. Он откладывал этот момент, не желая разочаровываться раньше времени. Гаунт встал.

Майло уже начал клевать носом, когда его внимание привлекло неожиданное движение.

--- Сэр?

Гаунт бесцеремонно разгребал шкаф с личными вещами, разбрасывая все, что мешало ему.

--- Будем надеяться, старик не соврал, --- бормотал себе под нос комиссар.

Майло понятия не имел, о каком старике говорил его командир.

Тем временем Гаунт увлеченно раскидывал вещи. На пол полетела шелковая парадная форма. Из сумок выпали книги и информационные планшеты.

В какой-то момент Майло начал ощущать восторг. Комиссар всегда сам укладывал вещи, поэтому его адъютанту редко выпадала возможность разглядеть те немногие предметы, которые Гаунт считал достаточно ценными, чтобы возить с собой. Вот орденская планка, завернутая в лоскут ткани. Бархатный футляр, из которого выпала большая серебряная звезда. Выцветшая от времени

фүражка с гирканской кокардой. Стеклянная баночка с болеутоляющими пилюлями. Ожерелье из десятка желтых изогнутых клыков — должно быть, орочьи зубы. Антикварный моноскоп в деревянном футляре. Старая, лохматая пуговичная щетка и баночка серебристой полироли. На пол упала костяная коробка, из которой веером посыпались карты таро. Карты были сделаны из прочного пластика. На картинках — памятные фотографии освобождения какой-то планеты под названием Гилат Децим. Майло постеснялся их посмотреть, пока комиссар не наступил на них. Новые, или ни разу не играли. На крышке коробки были выбиты инициалы «Д. О.».

Гаунт продолжал выбрасывать из шкафа вещи. Майло невольно заулыбался. Видеть все эти вещи, прикоснуться к ним — для него это было настоящей честью. Словно комиссар позволил ему заглянуть в свои мысли.

Потом из растущей кучи вещей выпало еще что-то и гүлко ударилось о паркет. Изрушка. Макет линкора, грубо

вырезанный из пластина. Краска на его бортах облупилась, половины турелей уже не было на местах. В этой игрушке было что-то очень печальное. Она впустила Майло в мир тяжелых потерь Убрата Гаунта глубже, чем ему хотелось.

Юный агьютант испытал потрясение. Он отступил на шаг и выронил несколько карт, которые так старательно собирал в коробку. Майло наклонился, чтобы подобрать их. Признаться, он был рад отвести взгляд.

Неожиданно Гаунт отвернулся от перевернутого вверх дном шкафа. В его глазах светилось ликование, а в руке блеснул старый перстень.

— Вы это искали, комиссар? — радостно спросил Майло, уловив хороший момент для вопроса.

— О да! Старый добрый дядя Дерций, суккин ты сын! Подарил мне эту вещицу тем вечером, чтобы занять меня как-нибудь... — Он затолчал, глядя куда-то в глубину памяти.

Гаунт опустился на скамью возле Майло и горько устехнулся, глядя на вещи.

которые агьютант пытался собрать.

--- Эх, сувениры... Огун Император знает, зачем я их храню. Тогда их не видел, а теперь только ворошат темные воспоминания.

Подняв колоду карт таро, комиссар перетасовал ее. Некоторые карты он показывал Майло. Каждый раз он неприятно постигался, будто молодой агьютант понимал, о чем идет речь. На одной было изображено гирканское знамя, реющее над какой-то башней. На другой --- герб с орчим черепом, на третьей --- луна, пронзенная молнией, вылетающей из клюва орла.

--- Семьдесят две причины забыть нашу славную победу в Гилатийском Скоплении, --- передразнил Гаунт какое-то свое воспоминание.

--- А что с кольцом? --- стенил тему Майло.

Комиссар отложил колоду в сторону и повернул ободок печати. В центре зажегся маленький огонек лазера.

--- Фес! Сколько времени прошло, а он еще работает!

Майло откликнулся неуверенной улыбкой.

— Это дешифровочный перстень офицерского уровня. Ключ, позволяющий пользоваться закодированной или личной информацией высших штабных чинов. Генеральская игрушка. Когда-то такие штуки пользовались популярностью. Вот это, например, принадлежало главнокомандующему благородных янтийских войск, высокородному лорду. А этот ублюдок Дерций подарил его как игрушку маленькому мальчику на Манзиноре....

Гаунт выудил из кармана кристалл и поднес его к лучику кольца. Он бросил короткий взгляд на Майло. В глазах комиссара проскользнул хулиганский, мальчишеский задор, и юный агьютант едва удержался от смеха.

— Ну, начали. — Комиссар установил кристалл прямо на печатку. Камень подошел точно по размеру и встал в паз с тихим механическим щелчком.

Теперь казалось, что кольцо украшал непомерно большой драгоценный камень.

Такое впорю носить отъявленному
моднику, а не имперскому комиссару.
Внутри кристалла засиял огонек,
становясь все ярче и ярче.

--- Ну, давай, давай... --- шептал ему
комиссар.

Наг самым кольцом появилась
светящаяся дымка. Среди сүтрака каюты
складывалось голографическое
изображение, выведенное тонкой вязью: «В
доступе отказано. Данный документ
может быть декодирован при уровне
доступа не ниже цвета Вермильон
согласно приказу курфюрста
Администрацүма Сенфуса от 403457 М.41
по календарю сегмента Пацификүс. Любая
попытка нарушить секретность данной
информации карается чисткой памяти».

--- Слишком старый ког! --- Таүнт
раздосадованно сорвал кристалл с перстня,
огонек лазера погас. --- Слишком, мать
твою, старый! Фес! Зря только надеялся...

--- Простите, сэр, я не понимаю...

--- Уровень доступа тот же, но сами
коды доступа регулярно меняются. Лет
тридцать назад кольцо Дерция открыло

бы уровень Вермильон. Но с тех пор код изменился не один раз. Я должен был догадаться, что Дравер установит собственные коды доступа. Проклятие!

Судя по всему, Гаунт собирался и дальше сотрясать воздух руганью. Его прервал резкий стук. Комиссар немедленно спрятал кристалл в карман. Открыв дверь, он обнаружил там рядового Юэна, одного из часовых.

--- Сержант Блейн привел посетителей, сэр. Мы обыскали их, все чисто. Притите их, сэр?

Гаунт кивнул, надевая плащ и фуражку. Выйдя в коридор, он разглядел гостей, взмахом руки отослал своих гвардейцев по местам и направился к посетителям.

Его ждали полковник Витрийских Драгун Зорен и трое его офицеров. На этот раз все трое стенили боевые доспехи на бледно-желтую повседневную форму и полевые кепи.

--- Рад встрече, комиссар, --- коротко поприветствовал его Зорен.

--- Не знал, что витриане тоже на

борту...

--- Обстоятельства, как всегда. Планы изменились в последний момент. Сначала нас определили на «Цафет», но там что-то стряслось со стыковочными рукавами, и нас перенаправили сюда. Те полки, которые должны были лететь на «Авессаломе», теперь займут наше место на «Цафете», как только там разберутся с неполадками. Моим войскам выделили кормовые отсеки.

--- Раг вас видеть, полковник.

Зорен кивнул, но Гаунт почувствовал, что витрианин что-то недоговаривает.

--- Узнав, что ты отправляется в путь на одном корабле с танитцами, я считал нужным навестить вас. В конце концов мы могли бы отпраздновать общую победу. Но...

--- Но?

--- Сегодня утром на меня напали. --- Зорен понизил голос. --- Человек во флотской форме копался в моих вещах. Мы с ним подрались. Он сбежал.

--- Продолжайте. --- Гаунт с трудом сдерживал растущий гнев.

--- Он что-то искал. Что-то, что он не нашел в другом месте. Видимо, он решил, что оно у меня. Я решил, что должен немедленно рассказать все вам...

То, что произошло дальше, шокировало всех, включая самого Зорена. Гаунт схватил витрийского полковника за китель и швырнул в свою каюту. Дверь за ним тут же захлопнулась.

Комиссар в негодовании посмотрел на Зорена. Офицер выглядел оскорбленным. Но похоже, он ожидал такого поворота событий.

--- Вы очень хорошо осведомлены, как я полагаю, полковник!

--- Так и есть.

--- Скажите что-нибудь более осмысленное, Зорен, иначе я забуду о нашей дружбе! --- прорычал комиссар.

--- Давайте оставим эти оскорбления. Я знаю больше, чем вы можете представить, Гаунт. И я уверяю вас, я --- друг.

--- И чей же вы друг, позвольте узнать?

--- Ваш прежде всего. А также Трона

Серры и одного нашего общего знакомого. Мне он представился как Бел Торфут. Вы же знаете его под именем Ферейд.

8

--- Мне... --- заговорил полковник Дрейкер Фленс, --- мне нужно серьезно подумать.

В ответ он услышал только смехок, который ничуть не успокоил его. Звук донесся из-под капюшона, скрывавшего лицо высокого незнакомца. Его силуэт черным клином выделялся на фоне мозаичного витража, сияющего светом Уматериума.

--- Вы солдат, Фленс. Мне кажется, думать не входит в ваши обязанности.

Фленс сдержался и не ответил на оскорбление. Потому что боялся. До дрожи боялся человека, стоящего среди разноцветных бликов витража. Полковник нерешительно перетинался с ноги на ногу. Горло пересохло, легкие сдавило от

дыхоты. На черных плитах ступеней возле
окна стоял кальян с обскурой. От него по
комнате расползались щупальца плотного,
приторно-сладкого дыма. Они вились
вокруг полковника, иссушая воздух своим
гурманыщим ароматом. Фленс чувствовал
слабость во всем теле. С каждым вдохом
он все больше терял ясность мысли.

За спиной, возле двери, стоял тичман
Лекүланци. В сумрачном углу комнаты
притаились трое закутанных в балахоны
астронастов. Никто из них не обращал
внимания на наркотические пары обскуры.
Астронастам никто не указ. А Лекүланци
он заподозрил в употреблении обскуры с
первого взгляда, приметив его
неестественную бледность. Несколько лет
назад Фленс участвовал в штурме улья,
охваченного эпидемией обскуромании. Он
навсегда запотнил чудовищный сладкий
запах и бледность вяло сопротивлявшихся
жителей.

Гигант в балахоне отвернулся от
окна и медленно прошествовал к Фленсу.
Даже если не брать в расчет толщину
подшвы сапог, полковник мог

похвастаться ростом под два метра. Сейчас ему пришлось поднять голову, чтобы взглянуть в лицо, скрытое капюшоном.

--- Так что вы скажете, полковник? --- произнес из темноты негромкий голос.

--- Я... Боюсь, я не совсем понимаю, что от меня требуется, милорд.

Новый смехок. Инквизитор Голеши Константин Фенно Хелдан поднял унизанную перстнями руку и откинул капюшон. Фленс только и смог что моргнуть от удивления. Вытянутая физиономия Хелдана больше напоминала лошадиную морду, чем человеческое лицо. Постоянно оскаленный рот, полный тупых зубов, истекающий слюной. Круглые плоские глаза, залитые непроглядной чернотой. Вместо волос его череп покрывали прозрачные трубки и провода. На деформированной голове инквизитора больше никакой растительности не было. Фленс только успел разглядеть спутанную шерсть на шее. Несомненно, инквизитор был человеком. Но он претерпел ряд хирургических операций, чтобы один его

Видя вину и ужас тем, кого он...
допрашивает. Фленс всячески уверял себя,
что это просто результат операций.
Ничего больше.

--- Кажется, вам здесь неуютно,
полковник? Скажите, дело в обстановке
или в моих словах?

Фленс лихорадочно подбирает слова.

--- Видите ли... --- начал он. --- Я
прежде никогда не бывал в
сакросанкторуме...

Хелдан развел руки, как бы
охватывая всю катеру. Фленс оценил
размах рук гиганта и согрознулся. Они
находились в одном из убежищ астронавтов
на борту «Авессалома», в помещении,
полностью закрытом от внешнего
воздействия. Стены катеры были
защищены нуль-полем, сквозь которое
ничто не могло пробиться --- ни
физическое, ни нематериальное. Подобные
помещения не пропускали звуков, были
полностью защищены от технических и
психических атак. Вход в это помещение
был открыт только астронавтам. Чужим
лицам сюда не позволялось входить силой

имперского указа. Только прямое приглашение со стороны посвященных могло дать пустышке право пройти сюда.

Пустышка. Фленсу не нравилось это обращение. Он впервые услышал его от Лекланци. Пустышка... Так псайкеры называли тех, кто не имел выраженных психических способностей. Пустышка. Больше всего Фленс сейчас желал показаться где-нибудь в другом месте. В любом другом месте.

--- Вы беспокоите моих собратьев. --- Хелдан указал на астронатов, беспокойно перешептывавшихся в углу. --- Они чувствуют вашу неприязнь к этому месту. Чувствуют свое клеймо.

--- У меня нет предрассудков по отношению к ним, инквизитор.

--- Есть, мой друг. Я их чувствую. Вы ненавидите мыслевидцев. Вы презираете дар астроната. Вы пустышка, Фленс. Слепой кретин. Быть может, вы хотите узнать, что упускаете?

--- Не надо, милорд! --- согрознулся полковник.

--- Хотя бы чуть-чуть. Будете

постелее, — үхтыльнүлсә Хелдан. Собнаженных зүбөв сорвалысь капли слюны.

Фленс поторщился. Инквизитор разочарованно отвернулся. А затем решительно заглянул полковнику в глаза. Невероятный, ослепляющий свет заполнил мысли Фленса. На долю секунды перед ним развернулась вся вечность. Он увидел бесчисленные грани пространства и их пересечение с изломатами времени. Он увидел бурные потоки Эмпирея и безжизненные окраины Умлатериума. Пульсирующее дыхание варпа. Он увидел своих мать и сестру, снова живых. Видел свет, тьму и пустоту. Цвета, которых нет названия. Он видел, как рождается в тучах тот генокрас, чья кровь изуродует его лицо. Увидел себя во время тренировки на плацу Примогенитории. А потом — фонтан крови. Знакомой крови. По щекам побежали слезы. Кости в жирной, черной грязи. Его кости. Он заглянул в собственные пустые глазницы. В них копошились черви. Уже не контролируя себя, Фленс начал кричать, пока его не стошнило. Он видел темные от крови небеса и бесчисленные солнца.

Вигел, как взрывается погибающая звезда.

Вигел... слишком много.

Дрейкер Фленс повалился на пол сакросанкторума. Его шокированный организм подвел его, и он измарался собственными фекалиями. Полковник просто скулил, лежа среди нечистот.

— Я рад, что мы прояснили этот вопрос, — невозмутимо произнес Хелган и поправил капюшон. — Давайте начнем снова. Как и вы, я служу генералу Драверу. По его приказу я буду гасить звезды, сжигать планеты и совершать невозможное. По его слову я завладею тем, что невозможно обуздать.

Фленс продолжал стонать.

— Встаньте и слушайте, что вам говорят. В Меназоидской Крепи нашего хозяина ждет бесценное сокровище. Карта местонахождения этого сокровища сейчас находится в руках комиссара Гаунта. Эта вещь необходима нам. Я уже растратил драгоценную силу на то, чтобы получить ее. Этот Гаунт... должен признать, он неплох. Мы используем вас и ваших Патрициев, чтобы достичь нашей цели. В

любом случае у вас есть счеты к Гаунту.

--- Только не это... Только не это. ---

Полковник извивался на полу.

--- Дравер высоко оценил вас. Помните его слова?

--- Н... нет...

--- «Если ты одержишь для меня эту победу, поверь мне, Фленс, я этого не забуду, --- произнес инквизитор голосом Дравера. --- В будущем меня ждет немало больших возможностей, если удастся выбраться из этой дыры. И я могу поделиться с тобой этими возможностями». --- Голос Хелдана вновь стал прежним. --- Пришло время принять участие в нашей общей судьбе, Фленс. Помоги мне раздобыть для нашего хозяина то, что он желает. Для тебя найдется теплое местечко в лучах славы, поверь мне. Возле нового военлейстера крестового похода.

--- Пожалуйста! --- жалобно выкрикнул Фленс. В ушах звенел стех астронатов.

--- Все еще в нерешительности? --- Хелдан наклонился ближе к свернувшейся на полу полковнику. --- Ну что, заглянем

еще разок?

Фленс завизжал.

— Они нас выкинули, — нарушил тишину голос Фейзора.

Роун раздраженно посмотрел на своего агьютанта. Он прекрасно понимал, о чем идет речь. Прошло четыре часа с тех пор, как Гаунт собрал остальных офицеров на совещание. Как удачно, что именно взводу Роуна выпало дежурить в этот момент. Конечно, если Корбек не собрал и на борту творилась какая-то чертовщина, без караула было не обойтись. Правда, согласно заведенному порядку первым на дежурство должен был заступить Фолор со своим шестнадцатым взводом.

Роун только хмыкнул в ответ и направил свое отделение к пересечению со следующим коридором. Его пятерка обошла эту часть палубы уже шесть раз.

Холодные стены, заграенные люки, темные уголки, пустые помещения, коверныли на полу. Роун глянул на ручной хронометр. Двадцать минут назад Лерог сообщил ему, что их взвод сменят где-то через час. Все тело уже ныло от холода и усталости. Майор чувствовал, что его солдатам сейчас не лучше. Наверняка больше всего им сейчас хочется погреться у печи, хлебнуть горячего кофеина и расслабиться. Скорее всего, все пятьдесят человек его взвода, разбросанные по палубе группами по пять, жутко устали и проголодались. И были весьма недовольны происходящим.

По старой привычке майор стал размышлять о Гаунте. О его мотивах. Начиная с тясорубки в день Основания. Роун не принимал Гаунта как полноправного командира. Когда комиссар вдруг повысил его до майора и сделал третьим в полковой иерархии, Роун был ошеломлен. Поначалу он лишь настехался наг этим. Позже он решил, что Гаунт просто оценил его способности к руководству. Как-то раз фейзор,

единственный -- и то сомнительный --
друг майора в полку, наполнил ему старую
поговорку: «Держи грузей близко, а врагов --
еще ближе».

От службы в Гвардии деваться было
некуда, поэтому Роун просто решил
выжать максимум выгоды из своего нового
положения. Но поведения Гаунта он просто
не понимал. Будь он на месте комиссара-
полковника и знай о таком опасном
человеке у себя за спиной, давно бы
поставил его к стенке.

Впереди рядовой Лонегин проверял
замки на отсеках с провизией. Роун
прикрывал его спину, держа под прицелом
только что пройденный коридор.

Фейгор незаметно приглядывал за
своим командиром. Роун был хорошим
партнером в делах. Им уже довелось
служить вместе в ополчении Аттики
задолго до Основания. У них был свой
маленький, правда незаконный, бизнес, пока
фесов Империя не вмешался со своим
призывом и не испортил все. Фейгор был
незаконнорожденным сыном
контрабандиста. Сообразительность и

крепкое телосложение помогли ему попасть в ополчение Танин, а потом и в Имперскую Гвардию. Происхождение Роуна для многих составляло тайну. Он редко рассказывал о своей жизни, и то — крохи. Но Фейгор кое-что знал о нем. Роун родился в состоятельной семье — то ли купцов, то ли каких-то политических шишек. У него всегда водились деньги, которые он получал от лесопильной империи отца. Но ему, как третьему сыну, не приходилось рассчитывать на хорошее наследство. Служба в ополчении была его единственной возможностью добиться чего-то в жизни.

Роуну Фейгор не доверял. Но, большому счету, он никому не доверял. Но, в отличие от многих, он не считал майора плохим человеком. Просто он был... озлобленным, что ли? Эта злоба, копившаяся внутри, с первой минуты вызывала отторжение у любого. Это и сгубило майора.

Весь взвод Роуна состоял из людей, похожих на Фейгора. То есть стутьянов и изгоев. Таких людей тянуло к Роуну. В

нет они видели своего предводителя, рядом с которым не пропадут. Большинство из них Роун сам выбрал в свой взвод.

Фейзор считал, что рано или поздно Роун убьет Гаунта и займет его место. А заодно Корбека и всех, кто еще постыется встать на его пути. А может быть, Гаунт убьет Роуна. Так или иначе, им не избежать столкновения. Поговаривали, что майор уже пытался свести с комиссаром счеты.

Ничего не происходило. Фейзор уже собирался предложить двинуться налево, но не успел. Его намерения изменил крик Лонегина. Что-то ударило гвардейца в спину, и он кубарем полетел на пол. Солдат бился в конвульсиях. Теперь Фейзор разглядел короткий нож, прочно вошедший под ребра.

Роун поднял тревогу как раз в тот момент, когда нападавшие выбрались из своих укрытий. Десяток солдат в пурпурной форме Патрициев. В руках — ножи, палки, ножки от мебели вместо глубинки. В мгновение ока узкий коридор превратился в кипящее месиво.

рукопашного боя.

Рядовой Кольн даже не успел обернуться. Мощный удар по голове бросил его на стену. Не проронив ни звука, гвардеец осел на пол. Фрэль успел перехватить одного из Патрициев и свалил ударом глубинки в каскаде искр. Вслед за этим его пронзили сразу три ножа. Фейгор мельком увидел, как двое Патрициев методично избивают беспомощного Лонезина, истекающего кровью.

Фейгор метнул свою шокую глубинку в ближайшего Патриция. Мощный разряд прожег гвардейцу форму на животе и отшвырнул его на несколько метров. Танитский серебристый клинок скользнул из ножен. Грохотко бранясь, Фейгор ринулся вперед. Первым же взмахом он раскрыл горло одного из нападавших. Давно, еще на загворках Аттики, его техника боя вселяла страх и вызывала уважение у многих. Ловкой подсечкой он сбил с ног еще одного Патриция, попутно отрубив кисть его руки с ножом.

— Роун! Роун! — Фейгор попытался

включить свой передатчик.

В этот момент его ударили в затылок. Оглушенный, он пропустил еще два выпада и упал. Его немедленно начали бить ногами. Что-то раскаленное и очень острое вгрызлось в грудь. Он закричал от злости и боли, но из горла вырвался только глухой хрип с фонтаном крови.

Роун тем временем уложил одного из своих противников глубинкой. Почти все силы уходили на то, чтобы отбивать удары. При этом он крыл Патрициев всеми известными ему ругательствами. Удачный удар ножом распорол его китель и оставил глинный кровоточащий след. В висок врезалось нечто тупое и тяжелое. Роун не удержал равновесия, перед глазами все превратилось в размытую кашу. Майор попытался пошевелиться, но тело не слушалось. Кто-то вдавливал его лицом в холодную сетку пола. А еще по шее текла теплая жидкость. Скосив глаза, Роун едва сумел разглядеть наступившего на него Патриция. Здоровяк уже собирался прикончить его глинным гаечным ключом.

— Подожди, Брохусс! — Чей-то голос

заставил Патриция опустить свое оружие.

Роун не мог двигаться, не мог даже разглядеть говорившего. Здоровяк исчез, а его место занял кто-то в офицерской форме.

Полковник Фленс присел рядом с ним и сочувственно посмотрел на изломанное тело Роуна, распластанное в луже крови.

--- Посмотри на петлицы, Брокхусс, --- произнес Фленс. --- Майор. Не стоит убивать его. Ну, не сразу.

--- Как вы узнали о нем? --- настойчиво спрашивал Гаунт.

Полковник Зорен едва заметно пожал плечами --- витруане были скуповаты на жесты.

--- Думаю, так же, как и вы. Случайная встреча, некоторая доля взаимного доверия, неформальное взаимодействие в критический момент...

--- Послушайте, если вы хотите

продолжать этот разговор, вам придется
выражаться конкретнее. --- Гаунт
скептически качнул головой и поскреб
острый подбородок. --- Если вы и вправду
осознаете серьезность происходящего, вы
поймете, почему я должен быть абсолютно
уверен в своем окружении.

Зорен кивнул. Он окинул взглядом
комнату, будто за ними могли следовать
здесь. Тесная каюта представляла собой
довольно унылое зрелище.

--- Что ж, мы встретились во время
Голодных войн на Уголвильде, года три
назад. Мои Драгуны тогда стояли в полусе
Кенаги, выполняли полицейские функции.
Это было еще до голодных бунтов и
свержения местного правительства.
Человек, которого вы называете
Ферейдом, работал под маской торговца
зерном Бела Торфута, знатного купца и
члена уголвильдского сената. Его
маскировка тогда потрясла меня. Я бы ни
за что не подумал, что он родом с другой
планеты. Один в один как местные. Язык,
привычки, жесты...

--- Я знаю, как Ферейд работает.

Идеальная маскировка и полная интеграция в среду. Это его конек.

--- Тогда вы знаете и его образ действия. Его внешняя агентура --- те, кого он называет «солью земли Империи».

Гант кивнул. Его губы едва заметно изогнулись в улыбке.

--- Наш общий груз работает один в крайне опасном окружении. И в одиночестве он весьма уязвим. Поэтому он строит свою агентурную сеть из тех элементов имперского общества, которые, по его мнению, не испорчены властью. В своей борьбе с коррупцией и скверной в рядах имперской бюрократии он не может положиться на Администратум, Министрум или на чиновников вообще --- любой из них может быть частью коррумпированной сети. Он рассказывал, что самых надежных союзников всегда находил в Гвардии, в людях, волею обстоятельств попавших в жернова этой борьбы. Простые солдаты редко бывают участниками интриг, поэтому они всегда чисты и надежны. Я и часть моих офицеров стали для него такими

союзниками. Он долго и тщательно изучал
меня, прежде чем доверить свои тайны. У
потратил не меньше времени, чтобы
заслужить мое доверие. Так или иначе, в
неразберихе восстания витруане оказались
его единственной опорой. Как выяснилось,
Голодными войнами управляла группа
чиновников, связанная с департаментом
Муниторинг. На их стороне было два
полка Имперской Гвардии. Мои Драгуны
разбили их.

--- Битва при Алтафе. Я читал о ней.
Неужели и за этим стояла коррупция в
наших рядах?

--- Подобные факты обычно
умалчиваются, --- печально улыбнулся
Зорен. --- Из соображений морали. Мы
тогда расстались друзьями. Признаться, я
не ожидал увидеть его вновь.

Гарнт опустился на свою койку и
задумчиво погнул голову рукой.

--- И теперь вы здесь?

--- Уже на пути с Колчеданов мне
пришло закодированное сообщение. И сразу
после этого --- новая встреча.

--- Лично?

--- Нет, к сожалению. Через посредника.

--- Как вы поняли, что этот посредник тот, за кого себя выдает?

--- По некоторым отличительным чертам. Пароли, которыми мы с Белом Торфутот пользовались на Уголвильде. Коговые слова витрийского боевого жаргона, значение которых мог понять только он. Торфут внимательно изучал «Байхатү», наш кодекс войны. Только знающий этот священный текст мог написать то сообщение, которое я получил.

--- Так все-таки Ферейд. Значит, мы с вами в одной лодке, Зорен. Почему у меня такое впечатление, что вы знаете больше меня?

Зорен внимательно посмотрел на высокого, крепкого комиссара, расположившегося на койке. Во время боя на Фортис полковник проникся к нему немалым уважением. К тому же его упомянул в своем сообщении Ферейд. Похоже, разведчик доверял Таунтү больше, чем кому-либо в этом секторе. «Больше,

чем мне», — подумал Зорен.

— Хорошо, Гаунт, вот что я знаю. Группа высокопоставленных заговорщиков в Генеральном штабе Крестового похода охотится за чем-то очень ценным. Это что-то настолько ценно, что они готовы принести в жертву судьбу всей кампании ради этого. Но ключ к этому сокровищу выскользнул из их рук. И попал к вам, мой друг, так как вы были единственным агентом поблизости.

— Я не агент! — сердито бросил Гаунт и встал.

Зорен поспешно приложил руку к губам. Этим жестом он извинялся за неверно употребленное слово. Гаунт напомнил себе, что полковник неважно изъяснялся на низком готике.

— Доверенное лицо, — исправился он. — Ферейд предусмотрительно собрал вокруг себя друзей во всех концах сектора, к которым он мог бы обратиться в сложной ситуации. Вы были единственным из его друзей на Колчеданах, кто мог бы перехватить этот ключ и сохранить его. Подстроив кое-какие обстоятельства,

Ферейг свел нас на одном корабле. Как, по-вашему, мои Драгуны вдруг оказались на «Авессаломе»? Думаю, Ферейг и его люди в штабе военлейстера многим рисковали. Это было весьма дерзкое мероприятие для тайной операции.

--- Ваш посредник рассказал вам что-то еще? --- поинтересовался Гаунт.

--- Мне было велено оказывать вам всю возможную помощь и поддержку. Вплоть до прямого неподчинения приказам начальства.

Комиссару понадобилось несколько мгновений, чтобы осознать все значение этих слов.

--- И что потом?

--- В инструкции было сказано, что вы сами должны принимать решения. Ферейг не может сейчас вмешаться напрямую, поэтому он доверяет вам этот выбор. До тех пор пока его агентура не сможет снова участвовать в игре, вы должны действовать самостоятельно, исходя из ситуации.

--- Но я же ни черта не знаю! --- горько устехнулся комиссар. --- Я не понимаю, что

и почему происходит! Эти изгры теней не
для меня!

--- Потому что вы --- солдат?

--- Что?

--- Я говорю, это потому что вы ---
солдат? Как и мне, вам привычнее приказывать
и прямые действия. Нам нелегко
применять методы ферейда. Мы с вами и
вправду «соль земли». На нас можно
положиться. Мы откликнемся на зов
долга. Но мы неспособны понять принципы
тайной войны. В ней невозможно победить
лазганати и огнететати.

Гаунт и Зорен хорошо обругали
ферейда. И расстелились.

--- Но, быть может, вам это удастся,
--- посерьезнел Зорен.

--- Почему мне?

--- Очень просто. ферейд решил
довериться вам. К тому же вы прежде
всего комиссар и уже потом --- полковник.
Вы --- политический офицер. А в этой
войне нет ничего, кроме проклятой
политики. Интриги. Ведь мы оба были на
Колчеданах. Почему он передал ключ вам,
а не мне? Почему я помогаю вам, а не

наоборот?

Гаунт снова ругнул Ферейда, но на этот раз его голос был ниже и злее.

Он собирался сказать что-то еще, когда на дверь обрушился настоящий град ударов. Комиссар сорвался с места и открыл ее. Снаружи стоял Корбек, запыхавшийся и разъяренный.

--- Что? --- насторожился Гаунт.

--- Вам лучше взглянуть на это, сэр. У нас трое убитых и один в критическом состоянии. Янтийцы пошли на мокрое дело.

Корбек привел Гаунта, Зорена и еще несколько человек в палубный лазарет, где дожидался Дорген.

--- Кольн, Фрель, Лонегин. --- Военврач указал на завернутые в ткань тела. --- Фейгор вон там.

Гаунт взглянул в сторону койки, на которой лежал адъютант Роуна. Фейгор

хрипло всасывал воздух через прозрачную трубку аппарата искусственного дыхания.

--- Колотая ножевая рана. Легкие сдают. Продержится не больше часа, если не будет нужного оборудования.

--- Что с Роуном? --- мрачно спросил Гаунт.

--- Как я и говорил, сэр, никаких следов, --- погался вперед Корбек. --- Это был рейд на нашу территорию. Должно быть, они взяли его в плен. Но они оставили нам знак. --- Корбек показал янтийскую кокарду. --- Пришпилили на лоб Кольну, --- добавил он с отвращением.

--- Для чего демонстрировать свою силу так грубо? --- озадаченно произнес Зорен.

--- Все это --- часть общего плана. Но янтийцы уже заявили о своей вражде с Призраками. Если эта история всплывет, это будет выглядеть как серьезное нарушение дисциплины. Грозит крупным взысканием. Но в то же время тогда никто не обратит внимания на истинные мотивы. Они хотят, чтобы их заметили... Под предлогом межполковой вражды они

могут вытворять все, что им
вздумается. -- Гаунт заметил, что все
смотрят на него. Мысли ускорились без. --
Значит, нам остается поступать так же.
Колл, удвой караулы на палубе. И еще одно:
собери ударный отряд и проведи ответный
рейд. Сам. Убей кого-нибудь для меня,
полковник.

Лицо Корбена расплылось в довольной
и очень недоброй улыбке.

-- Сыграет с ними в их же изру.
Доктор, -- обратился к Дордену Гаунт, --
под мою ответственность, вы получите
все необходимые материалы для
критических случаев.

-- Что вы задумали? -- спросил
военврач, вытирая руки.

Гаунт хорошенько обдумал
происходящее. Перстень Дерция не
сработал, и ему срочно требовался новый
план. Он тихо обругал себя за
самонадеянность. Теперь Призракам
придется начать все сначала. Им нужно
взломать этот кристалл, обороняясь от
прямого нападения. Однако Гаунт уже
действовал увереннее. Он справится.

Сенерь он сам гаст бой.

--- Мне нужен достун на командирский
мостик. Лично к капитану. Полковник
Зорен?

--- Слушаю?

Витрианин подошел ближе. Конечно
же, он не был готов к прямому удару в
челюсть. Полковник упал, схватившись за
разбитую в кровь губу.

--- Доложите об этом лорду-
капитану, -- ухмыльнулся Гаунт.

Его план уже начал претворяться в
действительность.

Чистый лазарет янтийской казармы
заливал яркий свет. Старший офицер
медицинской службы Янтийских
Патрицьев Гален Гартелл неторопливо
отвернулся от своего нового пациента.
Только сейчас он закончил обрабатывать
его раны. Это был настоящий оборванец.
Барвар. Санитары сказали, что это ---

Один из тех самых танитцев.

Худой, крепко сложенный человек с жестким, угловатым, но красивым лицом. Один его глаз опоясывала татуировка в виде взрывающейся звезды. В данный момент его гладкий висок был изуродован окровавленной раной. Майор Брохусс, помогавший нести его, недвусмысленно сказал: «Он должен жить».

— Что за варвар... Но какие раны... — так задумчиво бормотал Гартелл, когда промывал раны.

Ему было неприятно применять свои знания, чтобы спасти это животное, но его полк явно собирался выводить этого бандита, напавшего на Патрициев. Потом его, конечно же, благородно отошлют обратно, как знак превосходства янтийцев над недолюдьми, оказавшимися по соседству.

— Он жив, доктор? — Именно голос полковника Фленса заставил его повернуться.

— Жив, но на волосок от смерти. И я все еще не понимаю, почему я должен спасти это отребье и тратить на него

ценные медикаменты.

Фленс жестом приказал врачу замолчать и подошел ближе. За ним следовало нечто огромное, закутанное в темный балахон. Гартелл отступил на шаг. Второй посетитель был выше двух метров ростом, и его фигура была размыта, словно затянута дылкой.

— Кто это? — спросил врач, замороженно глядя на одеяние гостя. Только агенты Империи очень высокого статуса могли носить такие вещи.

— Что именно вам нужно? — спросил Фленс, игнорируя доктора.

— Черепные фиксаторы, невральные щупы. И пожалуй, несколько глиняных скальпелей. — Гость прошептал мимо Гартелла и стал рассматривать пациента.

— Простите, что? — сбивчиво произнес врач. — Что, именем Всеблагого Императора, вы собираетесь с ним сделать?

— Проучить эту тварь. Как следует проучить. — Из-под балахона появилась невероятно глиняная перекрученная рука и

постучала пальцем по лбу гвардейца.
Изогнутые бурые когти на месте ногтей.

--- Минуточку! Я здесь старший
медицинский работник! --- гневно
воскликнул Гартелл. --- Никто не смеет
проводить здесь операции без моего...

Быстрый взмах руки.

Гален Гартелл вдруг понял, что
смотрит на собственные ноги. Весь
остаток своей жизни он соображал, что же
с ним не так. Только когда его собственное
обезглавленное тело повалилось рядом, он
понял, что... этот ублюдок... отрубил... его
голову... нет...

--- Фленс, будь так добр, приберись
тут. --- Инквизитор Хелган беспечно
махнул глиняным скальпелем в сторону
трупа. А затем обернулся к пациенту. ---
Здравствуйте, майор Роун, ---
протурлыкал он. --- Давайте узнаем, какие
желания водятся в вашей душе.

Лорд-капитан Утамаг Трастик,
командир корабля массовой грузоперевозки
«Агентус Механикус «Авессалом»,
откинулся на высокую, обитую кожей
спинку командирского трона. Вокруг него
на приливных волнах гравитационного
поля покачивались гололиты. Капитан
поднял координационный жезл своей по-
детски пухлой рукой и коснулся одного из
них. Матово-черная поверхность ожила и
вспыхнула строчками янтарных символов.
Трастик внимательно перечитал сведения
о варп-смещении его корабля относительно
курса и повернулся к другой пластине,
чтобы проверить допустимую нагрузку
двигателя.

Из-под командирского трона
выбивались настоящие заросли рифленых
кабелей, а его спинку ползучими лианами
покрывали провода. Через них Трастик
чувствовал свой корабль. Большинство
этих кабелей покрывали кусочки
пергамента, исписанные кодами и
символами. Провода терновым венцом
свивались над головой капитана. Сквозь
выбитые разъемы они уходили в его череп.

мясистые щеки и позвоночник. Эти ниточки накрепко связывали его с кораблем. Благодаря им он узнавал общее состояние судна, целостность его структуры, уровень атмосферы на борту и настроение этого колосса, плывшего в звездной пустоте. Он ощущал действия каждого матроса и сервитора, подключенного к общей сети. Его пульс вторил далекий гул могучих двигателей.

Слово «огромный» более или менее подходило для описания Трастика. Большую часть его трехсоткилограммового веса составляла дряблая плоть. Его дотом всегда был стратегиум, бронированная сфера тишины и покоя среди кутерьмы командного мостика, на самой вершине главной надстройки «Авессалома». Он почти не выходил наружу. И давно не покидал своего трона.

Сто тридцать стандартных человеческих лет назад он унаследовал этот корабль от старого лорда-капитана Ульбенида. В те времена Трастик был высок и строен. К трону его приковала

сцепления к кораблю, ставшая настоящей зависимостью. И еще, пожалуй, лень. Будто чувствуя единение с машиной, его тело затегло свои процессы и стало таким же массивным и неповоротливым, как само грузовое судно. Судя Агентус Механикус разительно отличались от кораблей Имперского флота. Крупнее и неизмеримо старше любого флотского корабля, они тысячелетиями перевозили боевые машины Марса к далеким полям сражений. Их капитаны больше походили на принцев легендарных титанов, чей мозг был подключен напрямую к духу машины.

Трастик обратился к другому экрану, на котором он мог видеть тракторную катеру под мостиком. Здесь, в нишах стрельчатых арок, располагались его драгоценные навигаторы. Они тихо вывели координаты в Уматериуме и отслеживали его изменения. Их голоса складывались в негромкий, гармоничный хор информации. Трастик слушал, и каждый напев успокаивал его. Он уже передал скорректированные координаты

офицеру-рулевому. До Меназюндской Крепости оставалось всего-навсего два дневных цикла. На пути не ожидалось ни штормов, ни варп-штормов. Сигнал маяка Астрономикона, за психическим светом которого шли все корабли в Эмпирее, был на редкость чист и ясен. «Да будут благословенны песни Навис Нобилитэ, ибо им введом свет Луча Надежды, что освещает Золотую Трону», — низкопролетывал Грастик строчку из Морского Символа веры.

Сквозь броню его камеры донесся шум. Грастик нахмурился. Несколько голосов что-то громко и напряженно обсуждали. Брови капитана сошлись к переносице. Он развернул свой трон к смотровой арке стратегиума.

— Мичман Лекюланци, — произнес он в расструб внутренней связи, свисавший с потолка на латунных проводах, — будьте добры подойти сюда и объяснить этот беспорядок на мостике.

Одним взмахом жезла капитан опустил грозовой щит, закрывавший смотровую арку, и в рубку вбежал

перепуганный Лекүланци. Мичман
смотрел на тушу своего командира. От
волнения он не знал, куда деть руки,
поэтому то тербил кант кителя, то
принимался размахивать
координационным жезлом. Нечасто ему
приходилось отчитываться перед
капитаном лично.

--- Лорд-капитан, старший офицер
Имперской Гвардии требует вашей личной
явки. Он хочет заявить
официальный протест.

--- Единица груза хочет заявить
протест? --- вскинул брови Трастик.

--- Пассажир, сэр, --- уточнил
Лекүланци, согрозившись при звуке
настоящего голоса капитана.

Трастик, как всегда, пропустил эту
деталь мимо ушей. Он не привык
перевозить людей. Они казались такими
незначительными в сравнении с
богатами, которые он обычно брал на
борт. Но эти человечки освободили
Фортис Бинари, и техножрецы
предоставили им его корабль. Это что-то
вроде благодарности, решил тогда

капитан.

Грасрик не любил Лекүланци. После того как три месяца назад его личный адъютант погиб во время варп-шторма, Агенгүс прислали взамен этого щенка. Его способности на службе были более чем сомнительны, а хрупкое строение личмана казалось Грасрику просто отвратительным.

— Пусть войдет, — распорядился Грасрик.

Его развлекала эта неожиданность. Для разнообразия можно поговорить с живым человеком, используя собственный рот. Посмотреть на живое тело, ощутить его естественные запахи и тепло.

В помещение стратегиута вошел полковник Зорен, сопровождаемый вооруженными матросами. На лице офицера красовались огромный синяк и свежий шрам.

— Можете говорить, — произнес Грасрик.

— Лорд-капитан, — заговорил офицер, играя экзотическим акцентом дальних

тиров.

Трастик опустил пухлые веки и улыбнулся. Звук этого голоса ему нравился.

--- Полковник Витрийских Драгун Зорен. Мой полк был удостоен чести ступить на борт вашего корабля. Однако я хотел бы подать официальную жалобу на неопозволительно низкий уровень безопасности в казармах. У нас произошел конфликт с этими неотесанными дикарями, танитцами. Я пытался поговорить с их старшим офицером по поводу нескольких инцидентов и был избит, как видите.

Подключенные к мозгу капитана провода передали ему колебания испытующего психополя, окружавшего его катеру. Офицер говорил правду. Этот танитский командир... Таунт вроде бы... действительно ударил его. На более низких уровнях проглядывали какие-то недомолвки. Трастик списал это на волнение от лицезрения лорда-капитана.

--- Такие дела находятся в ведении главы службы безопасности, присутствующего здесь. Нормы поведения

на борту в его компетенции. Не
беспокойте меня такими пустяками.

Зорен глянул на мичмана. Тот явно
хотел оказаться где-нибудь подальше
отсюда.

Общее молчание было прервано, когда
в стратегиум ворвалась новая фигура.
Высокий человек в кожаном плаще и
комиссарской фуражке. Повинуясь
рефлексу, матросы взяли его на мушку.
Комиссар и бровью не повел.

--- Лекланци --- жалкий нижон, ---
произнес он. --- Он не способен исполнять
свои прямые обязанности, не то чтобы
поддерживать безопасность на корабле.

Новый участник разговора был
потрясающе стел и бесцеремонен.
Никакого обращения по уставу и никаких
заискивающих речей. Грастик был немало
впечатлен. Если не сказать --- сбит с
толку.

--- Мое имя --- Гаунт, --- продолжал
комиссар. --- На казармы моего полка было
совершено нападение, а на мою жизнь
покушались убийцы. Трое моих солдат
убиты, один тяжело ранен и находится

при смерти. Один из моих офицеров похищен. Я считал виновными людей полковника Зорена и ошибочно напал на него. На самом деле нападение совершили Янтийские Патриции. Поэтому я прошу вас лично призвать к ответу командный состав этого полка.

Трастик снова уловил легкие колебания лжи в психополе и снова списал их на мощное впечатление, которое он производил на людей собственным присутствием. В остальном же Гаунт по всем показателям был безукоризненно честен.

— У вас есть убитые? — В голосе капитана прозвучало беспокойство.

— Да, трое. К тому же мне нужно ваше разрешение на использование запасов медицинских ресурсов Муниториума, чтобы спасти жизнь одного из моих людей.

«Это насекомое опозорило меня! На моем собственном мостике!» — вдруг осознал Трастик.

Его мысли стесались. Капитан отсекал шестьдесят процентов информации, влияемой в его мозг, чтобы как следует

сконцентрироваться. Первый раз за несколько десятилетий он столкнулся с проблемой, касающейся груза. Пассажиры! Да, пассажиры, так сказал Лекүланци. Трастик заерзал на троне. Неслыханно! Позор! Эту проблему следовало решить гораздо раньше. До того, как груз повредили и убили. До того, как жалобы дошли до самого капитана.

Трастик коснулся жезлом еще одного гололита. Он не ударит в грязь лицом перед этими ползучими червями из плоти. В конце концов, он здесь капитан, лорд-капитан! И он докажет, что безопасность этих человечков всецело в его руках.

— Ваши медработники получают соответствующий допуск. Я даю свое формальное разрешение на использование медицинских запасов.

— Неплохо для начала, — улыбнулся Гаунт. — А теперь я требую арестовать янтийцев и подвергнуть наказанию их командиров.

Теперь капитан испытал настоящее потрясение. Он приподнялся на мясистых

локтях с трона. Впервые за пятнадцать месяцев его спина оторвалась от кожаной спинки. Скрипнула вытокшая кожа. Помещение наполнилось вонью пота и засохших нечистот.

— Я не потерплю такого обращения! — Трастик старался, чтобы его мягкий голос звучал угрожающе. Каждое слово сотрясало покровы дряблой плоти вокруг маленького рта. — Никто не смеет разговаривать со мной в таком тоне!

— Как невежливо! Не стоит угрожать нам. Нам нужен результат, и немедленно! — К удивлению капитана, эти слова произнес Зорен. Он встал плечом к плечу с Гаунтом. Поначалу он казался более покорным и дисциплинированным, но теперь и он открыто требовал от Трастика действий. — Арестуйте Патрицьев и подвергните их суду за нападение. Иначе вы рискуете получить восстание на собственном корабле. Тысячи опытных ветеранов, жаждущих крови, — представьте себе это! Ваши солдаты не способны справиться с ними. — Он скептически глянул на матросов.

--- Вы угрожаете мне мятежом?! ---
Трастик задохнулся от этой мысли. --- Я прикажу заковать вас в кандалы за одно это слово!

--- Значит, вы отгораживаетесь от того, что не хотите видеть? --- Гаунт шагнул ближе к трону. Один из матросов попытался схватить его, но комиссар легко ушел от захвата и свалил солдата точным ударом. --- Скажите мне, кто вы? Командир корабля? Или беспомощное жирное ничтожество, прячущееся в этом коконе?

Бледный от ужаса Лекюланци отшатнулся к стене, хватая ртом воздух. Никто и никогда не остеливался так разговаривать с лорд-капитаном! Никто...

Трастик почти встал со своего трона и зло отшвырнул в сторону фотологические панели. Плававшие вокруг него устройства, будто живые, забились в дальний угол камеры. Трясаясь всем необъятным телом от ярости, Трастик сверкнул гневным взглядом на гвардейских офицеров.

--- Ну так что? --- спросил Гаунт.

Многое из произошедшего с Трастиком в этот день не случилось с ним годами. Как и то, что он начал громко орать глубоким низким голосом.

Зорен бросил нервный взгляд на Гаунта — не перегибают ли они палку? Легкое спокойствие комиссара вернулось ему уверенность. Вспомнив их план, он начал в один голос с Гаунтом ругаться с капитаном.

В душе комиссар злорадно улыбался. Они отвлекли капитана на славу.

Снаружи, в огромном, холодном зале мостика, рулевые оторвались от темных штурвалов и рычагов и озадаченно переглянулись. Из бронированной рубки капитана раздавался утробный рев. Похоже, капитан так разозлился, что забыл о большинстве бортовых систем. Неслыханный, невероятный случай.

Возле арки стратегиума неуверенно перетинались матросы.

— Ну, входим? — прохрипел в коммуникатор один из них.

Однако никому не хотелось попасть под горячую руку лорда-капитана.

Гардеташины даже пожалели безмозглых гвардейских офицеров, так разозливших его.

Гаунту было наплевать. Именно этого он и добивался.

Старший военврач Дорден отворил бронированную переборку хранилища Муниториута. За старым лекарством следовала его небольшая разношерстная свита -- Каффран, Брин Майло и Браг.

Они нырнули в густой запах антисептиков и ионизирующих фильтров, царивший в огромном зале. Серую палубу под ногами скрывал слой просеянного песка. Дорден взглянул на ручной хронометр.

-- У пробил час, -- торжественно произнес он.

-- Кого побил? -- не понял Браг.

-- Никого. Я имел в виду -- сейчас или никогда, -- объяснил Дорден. -- У комиссара было достаточно времени, чтобы

пробиться к капитану.

--- Все равно я ничего не понял. --- Браз
задаченно поскреб мощную челюсть. ---
Чем это все нам поможет? Что там
задумал наш старый духотворец?

--- Это называется диверсия, --- шепнул
Майло. --- Не беспокойся о таких мелочах.
Просто не думай и делай, что велено.

--- А вот это по мне! --- радостно
объявил Браз, вызвав улыбку Каффрана.

Вход в зал презграждала стальная
решетка. Возле нее трое офицеров в
униформе Муниториума были заняты
работой при низких пультах управления.
Потомо них в зале присутствовало
караульное отделение --- семь вооруженных
матросов.

Дорген уверенно прошествовал к
решетке и постучал кулаком.

--- Мне нужны медикаменты! ---
крикнул он. --- Скорее! Вопрос жизни и
смерти!

Один из офицеров Муниториума,
низкорослый, коренастый мужчина в
униформе защитного цвета, встал из-за
пульта, оставив фортенный плащ на

спинке стула. В каждом его движении чувствовалась немалая физическая сила. На висках, щеках и шее сияли хромоты, разъемы и имплантаты. На ходу он отключил кабель, тянувшийся к шейному разъему.

--- Мне необходимо реквизировать данные медицинские препараты, --- Дорген вынул информационный планшет и сунул под нос офицеру.

Тот невозмутимо взял из его руки планшет и стал просматривать данные. Тем временем матросы собрались в центре зала. Майло расслышал тревожные сигналы их шлемовых передатчиков. Наконец один из них повернулся к офицеру Муниториума.

--- Проблемы на мостике, --- сообщил он через коммуникатор, искаживший его голос. --- Опять какая-то заварушка с гвардейцами. Приказано передислоцироваться на казарменные палубы для несения караула.

--- Да как угодно, --- отмахнулся офицер Муниториума.

Будто следуя этому жесту, матросы

спешно покинули хранилище. В дверях остался лишь один солдат. Офицер, дочитав список, ототкнул замок и выпустил Призраков на склад.

--- Лорд-капитан Грастик
уполномочил вас взять необходимые медикаменты. Вам туда, одиннадцатое помещение. Берите, что вам нужно. ---
Подумав, офицер добавил: --- Только то, что нужно. Я проверю на выходе. Никаких анальгетиков без письменного разрешения не выносите. И не вздумайте прикалывать что-нибудь лишнее.

--- Фес твою мать! --- прорычал Дорген, забрал планшет и позвал жестом остальных. --- У нас пациент утирает! По-вашему, мы сюда пришли тарогерствовать?

Офицер не удостоил его ответом и вернулся к работе. Дорген вел гвардейцев через лабиринт складских помещений, мимо огромных цистерн с воздухом, атфору с вином и штабелей ящиков с провизией, возвышавшихся до потолка. В полутраке они набрали на соединительный туннель, коридоры которого расползались по

бесчисленным складским помещениям корабля.

— Медицинские препараты вон там, — указал Каффран, прочитав указатель на стене.

— Смотрите, там пульт, — Майло указал на одну из сутрачных арок, из которой сочился зеленоватый свет монитора автокаталога Муниториума.

— Прекрасно, пока все по плану. У нас пять минут. Вперед!

В сопровождении Брага Дорген ворвался в хранилище и начал деловито собирать с черных металлических полок катушки стерильной тарли, банки с антисептической мазью и упаковки стерильных хирургических инструментов. В арке у стены Браз нашел несколько грузовых тележек. Прихватив одну, он следовал за Доргеном, собирая медикаменты.

Майло и Каффран скрылись в темном помещении, где виднелся свет монитора. Агьютант тут же занял место за панелью управления. Порывшись в карманах, он достал запотевшую

пластинку, записанную комиссаром, и осторожно ввел ее в приемный слот на панели машины. Мигнули два бирюзовых огонька — машина распознала пластинку. Майло так отчаянно старался не забыть инструкции Гаунта, что у него дрожали руки.

— Как думаешь, сработает? — не оборачиваясь, спросил Каффран, следивший за дверью. В его руках терцало серебряного ножа.

Банк памяти автокаталога Мониторинга был напрямую подключен к основному вычислителю корабля. Повторяя инструкции комиссара пункт за пунктом, Майло набирал ключевые слова поиска, торопливо стуча по костяным клавишам. С этого терминала можно было получить доступ к любой информации в базах данных корабля, включая закрытую для собственного вычислителя Гаунта.

— Шевелись, мальчик! — нервно прошипел Каффран.

Майло не стал отвечать, хотя обращение «мальчик» его раздражало. Агьютант следовал тексту инструкции

Гаунта, светившемся на поверхности пластинки. Все быстрее щелкали клавиши, раздавалось ритмичное постукивание пальцев.

--- Вот оно! Вроде бы...

Он неуверенно нажал одну из командных клавиш, и аппарат откликнулся тихим гулом. Информация медленно перетекала в пластину. Колиссар будет им гордиться, это точно. Майло внимательно слушал его непонятный рассказ о работе с древними машинами.

Тем временем на складе медикаментов Дорден отвлекся от заполнения тележки и бросил беспокойный взгляд на хронометр. Это беспокойство передалось и Брагу.

--- Какого феса они так долго, --- раздраженно произнес он.

--- Я могу сходить посмотреть... --- предложил Браг.

--- Нет, мы еще не все взяли, --- отрезал Дорден и отправился на поиски синтетической кожной мастики.

Пальцы Майло наконец оторвались от клавиатуры.

--- Все, готово, --- объявил он.

Каффран молчал. Майло посмотрел на него и затер. У виска гвардейца маячил ствол флотского гробовика. Гардемарин ничего не сказал, только кивком приказал Майло немедленно встать.

Агьютант подчинился, держа руки на виду.

--- Хорошо, --- прохрипел сквозь шлем матрос и указал стволом оружия туда, где должен был встать Майло.

Каффран резко ударил локтем в корпус матроса, целясь в солнечное сплетение. Чешуйчатый доспех остановил удар, и солдат отшвырнул Каффрана к стене.

Майло бросился в сторону.

В темноте вспыхнул выстрел.

За то время, пока они ожидали в
мени, они стояли как следует разглядеть
казарму янтийцев, очевидно лучшую на
борту. На палубу вела широкая аппарель по
которой можно было провезти груз любых
размеров и массы. Электрические факелы
отбрасывали долгие сиреневые тени на
плитку пола.

Дальнюю часть аппарели
патрулировали двое янтийцев в полной
боевой броне и с шокowymi глубинками
наготове. Они о чем-то болтали, когда
прямо перед ними появился Паркин.
Снайпер выглядел так, будто не там
свернул и теперь заблудился. Патриции
ошеломленно уставились на него. Паркин в
свою очередь затер. Его худое лицо
искажилось гримасой ужаса.
Чертыхнувшись, он бросился бежать.

Патриции кинулись в погоню,
выкрикивая что-то кровожадное. Они
пробежали не больше десяти шагов. За их
спиной тень ожила и исторгла четверых
Призраков. Скинув камуфляжные плащи,
Маколл, Бару, Варл и Корбек навалились
на янтийцев со спины. Последовал каскад

угаров шоковыми глубинками, блеснули
серебристые ножи. Вскоре темнота
коридора скрыла два трупа.

— Почему роль фесовой наживки
всегда играю я? — возмущился Ларкин,
проходя мимо Корбека. Тот стирал кровь с
пола краем плаща.

— У тебя характерное выражение
лица, — съязвил Варл, и полковник
беззлобно ухмыльнулся.

— Глядите, что я нашел! — тихо
позвал Бару.

Улыбаясь, он выудил из темного угла
то, что оставили здесь убитые янтийцы.
Оружие. Экзотическая антикварная
винтовка со скользящим затвором.
Длинный ствол, расписанный узорными
приклад. И старый, но вполне боееспособный
полповый стабган с полным патронташем
в пригачу. Все это оружие никогда не
стояло на вооружении Гвардии, и, уж
конечно, оно было куда менее совершенно
технологически, чем простое и
неприхотливое оружие гвардейцев. Корбек
сразу понял, откуда взялись эти изгрүшки.

— Солдатские сувениры, значит, —

промурылкал он, остатривая стабзан.

Большинство гвардейцев были нагки на такие трофеи. Они прятали их в вештешках, продавали, хранили как память или просто приберегали как лишний ствол на черный день. Корбек прекрасно знал: большинство Призраков тоже могут похвастаться такими сувенирами. Но они законопослушно сдали их вместе со штатным оружием при погрузке на борт. Почему-то его не удивило, что янтийцы предпочли оставить при себе незарегистрированное оружие. Видимо, часовые захватили свои трофеи на тот случай, если глубинок вдруг окажется недостаточно.

Винтовку вручили Ларкину. О том, кто лучше с ней управится, не стоило и спорить. Похоже, внушительный вес оружия в руках успокаивал старого снайпера. Глядя на винтовку, он облизнул тонкие губы. Всю дорогу он возмущался по поводу своего вынужденного участия в этом рейде возмездия.

--- Так нельзя! Если нас застукуют с такими изгрудками, не миновать нам

растреляла!

--- Мы восстанавливаем честь
собственного полка, --- просто ответил
Корбек. Полковник знал, на какой риск
идет, но оставался тверд в своем
решении. --- Дело чести, понимаешь? Они
убили Лонезина, Кольна и Фреля. Подумай
о том, что они сделали с Фейгором. И что
еще могут сделать с майором. Комиссар
приказал отплатить кровью за кровь. Я
только рад подчиниться такому приказу.

Корбек утолчал о том, что взял
Ларкина исключительно благодаря его
великолепным навыкам маскировки. Не
выдал он и подлинную задачу рейда
отвлечь внимание, сбить с толку. А еще
убедить всех, что происходящее на
«Авессаломе» --- всего лишь бездумная
казарменная грызня. Так же поступали
японец.

Беззвучными тенями Призраки
скользнули на палубу Патрицьев. Из одного
коридора доносились нетрезвое пение и
звон посуды. Из другого --- хлесткие удары
шковых глубин в тренировочном зале.

--- Как далеко мы должны зайти? ---

и потом спросил Маколл.

--- Они убили троих и еще двоих ранили. --- Корбек пожал плечами. --- Как минимум сравняем счет.

К тому же полковник хотел выяснить, что произошло с Роуном, и по возможности спасти его. Но его не оставляла мысль, что майора уже не найти среди живых.

Маколл, командир танитского разведывательного взвода, был настоящим гением маскировки. Полковник направил его вместе с Бару вперед, и разведчики растворились в зыбком полутраке.

Оставшиеся трое гвардейцев выжидали. Неожиданно гул двигателей стал прерывистым, даже болезненным.

--- Надеюсь, это не какое-нибудь варп-безумие... --- пробормотал себе под нос Корбек. Потом он сообразил, что это может быть делом рук Таунта. Комиссар говорил, что собирается как следует разозлить капитана.

Из темноты вынырнул Бару.

--- Нам улыбнулась удача, --- прошепел он. --- Еще как улыбнулась! Пошли, сами

увидите.

Маколл ждал на углу коридора, укрываясь за лепниной арки. Из-за поворота выдвинулся свет.

--- Лазарет, --- шепнул диверсант. --- Я подходил ближе. У них там Роун.

--- Сколько там янтийцев?

--- Двое. Офицер --- кажется, полковник. И еще кто-то, в глинном балахоне. Мне очень не нравится, как они выглядят...

Внезапно воздух согрознулся от жуткого вопля, переходящего в плач. Призраки оцепенели. Голос Роуна.

Тяжелый ботинок матроса врезался в бок Каффрана, перевернув его на спину. В лицо уставился гробовик. Солдат собирался прикончить танитца. Затхлый воздух склада Мониторинга разрывал визг сирен безопасности, оповещающая об использовании стрелкового оружия.

Матрос передернул затвор, но выстрелить так и не успел. Чей-то огромный кулак врезался в его тело и отбросил на картонные коробки в углу. Браз легко поднял оглушенного матроса наизголовья и швырнул в коридор. Тело приземлилось в нескольких шагах от него с громким, неприятным хрустом.

--- Бринни! Эй, Бринни! ---
Обеспокоенный голос Брага перекрывал даже вой сирены.

Майло выбрался из-за автокаталога. Заряд дробы вместо него принял монитор.

--- В порядке, --- отозвался адъютант.

Браз закинул избитого Каффрана на плечо. Тем временем Майло успел поглотить чудом уцелевшую запоминающую пластинку.

--- Уходим! --- крикнул он. --- Скорее!

Через минуту они уже толкали перегруженную тележку вместе с Дорденом. Офицеры Мониториума и матросы тчались им навстречу.

--- Фес вас дери, наконец-то! Наконец-то вы здесь! --- нервно вскричал военврач. --- Там эти ненормальные янтйцы! Они

напали на нас! Ваш человек дрался с ними, но ему не справиться! Скорее! Скорее же!

Дорден оказался неплохим актером.

Большая часть матросов с тяжелым топотом рванулась к месту перестрелки, торопливо передергивая затворы. Только один солдат остался стоять на месте, подозрительно глядя на Призраков.

— Задержитесь. Нам придется вас досмотреть.

Дорден остановился и протянул матросу информационный планшет.

— А вот это для вас что-нибудь значит? — спросил он уже с ледяным спокойствием. — Прямой приказ вашего капитана? У меня в лазарете умирает человек! Эти медикаменты мне нужны немедленно. Хотите получить еще одного жертвеца на борту? Просто из-за того, что какой-то фес решил...

Не став слушать дальше, матрос простомахнул рукой и поспешил за своим отделением.

— Я думал, у вас тут высокий уровень безопасности! — гневно бросил Дорден офицеру на выходе.

Наконец тележка оказалась в лифте,
двери захлопнулись. Гвардейцы
одновременно оперлись на стену, пытаясь
отдышаться.

--- Достал? --- выдал из себя Дорген,
переводя дыхание.

--- Вроде да.

--- «Там эти ненормальные янтийцы! ---
со стехом передразнил доктора
Каффран. --- Они напали на нас! Ваш
человек дрался с ними, но ему не
справиться! Скорее!» Вот это какого феса
было?

--- Очень... вдохновенно, --- подобрал
слово Браз.

--- Дома я был доктором... А еще
работал секретарем в Народном театре
графства Прайз. Мой принц Тейгот
пользовался успехом, надо сказать...

Тесная камера лифта заходила
ходунот от стеха.

Отряд Корбека был готов к атаке. В этот момент палубные вокс-передатчики зазвучали пронзительным воем сирены безопасности. Оглушительные звуки металась под сводами коридоров. Нагнетались и гверьти вспыхнули предупредительные знаки.

Полковник едва успел отвести Призраков в укрытие, когда в дверях лазарета показались две фигуры. Со всех сторон суетились отряды дозорных янтийцев. Внутренняя связь не выдерживала напора сообщений. Патриции безуспешно пытались понять, что произошло.

Корбек разглядел среди них янтийских офицеров — фленса, Брохусса — и еще одного. Огромная, едва ли человеческая фигура, словно окутанная густым туманом. По спине полковника пробежал холодок ужаса.

— На складской палубе Муниторiums открыт огонь, — докладывал янтийский связист с тяжелой рацией на спине. — Флотская служба безопасности уже наводит там порядок. Сэр, основные

каналы забиты докладами. Они винят во всем нас, сэр! Говорят, что мы напали на танитское отребье в одной из камер склада!

Фленс громко выругался.

--- Гаунт! Этот сүкин сын пытается переиграть нас на нашем же поле! --- Янтийский полковник повернулся к своим солдатам: --- Брехүсс, обезопасить периметр палубы! Охрана, со мной!

--- Я останүсь здесь и закончү работу. --- Из-под капюшона огромной фигуры донеслись глубокие перекаты голоса. Корбек согрөгнүлся от одного его звүка.

Янтийские гвардейцы спешили выполнять приказы своего полковника. Среди всей этой неразберихи огромное сүщество остановило фленса, положив рүкү на его плечо. Или, пожалуй, когтистую лапү. Корбека снова передернүло.

--- Это все не очень хорошо, --- выдохнүло сүщество, и Фленс бүквально затрясся от страха. --- Воздействүй на солдата вроде Гаунта грубой силой --- и получишь тү же грубүю силү в ответ.

Похоже, вы недооценили его политические таланты. Боюсь, он действительно переиграл вас, полковник. И если я прав, вы можете начинать опасаться за свою жизнь.

Фленс нашел в себе силы сбросить ружьё и поторопился убраться подальше.

--- Я разберусь с этим, --- пообещал он, не оборачиваясь.

Гигантское существо проводило его взглядом и неспешно направилось обратно в лазарет.

--- Ну, что теперь будем делать? --- как можно тише спросил Варл.

--- Скажи, что ты просто вернешься к себе, --- почти обреченно произнес Ларкин.

Из лазарета донесся еще один вопль.

--- А вы как думаете? --- спросил Корбек.

Всегда тихую и спокойную камеру стратегиста огласил вой сирен. Трасти

тяжело опустился на свой трон и поманил
железом голографические пластины. Те
послушно окружили капитана. Трастик
принялся читать информацию на
дисплеях и громко выругался.

Гаунт и Зорен переглянулись. «Только
бы все это не вышло из-под нашего
контроля», — мельком подумал комиссар.

— Перестрелка в трюме, на складах
Мониториума! — Капитан приподнялся и
равкнул на Лекланци: — Мне сообщают,
что это нападение янтийцев!

— Пострадал кто-то из моих людей? —
Гаунт подался вперед. — Я же говорил,
Матриции собираются...

— Заткнитесь, пожалуйста,
комиссар, — кисло отозвался Трастик.
Похоже, это был самый отвратительный
день в его жизни. — Информация пока не
подтверждена. Мичман, ступайте
разберитесь!

Лекланци кубарем выкатился из
рубки.

Трастик повернулся к гвардейским
командирам:

— Проблема требует моего

безраздельного внимания. Я пошлю за вами, как только у меня появится время для серьезного разговора.

Зорен и Таунт кивнули и без лишних слов покинули стратегиум. Офицеры прорвались сквозь свету и неразбериху нефа капитанского мостика и оказались в лифте. Их проводил неживой хор динамиков лифта.

--- Сработало? --- озадаченно спросил Зорен.

--- Молитесь Трону... --- только и ответил комиссар.

Лазарет они штурмовали как на учениях.

В просторном помещении с низким потолком существо в темном балахоне склонилось над кушеткой, к которой был привязан кричащий Роун. Вход охраняли двое янтийских гвардейцев. Корбек просто проскочил мимо них. Выходя из подката,

он вскинул гробовик. Почувствовав неладное, гигант оставил майора и обернулся — как раз вовремя, чтобы встретиться с зарядом гроби. Существо рухнуло на один из столов, раскидав аппараты ресусцитрекса.

Поняв, что происходит, янтийцы схватились за оружие. В этот момент ворвались Маколл и Бару, и танитские ножи быстро нашли свои жертвы. Вскочив на ноги, Корбек закинул оружие за плечо и стал отвязывать майора. Роун был жив, но потинутно терял сознание.

— Фес святой... — выдохнул полковник. Лицо, шея и тело Роуна были исполосованы свежими алыми линиями. Корбек отвязал его и взвалил бессильное тело на плечи. — Все, Роун, пора готовой.

— Убирается отсюда! — крикнул Маколл, слыша новые гудки сирен. Сработала система безопасности казармы.

— Поведешь нас! — Корбек кинул ему гробовик. — Прорвется с боем, если потребуется!

— Полковник! — раздался перепуганный голос Бару.

Держа на себе Роуна, Корбек едва-едва смог обернуться.

Огромное существо тяжело поднималось на ноги. Его капюшон упал, и гвардейцы в ужасе смотрели на звериную морду и оголенные зубы чудовища. В глазах существа, когда-то бывшего человеком, билась ярость. Фиолетовые разряды оплели его тело мрачной паутиной.

Корбек почувствовал, как стремительно леденеет воздух в комнате. «Фесова магия», — только и успел подумать он, прежде чем шея чудовища взорвалась.

Ларкин опустил старинную винтовку и оперся о дверной косяк.

— Ну, теперь мы можем возвращаться?

Гаунт принял из рук Майло записанную пластинку памяти. Он

захлопнул дверь перед столпившимися
снаружи Призраками. В его каюте
остались только Зорен, Майло и Корбек.
Все трое настороженно смотрели на него.

--- Надеюсь, эта штука стоила всей
этой кутерьмы, --- озвучил общее мнение
Корбек.

Комиссар кивнул. Они шли на
невероятный риск. Правда, если бы не
варварские методы янтийцев, ничего бы у
них не вышло. Весь корабль кипел
лихорадочной деятельностью. Силы
безопасности *Agentys* *Mechanikus*
заполнили все коридоры. Огню казарму за-
грудой переворачивали вверх дном. Слухи,
обвинения и угрозы сталкивались со
встречными слухами, обвинениями и
обещаниями.

Гаунт понимал, что и сам
достаточно замаран во всем этом. Его
полк сражался с янтийцами на борту, и
ему предстоит ответить за это. Но
истинную цену ставок в этой игре знают
только он и его тайные противники.

Пластина и кристалл заняли свои
места в разъемах вычислителя. Гаунт

нажал несколько клавиш.

Ничего.

--- Не работает, --- констатировал
Зорен.

Он снова был прав. Насколько Гаунт
мог судить, Майло выкрал последнюю
версию кодов доступа через терминал
Мониториума. Но и они не работали.
Более того: он не мог даже запустить
механизм декодирования.

Гаунт разразился руганью.

--- А перстень? --- предложил Майло.

Комиссар затер. Пошарив в карманах,
он достал кольцо Дерция и установил его
печаткой в один из разъемов.

Перстень был стар и не мог вскрыть
защиту кристалла сам по себе. Тем не
менее в нем использовалась стандартная
криптографическая система. И она
открыла доступ к новым кодам. Экран
вычислителя на некоторое время
наполнился бессмысленными сочетаниями
символов. Закодированный текст
изменялся на глазах, слова
перетекали, буквы и символы
менялись местами, превращаясь во что-то

новое. Наконец кристалл сдался. Все его тайны выплеснулись наружу голографической проекцией.

--- Вот фес... --- выдохнул Корбек, в смятении пытавшийся понять написанное. --- И что все это значит?

Майло и Гаунт будто и не слышали его, вчитываясь в детали.

--- Чертежи. --- В голосе Зорена сквозило благоговение. --- Золотой Трон, я не так уж хорошо в этом разбираюсь, но если я правильно понял... Теперь ясно, почему все так гоняются за этой штукой.

--- Смотрите, карта. --- Майло указал на одну из голографических вставок. --- Здесь обозначено место. Где это?

Гаунт пристотрелся и кивнул сам себе. Теперь все обретало смысл. Понятно, почему Ферейг доверил кристалл именно ему. Все было куда сложнее, чем подозревал комиссар.

--- Меназонг Эпсилон, --- трачно произнес Гаунт.

Хеггийцы не ожидали нападения зимой. Но для Имперской Гвардии Верховных лордов Терры, чьи солдаты коротали время между кампаниями на кораблях, плывущих сквозь вековой холод космоса, не было разницы между временами года. Они сожгли два становища в устье реки Хиорт, где фьорды открывают свои объятия ледяному морю в россынях островов. Потом они двинулись на мерзлые плоскогорья, где обосновались кочевники, гонимавшие имперские заставы летними набегами.

Здесь воздух был прозрачен и чист. Высокие небеса расстилались над ним сияющей бирюзой. Окутанная клубами снега и черного дыма колонна бронетехники на всей скорости вспарывала белое полотно ледяной пустыни. «Химеры», местные полугусеничные броневики на лыжном шасси, огнемётные машины «Агская гончая» и танки «Леман Русс» с мощными бульдозерными отвалами.

Сквозь белую краску, усеянную голубыми и серыми пятнами, все еще проглядывали камуфляж хаки их последней кампании на Провиденции Ленгикюла. Неизменными оставались лишь серебряные имперские орлы и пурпурная символика янтийских полков, украшавшие борта грохочущих боевых машин.

«Часовые», высланные в авангард для разведки, обнаружили хелюку кочевников. Она одиноко расположилась на склоне потрясающе-зеленого цвета ледника. Генерал Альдо Дерций остановил колонну, выбрался из люка и устроился на башне командирского танка. Стянув меховые рукавицы, он стал просматривать мутные распечатки, снятые бортовым фотоаппаратом «Часового».

На первый взгляд — обычная хелюка. Частокол из обтесанных стволов местных хвойных деревьев. За ним — несколько меньше двадцати округлых юрт из огромных ребер, обтянутых шкурами тахишей. К частоколу примыкал большой загон. В нем содержалось десятков шесть анахигов — стердящих, сгорбленных

бескрылых птиц, которых хедгийцы держали в качестве ездовых животных. Проклятые твари... Эти птицы выглядели неуклюжими и смешными, но они бежали по снегу быстрее, чем разгруженная «Химера», и куда легче поворачивали среди сугробов. Под их сальным, свалавшимся мехом прятался слой прочной чешуи, способной выдержать лазерный огонь. А зубчатые клювы анахизов легко перекусывали человека пополам.

Дерций снял защитные очки, чтобы разглядеть снимки как следует, и поторщился от нестерпимой белизны снежной равнины. Экипаж командирского «Лемана Рүсса» воспользовался нежданной передышкой, танкисты выбрались из тесной коробки танка и разминали затекшие конечности. Кто-то уже разогревал густой кофеин на переносной печке. Двое агьютантов-телохранителей Дерция обмазывали покусанные морозом лица и кисти рук жиром тахишей, который туземцы продавали в таленьких круглых жестянках. Дерций невольно улыбнулся этой легкой иронии. Многие

небезосновательно считали Патрициев
брезгливыми и высокомерными. И все же
они не были обделены находчивостью. Во
всяком случае, они могли поступиться
гордостью и намазать лицо махишевым
жиром, чтобы избежать обморожения.

Агьютант Брохусс, закончив
неприятную процедуру, убрал баночку в
карман фиолетовой зимней куртки,
погбитой мехом, и передал жестяную
кружку кофеина наверх, генералу.

Дерций с благодарностью принял
горячий напиток. Молодой, крепко
сколоченный агьютант кивнул на снимки,
разложенные на броне перед генералом:

— Новая цель? Или просто еще одна
кучка охотников?

— Это я и пытаюсь понять, —
откликнулся Дерций.

Их отряд восемь дней как покинул
пустыню Хиорт. Первая же атака на
плоскогорье прошла успешно — они
разорили становье налетчиков.
Следующие четыре дня они потратили
впустую, разрушив несколько хелюк
тирных охотников и скотоводов, где

маленькими семьями жили местные
оборванцы. Дерций желал новых побед. На
стороне Улперской Гвардии сейчас были
технология, численность и огневая мощь.
На стороне кочевников — упорство
защитников собственной родины,
фанатизм и суровый климат.

Дерций отлично знал, сколько
победоносных кампаний захлебнулось, когда
неприятель удачно использовал местные
условия. Меньше всего он желал
ввязываться в бесконечную войну на
истощение с противником, которого
невозможно поймать. Хеддуйцы прекрасно
знали свою прекрасную и жестокую
планету. Патриции могли бы
выслеживать их здесь месяцами, тратя
силы на борьбу с молниеносными набегами
кочевников. Если бы только у них был
какой-нибудь штаб, столица, которую
можно найти, осадить и взять. Но
хеддуйцы с незапамятных времен были
дикими кочевниками. Это их земля. И они
останутся ее хозяевами, пока их не
удастся прижать к стенке и вызвать на
открытый бой.

Дерций не отчаивался. Военный мастер Слайдо обещал прислать еще три полка в помощь его Четвертому и Одиннадцатому Янтийским. Всего через пару дней...

Он вернулся к распечаткам. Генералу показалось, что он все же разглядел на них нечто подозрительное.

— Мне кажется, на этот раз мы не промахнулись, — сказал он Брохуссу, потягивая кофеин. — Смотри, довольно большой поселок. Больше, чем те охотничьи хелюки. В загоне у них десятков шесть зверей, это точно. У анахизги у них крупные. На мой взгляд, это боевые животные.

— Истинные, я бы сказал, дистриеры! — рассмеялся Брохусс, имея в виду великолепных породистых лошадей, достигающих трех метров в холке, разводимых на баронских конюшнях Янта Норманида Прим.

Дерций оценил юмор. Шутка из тех, какие иногда выдал старый майор Таунт, и нависшая тяжесть напряженной кампании мгновенно рассеивалась. Генерал прогнал это воспоминание. Эти шутки

кончились еще там, на Кентавре.

--- Вот, взгляни сюда. --- Дерций ткнул пальцем в один из снимков. Брокхусс пригладелся. --- На что похоже, как по твоему?

--- Главное здание? В смысле, там, где ваш палец? Не знаю... Дымоход? Может, вентиляция?

--- Все может быть... --- Дерций протянул снимок, чтобы его адъютант мог видеть лучше. --- Это, конечно же, дыт. Он здесь хорошо заметен, правда? Я говорю вот про этот отсвет... вот здесь.

--- Трон Терры! --- радостно воскликнул Брокхусс. --- Антенна орбитальной связи! У них там аппарат видеосвязи, а антенна торчит наружу! У вас зоркий глаз, генерал!

--- Вот именно поэтому я --- генерал, рядовой Брокхусс, --- беззлобно устехнулся Дерций. --- Так что же мы имеем в таком случае? Большая хелюка. Приличных размеров загон, больше полусотни скакунов...

--- У с каких это пор простые скотоводы держат гоме

межконтинентальную видеосвязь? ---
закончил за него Брохусс.

--- Думаю, Император улыбнулся нам.
Передай майору Саулу, чтобы развернул
танковый строй полумесяцем к леднику.
«Агских гончих» перевести в авангард,
пехоту --- во вторую линию, для
последующей зачистки. Мы их сметем.

Брохусс кивнул, прыгнул с корпуса
танка и поспешил передать приказ.

Дерций выплеснул остатки кофеина
за борт. Горячие капли проплавили
снежный покров возле гусениц танка.

Перед закатом, когда алый шар
первого солнца почти разбился о горизонт,
а рыжее пятно второго медленно скользило
по темнеющему полотну неба в дырке
облаков, хелюка казалась всего лишь
темным пятном.

Хедгийцы сражались яростно...
Яростно, как любой закутанный в шкуры
кочевник, становье которого внезапно
сотрясли разрывы снарядов и затопило
жгучее пламя огнеметов. Буря масса,
когда-то бывшая живыми людьми и их

жилъем, быстро превращались в черную
ледяную корку. Растаявший было лед
возвращал свое, попутно погребая темные,
изломанные силуэты в вечной мерзлоте.

Десятка два кочевников успели
оседлать своих скакунов и
контратаковали на северном фланге.
Несколько гвардейцев погибли, разорванные
острыми клювами анахизов или
затоптанные их мощными трехпалыми
лапами. Дерций отозвал пехоту и просто
стел хедгийцев бульдозерными отвалами
танков.

Закаты на Хедге завораживали.
Дерций приказал водителю въехать на
склон ледника, чтобы взглянуть на океан.
Заходящее солнце растворялось в воде,
окрашивая волны красным. Океан терзал
жизнью тысяч светящихся
микрорганйзмов и водорослей. Временами
лучи утирающего солнца касались мокрых
боков махишей, неспешно всплывавших к
поверхности, чтобы насытиться крилем.
Дерций наблюдал, как скрывается в
красных водах широкая спина махиша.
Прощальный взмах двадцатиметрового

хвостового плавника. Только голоса
тахишей низким, пронзительным свистом
плывут над величественными волнами
закатного света.

Башня командирского танка была
полна обрывочных вокс-передач. Дерций
вдруг насторожился, услышав незнакомые
позывные. Вклинился чей-то сигнал ---
тихое, короткое сообщение на простом
янтийском боевом жаргоне.

--- Ну наго же... --- Дерций спустился в
башню и стал настраивать вокс-
передатчик на нужную частоту. --- Кто
тут у нас в эфире?

Генерал улыбнулся. Прибыли
обещанные Слайдо войска. Пятый и
Шестой Гирканские полки. А сообщение
послал гирканский комиссар Убрам Таунт.
Мальчик.

На ледник легли отсветы
разрезавших сумрак фар. Колонна
гирканской бронетехники двигалась к
позиции янтийцев, скрываясь в клубках
снега.

«Как хорошо вновь увидеть Убрама! ---
думал Дерций. --- Сколько лет прошло...

Тринадцатый? Может, четырнадцатый?
Должно быть, он вырос с тех пор, стал
похож на отца. Теперь он комиссар в
гирканском полку, если верить докладом о
его карьерном росте. Не просто офицер,
как хотел его отец. Комиссар, не меньше!
Комиссар Гаунт. Ну что же, что же...
Будет приятно вновь повидаться с
мальчиком».

Несмотря ни на что.

Полугусеничный бронетранспортер
Гаунта притормозил возле танка Дерция.
Генерал спустился со своей машины, чтобы
поприветствовать комиссара. Он поправил
фуражку и наградной цепной меч в ножнах.
И едва смог узнать человека,
представшего перед ним.

Гаунт и вправду вырос. Высокий,
крепкий, поджарый, с осунувшимся лицом.
Взгляд пронзительный, как лазерный
целеуказатель. Форменный черный плащ и
комиссарская фуражка были ему к лицу.

--- Убрал! --- На лице Дерция
проступила улыбка. --- Сколько лет...

--- Много, --- сухо произнес Гаунт. ---

Вселенная так широка, ее просто так не
охватишь. Но я все равно ждал. Долго,
очень долго. Ждал, когда же судьба сведет
нас лицом к лицу.

--- Поверь, и я ждал! Как я рад снова
видеть тебя! --- Генерал раскрыл объятия.

--- Я скажу тебе кое-что, дядя Дерций,
потому что я честный человек. Как мой
отец. --- Гаунт угрожающе понизил голос. ---
Четыре года назад на Дарендаре мне было
откровение. И не одно. Мне рассказали кое-
что. Часть я счел чепухой, часть не понял
в тот момент. То, что я узнал, оказалось
спасительным. Я узнал правду. И с тех
самых пор я искал встречи с тобой.

--- Убрат, мальчик мой... --- оцепенел
Дерций. --- О чем ты?

Цепной меч Гаунта покинул ножны.
Холодный ветер тихо был меж его
зубьями.

--- Я знаю, что произошло на
Кентавре. Мой отец погиб из-за твоего
страха за свои генеральские погоны.

--- Хватит! --- выкрикнул Броксус,
вдруг оказавшийся между ними. --- Отойди!

Со стороны гирканцев выдвинулись

майор Танхаузе и сержант Клефф.

--- Ты обращаешься к имперскому комиссару, друг мой, --- бросил Гаунт. --- Подумай как следует, прежде чем открывать рот.

Брохусс в замешательстве отступил на шаг.

--- Итак, я --- комиссар, --- продолжал Гаунт. --- Я уполномочен вершить правосудие там, где сочту нужным. Я наделен властью карать трусость. Я уполномочен вершить полевой суд именем Всеблагого Императора.

Дерций вдруг понял, к чему клонит Гаунт. Выхватив меч, он обрушился на комиссара. И столкнулся с крепкой защитой.

Страх опрокинул разум янтийского командира в мут безумия. Как, как этот маленький гаденьш узнал? Кто мог рассказать ему? Его уверенность, сопровождавшая генерала с начала Хеддийской кампании, погибала вместе с закатым светом. Малыш Убран все узнал. Узнал! Спустилось столько лет, после всех его хлопот правда все же открылась.

Со, чего Дерций больше всего боялся. Этого не должно было произойти, твердил он себе.

Визжали сталкивающиеся зубья. Ценные мечи кружили в холодном воздухе, каждым ударом посылая к небу снопы ярких искр. Сломанные зубья картечью разлетались в стороны. Дерций обучался фехтованию в Военной академии Янта Норманид. Ритуальные шрамы на щеках и запястьях были тому доказательством. Конечно, фехтовать ценным мечом было нелегко. В десяток раз тяжелее и медленнее, чем шпагой. К тому же после любого удара могло заклинить зубчатое полотно. Но, служа с Патрициями, Дерций научился управляться с этим тяжелым оружием. Дуэли на ценных мечах уже были редкостью, но все еще случались. Вся хитрость заключалась в силе запястий, умении использовать инерцию движения и смене направления вращения зубьев в нужный момент.

Нечего было и думать о каких-то финтах и сложных приемах с ценным мечом. Только выпады и уклонение.

Противники двигались кругами. Удар, лязг зубьев, отход. Толпа гвардейцев вокруг все росла, дуэлянтам что-то кричали с обеих сторон. Но никто не вмешивался. Мрачное упорство, с которым сражались офицеры, говорило об одном: это дело чести.

Дерций переключил оружие на максимальную скорость вращения. Жалобно заскрежетал металл. Низовой удар откинул руку комиссара с мечом, проделав брешь в его защите. Цепной меч генерала взрызся в живот Гаунта, кромсая одежду и плоть. Из рваной раны неукротимой струей хлынула кровь.

Гаунт едва устоял на ногах. Он понимал, насколько тяжела его рана. Долго ему не продержаться. Он проиграл. Подвел своего отца. Дерций был слишком могущественным человеком. Такого невозможно победить. Дядя Дерций. Огромный, харизматичный, веселый и вечно бранящийся. Он то и дело врывался в жизнь маленького Убрата Гаунта на Манзипоре и приносил с собой столько шуток, историй и диковинных подарков. Это был тот самый Дерций, который

вырезал для него таленькие фрегаты, рассказывал, как называются звезды, усаживал на колени и дарил орочы клыки.

Тот самый Дерций, с которым он фехтовал палками на солнечных террасах, раскинувшихся над пропастью. Гаунт помнил тот хитрый укол, после которого он всегда оказывался на земле с ушибленным плечом. Его было так легко выполнить рапирой. Но ценным мечом — невозможно...

А может... Гаунт вложил в это движение все оставшиеся силы. Его рана продолжала извергать кровь, но комиссар двигался по-детски легко. Ценной меч не был приспособлен для колющих ударов. Пусть. Гаунт резко выбросил руку с оружием вперед.

Дерций непонимающе смотрел, как ценной меч Гаунта проламывает его грудную клетку. С леденящим чавканьем он прогрызся сквозь кости и внутренности и вышел между лопаток, разбрасывая рваные куски мяса. Перебитое пополам тело Дерция рухнуло на снег мешком плоти, все еще дергающимся в такт

работающему оружию, застрявшему в груди.

Рядом с ним Гаунт опустился на колени, не давая кишкам вывалиться из рваной раны на животе. Танхаузе подхватил его, когда комиссар уже терял сознание.

--- Я отомстил, отец, --- пытался выговорить Убран Гаунт, глядя в темнеющее небо. Вслед за небесами для него потерн и весь мир.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

Μεναζουγ Эпсилон

1

Никто не хотел на Эпсилон. Никто не хотел утирать.

Комиссар-полковник Гаунт припомнил все, о чем думал в обсерватории «Авессалом». Теперь эти размышления вызывали у него лишь печальную улыбку. Он тогда молился, чтобы его Призраки участвовали в главной наступательной операции на Μεναζουγ Сигма. И как все обернулось — даже странно. Скажи ему кто-нибудь там, на смотровой платформе, что он сознательно выберет Эпсилон, — комиссар растаял бы ему в лицо.

Пожалуй, «выбрал» — не совсем подходящее слово. За него все сделали удача и чьи-то тайные манипуляции. Когда «Авессалом» пришвартовался к

одному из плацдармов гексобора, рассыпью
усевших Меназоидскую Крепь, Призраки
оказались в самой гуще мешанины
пехотных полков и бронетанковых
соединений, собирающихся в штурмовые
дивизии. Конечно же, полковые командиры
заваливали генеральный штаб прошениями
о переводе на основной театр боевых
действий. Тактики Слайдо буквально
тонули в сотнях вариантов диспозиции
войск. Гаунт размышлял над тем, как
Ферейду и сети его тайных агентов
удалось переправить на «Авессалом»
визитан, без которых комиссар не
справился бы с Патрициями. Он не мог
связаться с разведчиком напрямую, но все
же надеялся, что Ферейд будет
приглаживать за Призраками и выручать
в трудную минуту. В конце концов, они
делают одно дело.

Итак, он уже отправил в штаб
дивизии свой рапорт. В нем говорилось,
что Призраки, как специалисты по частным
диверсий и маскировки, будут полезны в
боях за Меназоид Эпсилон.

Может быть, ему всего лишь повезло.

Или просто не было других добровольцев, или снова незаметно помогал Ферейд. А может, его враги решили, что гораздо проще позволить Гаунту самому привести их к цели, чем пытаться отнять кристалл. Быть может, он своими руками добывал сокровище для своих врагов.

Это уже не имело значения. Призраки провели полторы недели на перевалочной станции, где полки получали подкрепление, экипировку и тактическую информацию. К исходу второй недели они узнали, что примут участие в наступлении на Эпсилон. Их полк будет в авангарде: расчищать дорогу ударной группе из сорока тысяч боевых машин Ламтарииских Боевых Исов, Семнадцатого Кетцокского, Четвертого, Пятого и Пятнадцатого Салотрийских, Боркеллидских Церберов, Третьего Кагийского бронетанкового и механизированной кавалерии Сарноя. Помимо Первого Танитского, в передовую группу войдут восемь Мордианских и четыре Празарских полка, Первый и Третий полки Афгалийских Грабителей.

шесть батальонов Одиноотских
нерегулярных войск. И Витрийские
Драгуны.

Присутствие витриан вселяло
уверенность. Это значило, что к
диспозиции войск приложили руку
дружественные силы. Сомнения вызывало
только то, что в переговорную группу также
входили Янтийские Патриции, а всей
операцией на Эпсилоне командовал лорд-
генерал Дравер.

Что же в этой схеме выстроил
Ферейг, а что -- его противники? И что --
игра обстоятельств? Покажет только
время. И кровопролитие.

Стратеги лорда-генерала отметили
шесть основных точек высадки. Все они
располагались в
стогвадцатикилометровой полосе низин у
подножия хребта, обозначенного на всех
картах как цель Примарис. В пятистах
километрах к западу, на скалистых
берегах огромного соляного озера, были
отмечены еще четыре точки высадки,
рядом с целью Секундус. Наконец, еще три
посадочных площадки были размечены на

крупном полуострове в двух тысячах километрах к югу, где находилась цель Терциус.

Перед самым рассветом темные подбрюшья облаков замерцали красными огоньками: маневровые двигатели десантных челноков, волна за волной спускавшихся к поверхности. Бледное, еще слабое солнце застало в воздухе тысячи кораблей. Тяжеловесные войсковые транспорты сверкали бронированными бортами, будто огромные жуки. Корабли поменьше, груженные боеприпасами и оборудованием, сбивались в стайки по три. Между оживленными линиями движения лихтеров сновали звенья истребителей прикрытия. Временами на один из участков высадки обрушивались залпы корабельных ракет и редкие разряды мощных лучевых пушек. Обработка артогнем обороны противника гарантировала безопасную посадку.

На земле уже встречали рассвет темные колонны пехоты и техники, покидавшие тесные трюмы челноков. Пехота строилась рядами в ожидании

приказов. Бронетанки и артиллерия прокладывали собственные дороги по травянистым полям, собирались в группы и целые фронты наступления. Воздух потяжелел от выхлопных газов, рева танков, жары корабельных двигателей и сигналов вокса. Взводы вспомогательных войск устанавливали точки сбора подразделений, разводили костры, помогали возводить палатки госпиталей и центров связи. Инженерные части уже копали траншеи и устанавливали танковые заграждения. Отряды снабжения Мониторинга вскрывали ящики с экипировкой и распределяли штатное снаряжение между взводами гвардейцев. Среди всей этой суеты неспешно двигались процессии священнослужителей Министров, благословляя солдат каждым словом и взмахом кадила, вознося гимны и молитвы о защите.

Оставив за спиной духоту челнока, Таунт шагнул с носовой аппарели в прохладу утреннего воздуха, на изрытую гусеницами землю. Он немедленно окунулся в грохот машин и тяжелый запах

топлива. Рассвет здесь наступил раньше срока. Тысячи огней: костры и лампы, фары, сигнальные огни сажащихся челноков, светящиеся жезлы регулировщиков, разводящих в стороны колонны гвардейцев и бронетехники.

Комиссар бросил взгляд на недалекие предгорья. Крутые холмы покрывал желто-бурый ковер сухого папоротника. Где-то за ними в утренней дымке угадывались высокие, кражистые горы. Цель Примарис.

Этот туман, если верить кристаллу, скрывал от лорда-генерала Дравера и его приспешников драгоценное сокровище. И судьбу Убрата Гаунта и его Призраков.

Тем временем на поля опустились десантные корабли класса «Пожиратель». Тяжело уронив стальные челюсти десантных аппарелей, они выпустили Призраков, которые немедленно начали собираться во взводы. Щурясь от неожиданного яркого света, гвардейцы разглядывали желтые от папоротника холмы под покровом низких кучевых облаков. Гаунт с помощью нескольких

регулирующих отводил их на возвышение, служившее одной из точек сбора Призраков. Вынырнув из клубов выхлопных газов, окутавших поле, гвардейцы смогли почувствовать запах Меназоида Эпсилон. Пронизывающий ветер. Сухой, холодный воздух, полный запаха жимолости. Поначалу этот стуженый, сладкий аромат казался необычным и приятным, но он быстро надоедал и вызывал тошноту.

Гаунт доложил, что его полк приведен в боевую готовность, и немедленно получил приказ продвигаться согласно утвержденному плану операции. Вскоре за Призраками уже протянулась широкая просека поломанных сухих стеблей напоротника. Растения доставали почти до пояса, но рассыпались от любого прикосновения. Гвардейцы спотыкались о сплетения корней и колючие лозы ползучих сорняков.

Достигнув вершины холма, комиссар приказал двигаться на запад. Посадочная площадка, покрытая яркими огнями, осталась внизу, на расстоянии двух километров. Несколько транспортных

поднялись в вихре папоротниковой пыли и, пройдя низко над полем, заложили крутой вираж и ушли в небо.

В монокоп Гаунт мог разглядеть, как в трех километрах от них два полка Мордуанской Железной Гвардии строятся для марша. Еще в двух километрах покидали свою точку высадки Витрийские Драгуны. Во все стороны от выжженного поля разбредались цепи маленьких черных точек. Холмы уже кишели гвардейцами, пробирающимися сквозь заросли.

Близился полдень. Пехота и механизированные части Имперской Гвардии продвигались параллельно друг другу сквозь щебень и сухие заросли предгорий. Место высадки уже давно исчезло из виду, но корабли все еще прибывали туда, доставляя все новые войска и материалы для наступления титанов. Где-то под облаками перекатывался галекный гром двигателей.

Вскоре они наткнулись на башни: неровные столбы, сложенные из плоских плит, около сорока метров в высоту, возвышались посреди папоротников на

расстоянии пятисот шагов друг от друга. Гаунт постылся доложить об этом командованию и обнаружил, что каналы связи полнятся сжатыми сообщениями. Все предгорья были расчерчены линиями этих столбов. В самом низу и наверху катни башен были шире, к середине, наоборот, сужались. Все они поросли мхом и казались неустойчивыми. Некоторые опрокинулись, и теперь о них напоминали только виднеющиеся среди напоротников каменные насыпи.

Гаунт сомневался в природном происхождении этих монументов. Их внешний вид и расположение свидетельствовали об обратном. Гаунта совсем не обнадеживало то, как мало информации он получил об Эпсилоне на общем инструктаже.

--- Возможно, храмовый мир, --- сообщили тогда офицеры разведки. --- На поверхности планеты обнаружено множество каменных построек неизвестного происхождения, расположенных глиняными рядами. Линии пересекаются в местах скопления древних

руин -- возле целей Примарис, Секундус и Терциус.

Комиссар отправил Маколла с его диверсантами на разведку за линию башен, в долину по ту сторону холма. Наконец он позволил себе открыть информационный планшет с данными кристалла, который прятал во внутреннем кармане плаща уже второй день.

Погозвав связиста Раффлана, Гаунт взял трубку полевой вокс-рации, закрепленной на его спине, и передал новую серию приказов. Его полк проведет разведку местности. Наступающие вслед за ними торгуанцы пока что должны ждать сигнала к движению. По местному времени был уже полдень.

Гаунт оглянулся на своих солдат и обнаружил неподалеку Роуна. Майор взорвался, нехотко держа лязган, и смотрел куда-то отсутствующим взглядом. Комиссар до последнего отказывался брать его с собой, но врачи в лазарете гексобора признали его годным к службе. После пытки, которой его подвергло убитое Ларкином чудовище в

балахоне, Роун очень изменился. Теперь Гаунту не хватало того жесткого характера, который делал Роуна опасным союзником — и хорошим командиром. Был здесь и Фейзор, выживший стараниями Доргена. Теперь он стал почти неуправляем. Озлобленный вояка, жаждущий мести. Еще в казарме он клялся перерезать всех встречных янтийцев и проклял всю операцию за то, что Призраки оказались с ними в одной группировке. Гаунт боялся представить, что будет, если танитцы и Патриции вдруг встретятся здесь, на Эпсилоне. Особенно сейчас, когда Роун не сможет приструнить своего адъютанта.

В конце концов Гаунт решил последовать девизу ферейда: «Будь что будет». Он еще раз проверил болт-пистолет и уже собирался попросить Майло сыграть, но звук опередил его. Над горами забилось эхо танитского марша, лившегося из трубок волынки юного Призрака.

Они уже здесь. Теперь все решится.

Командным постом лорд-генералу Драверу служил «Левиафан», мобильная крепость размером с небольшой городок. Ее гусеницы упорно въезжали в глинистый склон холма, покидая место высадки возле цели Примарис.

В самом сердце титанической машины в антигравитационном поле покачивалось мягкое кожаное кресло. Устроившись в нем поудобнее, генерал Дравер обозревал мостик. Он пребывал в самом благостном настроении. Его настойчивые прошения возытели силу. Военлейстер Макаром наконец поставил его во главе всей наступательной операции на Эпсилоне. Каким же простофилей он оказался! Ведь именно об этом мире говорил Драверу этот уродец Хелдан. Здесь покоится сокровище — ключ к его величайшей в жизни победе.

Перед самой высадкой Дравер потратил двое суток, изучая всю доступную информацию о Меназоде

Эпсилон. В сравнении с Сигмой Эпсилон казался небольшой луной. Если верить разведке, этот мир был своего рода святыней Темных Сил. Все северное плоскогорье планеты было покрыто странными постройками. С орбиты можно было разглядеть, что их расположение на местности представляет собой некую фигуру или символ. Основные силы легионов Хаоса в этой системе были брошены на защиту столичного мира, Сигмы. Разведка выяснила, что на Эпсилоне был оставлен гарнизон неустановленной численности. Хотя Эпсилон не представлял из себя ничего особенного, враг ясно дал понять, что для него эта планета представляет определенную ценность. Иначе зачем рисковать, оставляя часть войск здесь?

Флотские офицеры предлагали просто расстрелять Эпсилон с орбиты и стереть в порошок все, что окажется на поверхности. Дравер приложил все силы, чтобы не дать этому плану ход. Он говорил, что Эпсилон должен быть взят наземными войсками, чтобы узнать, чем

же так ценен этот мир для Великого Врага. Такова была главная причина штурма планеты. Официальная, конечно.

Дравер знал больше. Он знал, что проклятый упрямец Гаунт подал прошение о своем переводе на этот фронт. А это неспроста.

Генерал был готов к такому повороту событий. Он умел распоряжаться человеческими ресурсами, вся его карьера строилась на этом таланте. Теперь и Гаунт станет его ресурсом. Отобрать кристалл у комиссара не вышло. Что ж, пусть сам откроет его и найдет сокровище, а Дравер просто пойдет по его следам.

Потянув за рычаг, генерал развернул кресло к левитирующим вокруг него гололетическим ретрансляционным пластинам. Он пробежал глазами многочисленные доклады о продвижении войск и открыл канал связи с маршалами Сендаком и Тарантином, командовавшими наступлением на цели Секундус и Терциус соответственно.

Развертывание завершилось, и войска уже продвигались

согласно плану операции. Противник так и не проявлял себя.

Минул полдень, а за ним и вечер. Битва не началась ни на одном из фронтов, и настроение Дравера падало. Он утешал себя тем, что сумел высажить экспедиционный корпус такой численности в трех точках меньше чем за день. Большинству командующих Имперской Гвардии требовалось втрое больше времени на операцию подобного масштаба.

Повернувшись к одной из пластин, Дравер еще раз оценил диспозицию своего фронта, группы Примарис. Пехотные полки уже высадились и значительно продвинулись вглубь территории. Бронетанковые части высаживались с десантных кораблей прямо в долины, уже проверенные пехотой. Лорд-генерал планировал обойти руины капища Примарис с трех сторон. Танковые соединения должны были поддерживать три основные группировки пехоты — мордуанцев на западе, латтарийцев на востоке и танитцев на юге. Пока что присутствия противника не наблюдалось.

Как не наблюдалось вообще ничего живого, кроме самих имперцев.

Поразмыслив, Дравер взял стилус и написал на информационном планшете короткую записку полковнику Фленсу. Янтийцы были ушами и глазами генерала на поле боя. Все это время они приставляли за действиями Призраков, готовые вмешаться в любой момент. Из всех группировок Дравера интересовало исключительно продвижение полка Гаунта.

Он перевел сообщение на боевой жаргон янтийцев и передал Патрициям несколькими отрывочными вокс-сообщениями. Фленс не поведет, в этом генерал был уверен.

Дравер откинулся на мягкую спинку, и на его тонких губах заиграла улыбка. Этот трюк дорого ему обойдется, но под его командованием хватало жизней, чтобы расплатиться: пятьдесят тысяч гвардейцев, высаженных на Эпсилон. Генерал уже записал их на счет, которым он оплатит свой триумф. Пользуясь моментом, он решил расслабиться и

отдохнуть.

Наутро первые лучи рассвета застали генерала в командирском кресле. Он уже просматривал скопившиеся за ночь доклады разведки. Как он и ожидал, все группировки достигли намеченных рубежей, разбили на ночь лагерь и выставили дозоры. С восходом они возобновили движение. И снова никаких новостей о противнике. Неудивительно. Дравер немедленно узнал бы о первом же выстреле на планете.

Командирский мостик, в центре которого возвышалось генеральское кресло, кипел деятельностью. Вокруг вычислительных машин нестрелили мундиры офицеров флота, тактиков Гвардии, вспомогательных служб. Мониторинга и штаба группировки войск. Информация, лившаяся с фронтов бурным потоком, обрабатывалась и анализировалась. Все изменения в обстановке отмечались гололитическими маркерами на огромной трехмерной карте, проецируемой с потолка.

сферического мостика.

--- Маршал Тарантин докладывает, что кадийские и афгалийские части вступили в контакт с силами противника, --- разнеслось по мостику. --- Тяжелые бои в районе капища Терциус!

«Наконец-то первая кровь», --- подумал Дравер. На карте континента, вызывая тревогу, рассыпались красные отметки. Бурые и багряные линии расчертили зону, в которой произошло столкновение. Постепенно начали вспыхивать желтые точки, отмечающие сосредоточения вражеских войск.

Лорд-генерал немедленно отдал приказ усилить фронт Тарантина танковыми частями и обеспечить артиллерийскую поддержку. На карте тем временем растеклись еще два красных пятна --- группа Секундус наткнулась на замаскированный укрепленный район противника. Подала голос тяжелая артиллерия сил Хаоса. Алые пятна будто лужами крови растекались по карте. Стало больше пульсирующих желтых точек. Дравер продолжал наблюдать за быстрым

продвижением танитцев и следовавших за ними моргуанцев, витриан и янтийцев. Группа Примарис все еще не встречала сопротивления.

--- Начало положено, милорд, --- раздался чей-то голос слева.

Дравер поднял глаза на имперского тактика Вейланда. Немолодой и уже опытный, тактик все еще мог похвастаться крепким сложением и пронизывающим взглядом. Он был одет в черную с красным кантом униформу оперативно-тактического совета Макарота, но Дравер знал, кто этот человек на самом деле. Он понял это с первого взгляда. Шпион. Созглядатай Макарота, следящий за его, Дравера, действиями.

--- Как оцените ситуацию, Вейланд? --- спокойно спросил Дравер.

--- Мы ожидали более упорного сопротивления. --- Тактик задумчиво взглядел карту. --- Я думаю, у них еще немало трюков в запасе.

--- И полная тишина здесь, возле цели Примарис. Ведь мы ожидали в этом

месте самых ожесточенных боев, не правда ли?

--- Действительно так. --- Вейланд, похоже, пропустил сарказм Дравера мимо ушей. --- Пока здесь тихо. Это не надолго. Если это и вправду мир-святыня, то их отпор будет куда сильнее и фанатичнее, чем мы можем представить. Придержитесь наступление, лорд-генерал, иначе вы оголите фланги и подставите войска под удар.

Драверу очень хотелось высказать все, что он думает об этих советах, в лицо тактику, но Вейланд занимал привилегированное положение среди военной знати при Макароме. Генералу ни к чему было оскорблять его, хотя очень хотелось заорать: «Я провел высадку быстрее и эффективнее любого флотоводца, и после этого ты смеешь советовать мне остановиться?!» Но генерал прикусил язык и только кивнул.

Вейланд оперся о порученья, окружавший постамент командирского кресла.

--- Давненько мы не выбирались,

правда, Гектор?

--- Давненько? --- раздраженно переспросил лорд-генерал. --- В каком смысле?

--- В горнило битвы, --- улыбнулся в ответ тактик. --- Мы ведь с вами тоже когда-то были солдатами, ведь так? Мой последний бой был двадцать лет назад, на Ондерманксе, против богомерзких эльдаров. А теперь мы с вами только и делаем что читаем доклады и жмем на клавиши. Командовать --- это славно и почетно. Но мне иногда не хватает тяжелого труда на поле брани.

Драверу в голову вдруг пришла замечательная мысль. Такая замечательная, что он даже облизнулся от восторга.

--- Послушайте, Вейланг, мне всегда нужны сильные люди, желающие сражаться. Возможно, вы хотите отправиться на фронт?

Тактик поначалу пришел в замешательство, а потом встал и плотоядно улыбнулся.

--- Такой шанс я не упущу. Меня

заинтриговала техника боя этих танкистов, о которых все говорят. Думаю, непосредственное наблюдение за их действиями обогатит опыт оперативно-тактического совета. С вашего позволения, я отбегу к ним.

«Грубо работаешь, дружок, — трачно подумал генерал. — Хочешь сам поглазеть на все?»

Но Дравер знал, что уже не сможет воспрепятствовать имперскому тактику. Откажи он сейчас — и весь план окажется под угрозой. В конце концов он решил оставить эту проблему на потом.

— Вы желаете взять на себя роль полевого наблюдателя? Я был бы вам благодарен за информацию с фронта из первых рук.

— С вашего позволения. — Вейланд собрался уходить. — Я возьму «Химеру» из резервного парка и направляюсь к фронту. Со мной будет отряд телохранителей, которые при случае могут оказать поддержку боевым частям. Я непременно сообщу вам обо всех находках.

— Непременно, — без тени улыбки

откликнулся Дравер. -- Я распоряжусь, чтобы вам выделили канал связи. Каков будет ваш позывной?

Вейланд задумался на пару мгновений:

-- Пусть будет мой старый. «Крыло Орла».

Дравер кивнул и передал инструкции своему агъютанту.

-- Доброй охоты... тактик, -- бросил он в спину уходящему Вейланду.

3

Гаунт дочитал последние строки вокс-пакета, которое посчастливилось перехватить связисту Раффлану.

-- Вчера днем записал, -- пояснил Раффлан. -- Говорит вам о чем-то, сэр?

Комиссар кивнул. Антиийский боевой жаргон. Ожидая инструкций от агентов Макарога, Гаунт приказал прослушивать все каналы полевой вокс-связи. Сообщение исходило лично от Дравера и

предназначалось полковнику Фленсу. Прямой приказ следить за Призраками. Гаунт задумчиво потер подбородок. Медленно, но верно его враги проявляли себя.

Он бросил взгляд вверх, на заросший папоротником перевал и ряды каменных башен. Велик был соблазн приказать Роуну спуститься и заминировать дорогу, по которой за ними будут двигаться Патриции. Но как бы там ни было, танитцы и янтийцы сражались на одной стороне. Прошел слух, что два других фронта уже превратились в настоящую мясорубку. Кто знает, что их ждет там, в тонкой дытке гор. Комиссар не решался перекрыть путь единственному полку, который может поддержать Призраков в случае засады.

Вынув из кармана плаща блокнот, Гаунт перечитал несколько страниц, исписанных почерком Зорена. Неуверенно и очень старательно он написал сообщение на витрийском боевом жаргоне, используя кодовые слова из блокнота. Вскоре Раффлан уже передавал его по воксу.

— На языках разговаривает, сэр? — шутливо спросил вокс-специалист. Для пущей иронии он говорил на танитском боевом жаргоне, который Гаунт предусмотрительно выучил.

Многие полки использовали для переговоров на поле боя специальный язык или коды. Это было важной частью внутренней безопасности командной структуры в бою. Янтийцы тоже пользовались своим жаргоном, но Дравер понятия не имел, что Гаунт прекрасно владеет им.

Поразмыслив, котиссар вызвал сержанта Блейна.

— Перестроись свой седьмой взвод в арьергард, — без затей приказал он.

— Ожидаете атаки с тыла, сэр? — озадаченно спросил Блейн. — Разведчики Маколла прикрывают эту сторону холма. Враг не мог нас обойти.

— Я не об этом враге, — пояснил Гаунт. — Мне нужно, чтобы кто-то приглядывал за янтийцами у нас за спиной. Условным сигналом будет «Духотворец». Кто бы из нас ни передал его, это будет

означать, что янтийцы начали действовать. Мне предстоит сражаться со своими, но у нас может не оказаться иного выхода. Случись что-то подобное — не медли и не сомневайся. По твоему сигналу я направляю вас на выручку всех, кого смогу. Учти, янтийцы для нас — такие же враги, как и заманившиеся тут твари.

— Принято, — кратко ответил Блейн.

После того как Гаунту удалось вскрыть кристалл, Корбек как следует проинструктировал всех офицеров полка. Командиры взяли за правило принимать во расчет эти обстоятельства. При этом они старались держать информацию подальше от тех людей, которые вызывали подозрение. Из всех сержантов Гаунт проникся большим уважением к нелюбимому, работающему Блейну. Он был верен, как Корбек, Маколл или Лерог. Если требовался действительно надежный человек для важного дела — лучшего, чем Блейн, можно было не искать. Удивляясь самому себе, Гаунт подал сержанту руку.

Они обменялись крепким

рукопожатием. В хватке комиссара Блейн
словно ощутил, какая страшная
ответственность может лечь на его
плечи.

--- Храни вас Император, сэр, ---
наконец сказал он и стал спускаться вниз
по склону.

--- Да обратит Он свой взор на тебя, ---
произнес вслеп Гаунт.

Майло, оказавшийся рядом, мог
наблюдать за происходящим. Стерев
слюну с трубки, он приготовился сыграть
еще один тарш. «Вот и все, --- думал он. ---
Комиссар ожидает самого худшего».

К тому моменту вернулся сержант
Маколл со своими разведчиками. Гаунт
выслушал их доклад.

--- Я думаю, сэр, вам лучше подняться
и посмотреть самому, --- коротко сказал
Маколл и указал вверх.

Гаунт приказал огневым группам
трех взводов установить караулы по всему
периметру склона. Сам он последовал за
Маколлом. К этому моменту танкисты
уже натерли свои плащи серо-желтой
землей Эпсилона, и ткань изменила цвет.

Маколл заметил, что плащ Гаунта натерт из рук вон плохо. Ворча что-то себе под нос, диверсант принялся тереть его накидку веткой папоротника. Гаунт только улыбнулся. Комиссар снял фуражку, закутался в плащ и стал как можно точнее повторять движения танитцев. Позади остались две тысячи Призраков, но Гаунт не мог разглядеть ни одного из них.

Тихо пробираясь сквозь заросли папоротника, они добрались до вершины холма. Там они припали к сухой, серой пыли. Гаунт взял у Маколла его моноскоп, но, выглянув из укрытия, понял, что оптика тут не нужна.

Холм, на который взбирались гвардейцы, обрывался отвесным склоном. Прямо перед Гаунтом высился крутой утес, должно быть, несколько сотен метров в высоту. Под чьими-то древними руками бледно-голубой гранит склона обрел форму зиккурата. Титанические ступени, изглоданные временем блоки, бесконечные ряды арок. Гаунт осознал, что смотрит на капище Примарис. Больше он не мог сказать об этом чудовищном

строении ничего. Что это? Храм, усыпальница или мертвый город-улей? Неважно. Одно чувствовалось точно --- зиккурат источал почти осязаемое зло. Оно сочилось мерзкими, темными, охлаждающими каплями из черного зева каждой арки. Из каждой трещинки в камне.

--- Мне не нравится эта штука, --- чуть слышно произнес Маколл.

Гаунт невесело улыбнулся и заглянул в информационный планшет.

--- Честно сказать, мне тоже. Уменьше всего мне хочется идти туда напрямик. Нам бы лучше обойти его слева, по краю долины.

Комиссар поднял телоскоп и посмотрел налево. Строение казалось бесконечным, оно уходило куда-то за пределы долины. По изгибам холмов к нему тянулись ряды каменных столбов, будто гранитный спрут распластал свои щупальца по ковру желтых папоротников. Задав голову, Гаунт разглядел в дырке башни из голубого гранита. Ряды опор, частокол шпилей. И все это --- лишь

предместья огромного некрополя. Давным-давно мертвый город, воздвигнутый нечеловеческими руками задолго до начала времен.

Запах житолости становился отравительным, угнетающим. Тревожно зашикала микробусина в ухе. Но во время переговоров Призраков он понял, что его людей охватывали странная слабость и тошнота.

--- Вы хотите свернуть налево? --- спросил Маколл. --- Но ведь так мы отклонимся от генерального плана наступления.

--- Да, я знаю.

--- Это приведет лорда-генерала в ярость.

--- У меня тут свой план наступления. --- Комиссар легко похлопал по информационному планшету.

--- Благослови Император вас и вашу заботу, --- покачал головой Маколл. --- Сэр, нам ведь было приказано штурмовать это... это место.

--- Мы так и сделаем, Маколл. Только не здесь.

--- Как далеко мы должны продвинуться? --- спросил диверсант со знанием дела.

--- Километр-другой. В кристалле было сказано о каком-то куполе. Найди его мне, сержант.

--- С удовольствием, сэр, --- ответил Маколл. --- Но вы ведь понимаете, повернув, мы дадим янтийским шавкам лишний повод броситься на нас.

--- Знаю, --- просто ответил Гаунт. Он был рад, что его Призраки восприняли происходящее всерьез. Они понимали, что сейчас на кону и кто их враг.

Маколл и капрал Бару провели Призраков вдоль края долины, возле самого гребня холма, мимо терпвенно-бледных скамней усыпальницы, полных немой угрозы ступеней и колонн.

Поступил доклад по ближней вокс-связи. Рядовой диверсионного взвода Тарк заметил его первым: гигантский, похожий на луковицу купол вырос из самой горной тверди, непостижимым образом высеченный из цельного гранита.

Гаунт подобрался ближе, чтобы

взглянуть своими глазами. И вправду, он был похож на большую каменную головку лука, только добрую тысячу метров в диаметре. Она буквально перетекала в уступчатую скалу. Поверхность купола покрывали бесчисленные темные символы.

Тарк и погиб первым. По склону холма захлестнула жесткая очередь автомашки. Взметнулись фонтаны серой земли и панорамной пыли. Тело Тарка разлетелось кровавыми кусками. Как по команде, остальные орудия в арках зиккурата открыли огонь. Призраков захлестнуло волной лазерных импульсов, пуль и раскаленной плазмы.

Ответный огонь превратил долину в плотную сеть мерцающих лучей и трассирующих дорожек. Между склонами плескалось гибельное море пламени.

Пляска смерти началась.

маршал Гол Сендак, прозванный
Устремителем Потомков Галмы,
возглавлял свои войска на передовой. Вслед
за его «Леманом Руссом» переталывали
каменистую почву склона боркеллидские
танки, идущие плотным строем. Впереди
возвышался древний зиккурат капища
Секундус.

Ветхие стены вокруг склепа
обрушились под тяжелыми ударами
башенных орудий. Не останавливаясь,
танки ворвались на территорию древнего
храма. Одиотская пехота закрепляла
прорыв. Сендак подгонял гвардейцев
приказами по воксу. Арки зиккурата
огрызались таким плотным огнем, какого
маршал не видел за многие годы службы.
Что-то неприятно щекотало в носу. От
проклятой сладкой вони этого мира уже
тошнило.

Неожиданно маршал почувствовал,
что его усы в чем-то вылокли, и
машинально вытер их рукой. Манжет его
серого кителя мгновенно потемнел от
крови. Ощувив привкус железа во рту,
Сендак сплюнул, и слюна тоже оказалась

красной. Сгавило уши. Оглядев залитую зеленым светом внутренность танка, Сендак убедил, что с его экипажем происходит то же самое.

Низкая, глубокая, нервирующая дрожь воздуха.

Сендак припал к перископу танка, пытаясь найти причину. Что-то странное творилось с башнями, окружающими зиккурат. Они словно сияли изнутри, сотрясаемые алыми разрядами энергии. Странные обелиски окутал густой пар.

— Кровь Императора! — прорычал Сендак. Его сжатые губы стремительно окрашивались его же собственной кровью.

В следующий миг произошли сразу две невероятные вещи. Линии старых каменных столбов, сложенных из обычных булыжников, взорвались каскадом искр и превратились в настоящие сорокаметровые стены, сотканые из силового поля. Будто гигантская колючая проволока, между башнями протянулись сверкающие, изломанные линии энергии. Люди и бронемашины, задетые яркими бело-голубыми молниями, вспыхивали, как

хворост, и взрывались. Остальные просто застряли в паутине энергетических барьеров, не дававших свернуть или отойти назад.

Тем временем плоские вершины башен окутал розоватый туман, в котором начали проступать очертания фигур. Телепортированные слишком трусливыми, еретическими технологиями на такую высоту, отряды солдат немедленно развернули тяжелые орудия на треногах и открыли огонь. Сгорбленные, измучившие существа в рваных темных балахонах и скалящихся костяных масках. Но в их грязных, забинтованных руках были мощные телтаганы, лазерные пушки на треножных лафетах и другое, более древнее оружие. Они командовали богомерзкие квазимеханические костогесантники Хаоса, известные как Стиратели.

Сендак как можно громче выкрикивал приказы, пытаясь хоть как-то справиться с ситуацией. На его глазах два танка въехали в силовой барьер. Разряды энергии мгновенно прожгли их корпуса. А потом

обе машины исчезли в пламени взрыва. Сдетонировали уклады боеприпасов. Еще один танк пал жертвой огня лазерных пушек. Сендак обнаружил, что враг теперь был повсюду. Огневые точки на вершинах башен обстреливали фланги и тыл его группировки.

Маршал мог бы оценить опасность такой грамотно устроенной засады, если бы разбирался в древних технологиях, если бы его глаза не слезились и боль не затуманивала разум.

В отчаянии он схватил трубку вокс-станции и переключился на командную частоту.

— Все хуже, чем мы ожидали! Нас заманивают в ловушку! Это черная магия! Они разделили нас и вырезают по частям! — кричал он. — Передайте всем штурмовым группам! Башни — это смерть! Смерть!

Затем маршал и стрелок в башне погибли во взрыве бронебойного снаряда. Трубка передатчика, все еще сжатая в руке Сендака, упал вниз, на металлический пол рубки. Еще через

мгновение трап правой гусеницы сорвала
осколочная ракета. Танк перевернулся.
Боевая машина взорвалась, унося с собой
второй «Летан Русс», оказавшийся рядом.

Одиноотская пехота, следовавшая за
танковым клином, бросилась бежать.

Только бежать было некуда.

5

Лестницы, утесом поднимавшиеся
над расписанным знаками куполом, были
усеяны арками. И каждая из них
превратилась в амбразуру, изрыгающую
огонь. Воздух наполнился лазерными
вспышками, стрекотом болтеров, громом
тяжелых орудий. Странные, медленно
летающие пули жужжали, будто мухи.

Корбек бежал, звучно выкрикивая
приказы, вдоль гребня холма, где залегли
взводы Призраков. Укрытия не найти —
только крошка обрыва да торчащие из
напоротника гнилыми зубами старые
капни.

--- Перебежками! Залечь! Ползком! Не высовываться! --- Эти слова полковник, как молитву, заучил еще во время Основания на полях погибшей Танит. --- Целься и огонь! Нить и молиться здесь не место!

Где-то возле командного поста Перога ожил реактивный гранатомет Брага. К нему присоединились Мелир и другие. Противотанковые ракеты с ревом пронеслись сквозь паутину лазеров. Каменная кладка храма брызнула пламенем и осколками гранита.

Гаунт ползком добрался до Корбека, на самую вершину. Над головами хищно завывал обстрел. К непереносимому запаху жимолости прибавилась еще и вонь паленого напоротника.

--- Надо прорываться! --- Гаунт попытался перекричать грохот тысяч стволов.

--- Я бы рад поточь! --- Корбек с деланым сожалением махнул рукой в сторону боя.

Комиссар показал ему карту на информационном планшете, и офицеры осторожно выглянули наружу, чтобы

сравнить ее с местностью.

--- Ничего не выйдем, ---
констатировал Корбек. --- Нам никогда не
прорваться сквозь такой плотный огонь.

Гаунт понимал это не хуже
полковника. Данные, загруженные с
кристалла, были слишком запутанными и
местами абсолютно нечитаемы. Видимо,
эти данные были записаны --- или
переведены --- с помощью старых кодовых
символов. Загадок в них было не меньше,
чем вразумительного текста. Но один
фрагмент казался предельно ясным.

--- Держитесь здесь, --- коротко
приказал он, перекатился вниз и встал на
ноги. Комиссар бросился к подножию
холма, оставляя за собой просеку в сухом
напоротнике.

Нужную башню он нашел довольно
быстро. Это был подточенный временем
каменный столб недалеко от холма.
Раздвинув напоротник у его основания,
Гаунт обнаружил широкое отверстие.
Комиссар надеялся --- нет, знал, --- что
здесь окажется вход в старую шахту.
Присев на краю, он заглянул в чернильную

темноту зева.

Легким касанием включив микробусину передатчика, Гаунт вызвал к себе нескольких Призраков: Маколла, Бару, Паркина, Брага, Роуна, Доргена, Домора и Каффрана.

Буквально через минуту все они уже подозрительно осматривали шахту.

--- Черный ход, специально для нас, --- произнес Гаунт. --- Если верить старой карте, эта шахта уходит вниз на некоторую глубину, а потом --- в катакомбы под храмом. Нам понадобятся веревки, костыли и толомок.

--- И кто туда полезет? --- без выражения спросил Роун.

--- Мы все... Я пойду первым, --- ответил комиссар.

Связавшись с Корбеком, Гаунт приказал ему укрепиться с оставшимися войсками на гребне холма и продолжать бой.

Комиссар избавился от всего лишнего, сбросил плащ и закрепил цепной меч за спиной. Маколл тем временем вбил костыли в каменную кладку вокруг люка и

спустил в темноту привязанный трос.

Гаунт передернул затвор болт-пистолета и убрал его в кобурю.

--- Пошли, --- бросил он, обвязался тросом и собрался прыгнуть.

Маколл успел поймать его за руку и остановить. С холма к ним бежал рядовой Винч и что-то кричал. Гаунт выбрался из шахты и принял информационный планшет от запыхавшегося гвардейца.

--- Сообщение от сержанта Блейна, --- выдохнул Винч. --- К ним на малом ходу приближается «Химера». Посылает сигнал, что пассажиры хотят к нам присоединиться.

Гаунт поторщился. Чүшь какая-то. Он еще раз просмотрел рапорт.

--- Сержант спрашивает, пропустить ли их. Называют себя полевыми наблюдателями оперативно-тактического совета военлейстера, --- добавил Винч. --- Их позывной --- «Крыло Орла».

--- Фес святой! --- Гаунт вздрогнул, как ужаленный.

Гвардейцы переглянулись, кое-кто настороженно переговаривался. Редко

когда комиссар ругался на танитский манер.

--- Ждать меня! --- Гаунт отвязался и поспешил в сторону холма. На бегу он бросил: --- Найди Раффлана! Пусть передаст, чтобы их пропустили!

6

«Хитера» в простом зеленом камуфляже, единственным опознавательным знаком на которой был имперский герб, миновала позицию Блейна. Она перебралась через холм и на полном ходу спускалась навстречу ожидавшему ее Гаунту. Комиссар не мог припомнить, когда так волновался последний раз.

Машина остановилась, с металлическим лязгом открылся пассажирский люк. Первыми появились трое солдат с лазганатами наготове. Красно-черные госпехи свидетельствовали, что это телохранители верховного

командования крестового похода, элитные части. Лица скрыты под глухими забралами черных шлемов. К ним присоединился высокий человек в схожей форме. Уперев руки в бока, он огляделся. Гаунт направился к нему.

Незнакомец поднял забрало, а потом и вовсе снял шлем. Сначала Гаунт не узнал его. Потом он прибавил к образу в своей памяти мышечной массы и бритую голову.

--- «Крыло Орла», --- сказал он.

--- «Крыло Орла», --- был ответ. ---
Убрат!

Гаунт крепко пожал протянутую руку старого друга.

--- Ну, как мне теперь называть тебя?

--- Здесь меня все называют имперский тактик Вейланд. Но этим ребятам можно доверять, --- кивнул он в сторону рассредоточившихся телохранителей. ---
Можешь звать меня так, как привык.

--- Ферейд.

--- Итак, Убрат, введи меня в курс дела.

--- Нет, мы поступим по-другому. Лучше я отведу тебя прямо к

сокровищу.

Шахта оказалась глубокой и узкой. Гаунт спускался, осторожно нащупывая опоры, но старый камень крошился под руками. Он пытался понять, что здесь было с самого начала. Быть может, это был город, построенный прямо в скале. Скорее всего, эта шахта служила частью вентиляционной системы и уходила. Император знает куда.

Гаунт наконец почувствовал под ногами твердую поверхность, выпрямился и отвязал трос. Туннель впереди был низким и извилистым. Пахло сыростью и гнилью.

--- Лазган! --- прозвучало сверху.

Гаунт легко поймал падающее оружие, немедленно включил фонарь, который Дорден приотал к стволу клейкой лентой, и взял лазган на изготовку. Луч света лизнул грязные стены. Судя по звукам сверху, кто-то еще следовал за ним.

Через полчаса спустился последний человек из их группы. Туннель осветили

фонари, закрепленные на лазганах. Только Дорген не взял оружие и освещал себе путь факелом, а Браз захватил автомашку. Здоровяку при спуске пришлось хуже, чем остальным. Из-за своей комплекции и тяжелого оружия он чуть было не застрял в шахте и ударился в панику.

Ларкин ныл что-то о клаустрофобии и смерти в подземелье. Молодой Каффран явно волновался. Дорген растерял последние капли оптимизма. Барунастешливо глядел на них. Роун угрюмо молчал. Гаунт улыбнулся про себя. Он не ошибся с выбором. Никто не скрывал неприязни и беспокойства. Значит, потом не будет сюрпризов. И здесь были лучшие диверсанты, снайперы, стрелки и врачи Танинского полка, Первого и Единственного.

Казалось, не меньше подземелья гвардейцев беспокоили непревзвешенные напарники — имперский тактик и его охрана. Молчаливые телохранители преодолели шахту с легкостью профессионалов. Они как привязанные ходили за своим командиром и постоянно

держали оружие наготове.

Отряд двинулся по заваленному битым камнем туннелю. Свет фонарей высвечивал неровности стен, отбрасывал ступенные тени.

Через двадцать минут пути они набрали на пещеру. С потолка звонко капала вода. Древние стены покрывал слой извести. Влажно поблескивали жилки минералов. Лучи света легли на великолепную резную арку впереди.

Гаунт поднял лязган и послышался фонарет: «За мной».

--- Он желает видеть вас, сэр, --- произнес адъютант.

Лорд-генерал Дравер не желал слушать. Он не отрывал взгляда от ретрансляционных пластин, на поверхности которых мелькала жуткая бойня, в которой были уничтожены силы маршала Сендака на подступах к цели

Секундус. Одна за другой пластины потухали или мгновенно заливались чернотой, когда выходили из строя полевые записывающие устройства. Генерал не ожидал ничего подобного. Потому что это было... просто невозможно.

--- Сэр? --- позвал еще раз адъютант.

--- Удиот, как ты не понимаешь?! У меня здесь кризисная ситуация! --- Дравер яростно повернулся в кресле, расталкивая видеопластины. --- Мы теряем второй фронт, наши силы истребляют! Мне нужно время, чтобы выработать план контратаки! И мне здесь нужен оперативный совет в полном составе!

--- Я немедленно пошлю за офицерами. --- Слова тяжело давались адъютанту, будто его напугало что-то страшнее самого генерала. --- Но инквизитор настаивает.

Помедлив еще пару мгновений, Дравер растегнул ремни командирского кресла и ступил на мостик. Он не любил испытывать чувство страха, но именно это чувство заставляло сейчас

колотиться его сердце. Собравшись с силами, генерал направился к дверям. На дороге он приказал своему заместителю временно принять на себя командование и собрать всех старших офицеров.

— Передайте всем выжившим войскам группы Сендака отступить и перегруппироваться на плацдарме А. Одиннадцать-двадцать три. Проинформируйте все наступающие группировки о том, какую опасность представляют собой башни. И к моему возвращению я хочу видеть готовые оценки ситуации и стратегию контратаки.

Под сферой командирского мостика находилась изолированная каюта, куда привел генерала медный трап.

Полутрак каюты наполнился запахами благовоний и дезинфицирующих средств. Приглушенно гудела медицинская аппаратура. В центре каюты, скрытая пологом из прозрачного пластика и укутанная паром, стояла койка. Медицинский персонал в красных халатах с капюшонами, увидев лорда-генерала,

неслышно покинул помещение.

--- Вы хотели видеть меня, инквизитор Хелдан? --- спросил Дравер.

За пластиковым пологом угадывалось движение. Дравер отметил гноящееся отверстие на шее Хелдана и рану на виске под слоем синтетической кожи и рядом металлических скоб по краям. К голове инквизитора тянулось множество трубок, откачивающих кровь и гной.

--- Мы уже близко, милорд Дравер, --- тихо захрипели голосом Хелдана вокс-ретрансляторы возле койки. --- Сокровище совсем рядом. Я чую его через мою тарионетку.

--- Что нам предпринять?

--- Собрать все силы и действовать. Прикажи янтийцам наступать. Я буду наводить их на след Гаунта. Времени слабости и полутер прошло. Пора нанести удар.

Смерть водонагом обрушивалась на танитские ряды из арок некрополя. Это был ливень лазерных лучей и прерывистых разрядов древнего электрического оружия. Воздух грозил под тяжестью снарядов, выпущенных из бесчисленных дул. Острые стальные шипы падали на гвардейцев роями хищных насекомых, неспешно заходящих на свою жертву. Попадание такого снаряда разрывало человека в клочья. Корбек с ужасом наблюдал, как его солдаты буквально взрываются. Всех, кто оказывался рядом, накрывал град шипаннели.

Один из шипов вонзился в землю возле укрытия Корбека. Ничего не происходило. Осторожно вынув шип острием ножа, Корбек обернул руку полкой плаща и поднял снаряд. Грубый конус из темного металла, покрытый бритвенно-острыми чешуйками. Черная, оплавленная стеклянная вставка в основании. Двигатель. Корбек решил, что эти шипы стреляют из какого-то подобия ракетницы. При выстреле боек разбивает стеклянную капсулу с горючим, запуская снаряд. Дьявольски эффективная

в своей простоте штука. Острые чешуйки
установлены таким образом, чтобы
разлетаться при контакте с
поверхностью. Пока в человека и
взорвавшись, они перемалывали его
изнутри. Если же снаряд врезался в
твердую поверхность, то разлетался
стертоносным облаком шрапнели.
Чешуйки были уложены спиралью, —
видимо, снаряд раскручивался при
выстреле. Корбек вдруг осознал, что не
видел такого варварского и одновременно
идеального инструмента убийства.

Глядя на огненную бурю, полковник
тяжело вздохнул. Вестей от диверсионной
группы комиссара так и не было. О его
целях он мог точно сказать только одно:
Гаунт шел на большой риск.

Связавшись с командирами взводов,
Корбек приказал им продвигаться по
склону, занимая столько земли, сколько
возможно. В его распоряжении было две
тысячи лазганов. Тяжелые орудия
продолжали обстреливать зиккрат, и его
стены начинали трескаться и осыпаться.
Но ответный огонь не ослабевал.

Связист Корбека рядовой Махан сгорбился над своей вокс-станцией и что-то непрерывно говорил в трубку. Из коммуникатора лился поток докладов с полей боя. Гвардеец лихорадочно записывал входящую информацию. Неожиданно Махан схватил полковника за шиворот, подтащил к рации и сунул трубку к его уху.

--- ...смерть! Башни --- это смерть! --- расслышал Корбек.

Он взглянул на Махана, пытавшегося справиться с лавиной информации и записать все в информационный планшет.

--- Группа Терциус разбита и отступает, --- бормотал он, декодируя сообщения на ходу. --- Сендак погиб... фес, будто они все поумирали! Дравер дал приказ к общему отступлению. И эти башни...

Корбек выхватил планшет из рук связиста и проглядел приказ Верховного командования. К нему были приложены нечеткие снимки, сделанные перед гибелью Сендака. Полковник смог теперь рассмотреть, как включаются

энергетические барьеры между башнями, как на их вершинах появляются вражеские войска.

Инстинктивно он оглянулся на ближайшие каменные столбы. Если их поля вдруг оживут, Призраки тоже окажутся в ловушке.

Ход его мыслей прервала новая волна спешных докладов и сообщений. Активировались башни вокруг цели Секундус. Маршал Тарантин знал о том, что произошло у капища Терциус, и перестроил свои войска. И все же его группировка несла тяжелые потери. Они избежали ловушки, но атака группы Секундус была остановлена.

--- Фес твою мать! --- ругнулся в пустоту Корбек и переключил свой микрорепедатчик на общий канал. --- Всем Призракам! Если вы находитесь поблизости от любой каменной башни, используйте все доступные средства для ее уничтожения! Ради нашего спасения!

В ответ раздалась удивленные возгласы, и полковнику пришлось просто орать в коммуникатор:

--- Быстрее, дебилы фесовы!

В двухстах метрах взметнулись вверх первые фонтаны грязи и пламени. Взвод сержанта Варла первым повернул реактивные гранатометы в сторону башен и уничтожил две ближайшие. По левую руку взводы Фолора и Лерога последовали их примеру. Не меньше семи башен уже обрушились. Находившийся в арьергарде наступления взвод Куралла продолжал взрывать обелиски вниз по склону. Каменная крошка и пепел горящих танкострелов облаками плыли над разбитыми башнями.

Сержант Хаскер доложил, что его взвод потерял все тяжелое вооружение в первые минуты столкновения. Ему оставалось использовать мины и гранаты.

Махан собирался что-то сказать полковнику, но остановился и удивленно стер с губ свежую кровь. Корбек почувствовал, что его нос тоже начинает кровоточить. Воздух наполнился давящим звоном.

--- Ах ты... --- начал было Корбек.

Махан тряхнул головой, разбрызгивая

капельки крови. Неожиданно его наушники затопил чудовищный шум. Лопнули барабанные перепонки. Своего крика он уже не слышал. Связист забился в судорогах, пытаясь освободить уши от этой пытки.

Он слишком сильно высунулся из укрытия. Стальной шип разорвал его до пояса. Вокс-станция на его спине взорвалась. Корбена окатило потоком крови. Одна из острых чешуек снаряда, взорвавшегося в груди связиста, вонзилась полковнику в бок.

Хватая ртом воздух, Корбек сполз на землю. Боль захлестывала его с головой. Осколок вошел глубоко между ребрами и разорвал что-то внутри. Под ногами медленно росла алая лужа.

Из всех сил стараясь не терять сознания, Корбек выглянул наружу. Звон в ушах и кровотечение могли значить только одно. Полковник достаточно сражался с отродьями Хаоса, чтобы понять это.

Ожили башни капища Примарис.

Сложившись пополам, Корбек кое-как зажал кровоточащую рану и осмотрел

линию своих войск. Он вовремя сообразил, что нужно было делать. Призраки уничтожили достаточно башен, чтобы разорвать цепь. От крепости протянулись щупальца ярких энергетических импульсов. И не обнаружили каменных обелисков. Благодаря Корбеку план противника рушился, как карточный домик.

Не находя своих целей, пучки гравольской энергии забились в агонии и устремились к некрополю. В мгновение ока вражеское оружие сделало ту работу, на которую могли уйти месяцы осады. Удар неконтролируемой энергии обрушил тонны гранита. Брызнув осколками, колоннады и ступени начали складываться, погребая под собой туннели и всех, кто там оказался.

Для танитцев не все шло так гладко, как казалось. Взвод Хаскера не успел заминировать все башни, и включение энергополей застало их в самом разгаре работы. Почти пятьдесят гвардейцев, в том числе Дорейн Хаскер, мгновенно превратились в горстки пепла.

Но смерть Хаскера была немедленно отомщена. Силовое поле загело уже установленные мины. От взрыва содрогнулся весь холм. Башни просто испарились. Земля поднялась на дыбы. Освободившаяся энергия стрелой рванулась к некрополю, пробив в скале новое ущелье.

Больше никто не стрелял. Маневр Корбека нанес поклонникам Хаоса смертельную рану.

Скатившись обратно в окоп, вытокивший в крови полковник добрался до своего вещмешка. Найдя аптечку, он кое-как перебинтовал рану. Затем Корбек быстро проглотил несколько обезболивающих пилюль, запил из фляжки и прошептал литанию исцеления.

Корбек сознательно превысил безопасную дозу. Вначале перед глазами все расплылось, но боль ушла, и к нему возвращались силы. Несмотря на дрожь в груди, он чувствовал, что ожил. Ожил ровно настолько, чтобы продолжать двигаться, в глубине души понимая, что это его финальная бравада.

В аптечке полковник обнаружил

восемь обезболивающих пилюль и переложил их в карман. Такой дозы обычно хватало на неделю, но он готов был использовать ее за час. Он будет драться до конца, пока боль не станет сильнее лекарства и не погубит его.

Встав в полный рост, Колм Корбек погнул ладан и переключил микробусину вокса на общий канал связи:

--- Корбек --- всем Призракам Танит. Мы выдвигается!

Полковник Фленс наблюдал из долины за тем, как яростно пляшут отсветы на холмах. Низкие темные облака то и дело лизало рыжее пламя взрывов. Сгущающиеся сумерки согрогались от грохота, источником которого не могло быть ни одно из орудий Гвардии.

Возле Фленса вытянулся во фронт его вокс-специалист рядовой Дефрайтес. Он протянул полковнику планшет,

который покрывали мелкие строчки приказа высшего командования.

Фленс прочитал его и некоторое время молча стоял среди напоротников и кутерьмы, затеянной вечерними мотыльками.

Танитцы встретились с упорным сопротивлением, но, приняв в расчет опыт штурма других склепов, они вовремя уничтожили сеть силовых барьеров противника, обеспечив себе победу. Гром, доносившийся с холмов, был отголоском их победы.

--- Сэр? --- напотнил о себе Дефрайтес. На поверхности планшета уже появлялись бледные строчки кодированного сообщения от генерала Дравера.

Фленс расшифровал его касанием своего перстня. Резная печать лизнула поверхность планшета лучиком лазера. Уровень безопасности Пурпурный. Лично для Фленса.

На этот раз сообщение было предельно коротким и ясным.

На миг лицо полковника озарила недобрая улыбка. Он повернулся к своим

солдатам. Шесть тысяч гвардейцев
выстроились в колонну по два в долине.
Майор Брохусс бросил вопросительный
взгляд из-под тяжелых век.

Фленс включил свой
микрорепетиторчик.

— Воины Янта Норманид Прим, мы
получили приказ! Досточтимому лорд-
генералу Драверу стало доподлинно
известно, что комиссар-полковник Гаунт и
его банда так называемых Призраков были
совершены Хаосом! Почему только и
одним удалось пробиться сквозь защиту,
остановившую таких полководцев, как
маршалы Сендак и Тарантин? Они
отмечены печатью зла! Лорд-генерал
Дравер возложил на нас почетную
обязанность покарать их!

Почувствовав поддержку в
добродетельных возгласах солдат, Фленс
откашлялся.

— Мы поднимется на холмы и
атакует с тыла. Забудьте, что они когда-
то были вашими союзниками и вообще
людьми! Их навсегда осквернило клеймо
нашего Вечного Врага! Мы сразимся с

нити и сотрем их в порошок!

Отключив связь, Фленс повернулся к холмам. Он поднял руку, чтобы отдать команду двигаться. Его приказ будет исполнен.

10

Луч света потух.

Гаунт сорвал фонарь с лазгана и отшвырнул в сторону. Оказавшийся в близости Дорден передал ему новый.

--- Осталось еще восемь, --- сообщил врач, помогая Гаунту привязывать фонарь к стволу липкой лентой.

Никому не хотелось заводить разговор о здешней темноте. Стандартный гвардейский фонарь должен был светить непрерывно в течение шести сотен часов. Всего за два часа в этом подземелье потухло больше десятка, словно здешняя тьма пожирала любой свет. Гаунт поежился. Если сама атмосфера этого места могла

вытягивать энергию из фонарей, что же произойдет здесь с человеческим телом?

Но гвардейцы не останавливались. Впереди бесшумно двигались диверсанты Маколл и Бару. За ними — Гаунт и Паркин. Комиссар уже давно заметил, что вместо лазгана Паркин взял с собой старинное глинооствольное ружье, украшенное затейливой резьбой. Ему уже успели рассказать, что из этого ружья он застрелил инквизитора Хелдана. Теперь снайпер считал его чем-то вроде талисмана. Наказывать его за глупые суеверия просто не было времени. Гаунт понимал, насколько хрупко душевное равновесие Чокнутого Паркина. Оставалось надеяться, что в бою это древнее оружие не уступит лазгану в скорострельности.

Следующими в цепочке шли Роун, Каффран и Домор, держа лазганы с фонарями на изготовку. Домор на всякий случай тащил в рюкзаке миноискатель. За ними следовали безоружный Дорден и Браз со своим тяжелым оружием. Замыкал строй Ферейс с безликими

телохранителями в глухих шлемах.

Спустя какое-то время Гаунт остановил отряд, чтобы дать разведчикам время осмотреть туннель и запомнить ориентиры. Пользуясь моментом, его догнал Ферейг.

— Давно не виделись, Брат, — понизив голос, сказал он.

«Не хочет, чтобы его слышали остальные, — догадался Гаунт, — потому что не знает, кому и что я рассказал. Хотя он даже не знает, сколько знаю я сам».

— Да, давненько, — согласился комиссар, рассматривая непроницаемое лицо шпиона в тусклом свете фонаря. — У нас так мало времени для разговора.

— Прямо как на Пашене.

— Да, похоже на то. — На лице Гаунта мелькнула улыбка. — Мы с тобой всю жизнь влипаем в неприятности.

— Как ни жаль, но в этот раз все серьезно, Брат, — покачал головой Ферейг. — По сравнению с этим Пашен Девять-Шестьдесят покажется тебе тренировкой в тире. Признаться, мы с

тобой работали над этим делом бок о бок не один месяц. Просто ты не замечал.

--- Без твоих указаний я бы никогда не разобрался. Первый раз ты связался со мной на Пирите, когда выбрал меня хранителем этого проклятого кристалла.

--- Ты недоволен?

--- Нет, --- процедил Гаунт. --- Я не уклоняюсь от своего долга перед Золотым Троном, даже если он требует вступить в грязную подковерную возню. Но ты нашел мне еще ту работенку...

--- Я знал, что ты с ней справишься, --- с улыбкой заверил его Ферейд. --- Для нее нужен был кто-то надежный, кто-то...

--- Кто-то, кто входит в твой близкий круг доверенных грузей, который ты собираешь, где бы ни оказался?

--- Это жестокие слова, Убрат. Я думал, мы с тобой грузья.

--- Так и есть. Ты знаешь своих грузей, ты ведь сам их выбирал.

Молчание.

--- Что ж, тогда расскажи мне все... с самого начала, --- испытующе взглянул Гаунт.

— Но ты ведь уже все узнал сам, разве нет? — искренне удивился Ферейд.

— У меня в руках только обрывки сведений, которые я смог обнаружить... связать их догадками и логическими выводами... Теперь я хочу услышать все от начала до конца, во всех деталях.

Ферейд отставил к стене лезган, снял перчатки и стал задумчиво разминать пальцы. Гаунт улыбнулся этому жесту. Специалист по тактике Вейланг и нашенский фермер Ферейд были двумя совершенно разными людьми. Они ничем не напоминали друг друга. Но этот жест, этот легкий штрих индивидуальности не могла скрыть даже идеальная маскировка. И Гаунт был рад этому.

— Так уж повелось, что каждый военный создает собственную сеть тайных осведомителей, следящих за высшими военными чинами крестового похода. Эта обычная практика. Макаром осторожен, как истинный наследник Императора. Ему есть чего бояться среди теней. Не все одобрили выбор Слайдо.

Многие генералы не приняли его, в особенности — Дравер. Обретенная власть развращает. Сильнее ее только искушение возможной властью. Человек есть человек, он подвержен порокам. Я стал частью агентурной сети Макаромта, через которую он следил за высшими офицерами. Дравер — гордый человек, Брам. Он не потерпит подобного оскорбления.

— То же самое ты говорил и раньше. Черт возьми, я даже цитировал тебя своим людям.

— Ты ит рассказал? — вскинулся Фереиг.

— Только офицерам. Чтобы удостовериться, что они на моей стороне и понимают, что происходит. Честно говоря, я рассказал ит почти все, что знал, а это не так много. Сокровище цвета Вермильон... Ведь поэтому все изменилось, да?

— Именно. Подумай, даже при наличии преданных войск Дравер ни за что не смог бы свергнуть благородного военмейстера. Но если бы у него было еще

что-нибудь, чего нет у Макаромата,
козырная карта...

--- Вроде оружия.

--- Мощного оружия. Восемь месяцев
назад один из моих собственных
соглядатаев узнал, что агенты Дравера
напали на след какого-то древнего
сокровища. Где и как они получили эту
информацию --- нам неизвестно. Мы знаем
только о тех усилиях и жертвах, которые
пришлось принести его оперативникам.
Немалых, нужно сказать. Но цена была
уплачена. Крупица древней силы, найденная
в темном, запретном уголке Вселенной.
Спрятанное под кодом уровня Вермилльон,
знание о ней переходило от одного псайкера
к другому, от агента к агенту, пока не
попало бы в руки верховного лорда-генерала
Дравера. Конечно же, это сообщение нельзя
было послать в открытую, иначе
Макаромат узнал бы обо всем. Точно так же,
как нельзя было передавать его напрямую
генералу, так как сигнал исходил бы с
враждебной территории, далеко от зоны
влияния Империи. Уже на последнем
этапе, при передаче из Нубилийского

Пролива на Пирит, нам удалось вмешаться и перехватить информацию. У вон тогда она оказалась у тебя.

--- У с тех пор клевреты генерала пытались ее у меня отобрать.

--- Верно. Прегвкүшая такой приз, Дравер привел в движение немалые силы. Он уже знал, где искать и как туда добраться. Но, получив последний кусочек карты этого сокровища, мы не могли позволить Драверу им завладеть. Наше шаткое положение на тот момент не давало нам возможности самим вмешаться и получить его первыми. Поэтому мы приняли решение... хорошо, я принял решение оставить кристалл у тебя и позволить тебе самому найти эту древнюю силу до того, как до нее доберутся слуги лорда-генерала.

--- Знаешь, Ферейг, твоя вера в мои силы пугает меня. Я ведь просто солдат, командир пехотного полка.

--- Ты же знаешь, что это далеко не так. Ты -- прославленный герой с безупречной репутацией. Верный, изобретательный, безжалостный... Ты --

один из избранных Слайдо. Ты настолько обласкан славой, что Дравер не решается выступить против тебя открыто.

Гаунт расхохотался:

--- Послушай, если последние попытки убить меня и моих солдат были не прямыми, я боюсь представить, что тогда это значит.

--- Но ведь ты выжил! --- Ферейд пронзительно взглянул на комиссара. --- Ты зашел уже так далеко! Ты переломил ситуацию, и теперь сокровище почти в твоих руках, как я и надеялся! За кулисами мы делали все, что в наших силах, чтобы помочь тебе. То, что танитцевотправили именно на этот фронт, --- тоже наших рук дело. И я рад, что мне удалось использовать свою новую роль тактика, чтобы оказаться здесь, вместе с тобой.

--- Ну что же, мы и правда здесь, совсем рядом с нашей целью... --- начал Гаунт, подняв ладан.

--- Брат, можно мне взглянуть на то, что было в кристалле... Думаю, пора бы и мне узнать все до конца, если ты

собираемся работать вместе.

Комиссар обернулся, и на его лице медленно проявилось понимание.

--- Ты ведь не знаешь, да?

--- Не знаю?

--- Именно. Не знаешь, ради чего мы здесь рискуем жизнями.

--- А ты думал, что знаю? Даже Макароту и его союзникам ничего точно не известно. Мы знали только одно: это сокровище может дать Драверу силу свергнуть верховное командование крестового похода. Ты -- единственный, кому удалось вскрыть кристалл. Его тайны известны только тебе и тем людям, которым ты их доверил.

Под сводами туннеля прокатился громкий стех комиссара. Изумленные гвардейцы оглянулись на своего командира.

--- Что ж, тогда я тебе все расскажу, Ферейд. Все еще хуже, чем ты ожидал...

Резко свистнул Маколл. Воцарилась тишина.

Гаунт развернулся и вскинул лазган. Уже тускнеющий луч фонаря уперся в темноту. Впереди что-то шевельнулось.

заскреблось.

Из темноты неспешно вынырнул
стальной шип. Пройдя в миллиметре над
пригнувшимся Ларкином, он врезался в
стену и брызнул острыми осколками.
Дотор с жутким криком упал на руки
Каффрана. Острые чешуйки впились в его
глаза и превратили лицо в кровавую кашу.

Комиссар дал очередь в темноту. Из-
за спины послышался грохот автомашки
Брага. Отряд занял оборону в изломанном
туннеле.

«Вот и развязка», — успел подумать
Гаунт.

Глубоко в недрах «Левиафана», в
изолированной сфере под командирским
мостиком, царила тишина. Ее нарушали
редко слышимые из-под марлевых масок
врачей молитвы об исцелении. Облаченные
в красные халаты, будто жрецы в
церемониальных одеждах, они бесшумно

двигались между медицинскими приборами.

Хелдан знал, что находится в руках лучших целителей флота сегмента Пацификус. Едва узнав о тяжелом ранении инквизитора, генерал Дравер отрядил десяток лучших врачей из личного медицинского корпуса. Все это было напрасно. Хелдан умирал, полностью осознавая это. Выпущенная с такого близкого расстояния тяжелая ружейная пуля разорвала его левую щеку и горло, раздробила плечо и ключицу. Его тело все еще не остыло только милостью Императора и стараниями врачей, поместивших его в эту паутину медицинской аппаратуры. Он вытянул шею настолько, насколько позволяли пути трубок и игл, пронзавших его шею и грудную клетку. Сквозь полосу койки он разглядел медные тележки, на которых деловито вибрировали аппараты жизнеобеспечения. Темная жидкость вытекала из его тела по рифленным трубкам на алюминиевом каркасе, проходила через фильтры и очистные

колбы и возвращалась обратно. Каждые двадцать секунд маленький механизм серебристым скорпионом подбирался к его разорванному лицу и опрыскивал его раны антисептиком из жала на хвосте. Лампады окутывали его койку густым дымом благовоний.

Он поднял взгляд к потолку и стал рассматривать сквозь пленку над головой четкие зигзаги черно-белой мозаики. Его разум, великодушный разум, способный измерить границы запретных пространств и купаться в испепеляющем сиянии Улматериума, изучал сплетения кости и обсидиана. Он разбирал их на части, постепенно покидая свое изломанное тело. Он вступил в неясное царство света и тьмы, касаясь тех рычагов, что приводят в движение Вселенную.

Переплетения тьмы и света — ему доставляло удовольствие наблюдать за ними. Он знал, всегда знал, что его место — там, в неясных изгибах серой мглы на стыке света и тени. Он нырнул в этот сумрак и принял его всем своим

естеством. Ему казалось, что он понимает эту потрясающую грань между Тьмой Врага и светом Человечества — лучшее других. Быть может, лучше самого Императора. Эта граница была столь явной и при этом — неизведанной. Подобно любому истинному сыну Империи Человек, Хелган всеми силами, всей душой сражался против Тьмы. Но он не мог вынести жгущей, ослепляющей чистоты света. Тонкая тень между ними была его царством. Ни Император, ни его приемники Макаром не понимали его, и в этом была их слабость. Ее разглядел лорд-генерал Дравер. Поэтому Хелган отдавал все силы, чтобы поддержать его. Так ли важно то, что его желанное оружие создано или извращено Хаосом? Как бы то ни было, его можно обернуть против Тьмы.

Если Человечество желает выжить, его единственный шанс — измениться и шагнуть в тень. Хелган демонстрировал это своим примером все девяносто лет своей службы в Инквизиции. Человек должен отвернуть взор от остывшего Трона Терры. Его неизменность и

стагнация не могут спасти от глубокой, неведомой внешней темноты.

Несмотря на слабость, Хелдан легко проникал в мысли окружающих его врачей. Он видел их страх, их отворачивание к его нечеловеческому телу. Один врач, по имени Гайлат, даже имел наглость считать его опасным животным. Хелдан развлекался тем, что лечил его от этих предрассудков в свойственной ему манере. Время от времени он тихо проскальзывал в его разум, затрагивал кое-какие нервные окончания в мозгу и наблюдал, как врач стремглав бежит в уборную с недержанием или приступом тошноты.

Доступный разум. Хелдан обожал этот инструмент.

Он еще раз окинул взором разумных пустышек, походя удивляясь их ограниченности. Двое врачей тихо переговаривались, стоя возле двери, наивно полагая, что пациент их не услышит. Один из них считал, что травма лишила инквизитора разума. Второй кивал.

Они боялись.

«Великолепно», — устехнулся про себя

Хелган.

Он уже достаточно размял свой разум. Его способности полностью пробудились. Теперь можно приступать к работе. Одним движением брови он позвал врача. Тот подошел к койке и откинул полог, плохо осознавая, что делает.

--- Зеркало. Принеси мне зеркало, --- произнес инквизитор через речевые трансляторы.

Врач послушно кивнул и спустя мгновение вернулся с круглым хирургическим зеркалом в руках.

Хелган поднял его правой рукой --- единственной работающей конечностью. Коротким мысленным приказом он заставил пустышку уйти и вернуться к работе. Инквизитор взглянул в зеркало и увидел в нем свое вытянутое лицо, оскаленный рот, рваные края раны, медицинские трубки. Глубже, в отражение.

Создать марионетку было не так-то просто. Требовался немалый опыт использования боли и настройки рефлексов

тогда, чтобы психическая волна Хелдана стала ключом к мыслям человека. Этот процесс можно было провести с помощью одной лишь грубой психической силы, но хирургическое вмешательство и правильное использование скальпеля делали его куда проще и точнее.

Хелдану нравилась такая работа. Искусно совмещая боль с психической кодировкой, он превращал человека в раба. Он видел и слышал глазами и ушами своей марионетки, ее руки повиновались его командам.

Инквизитор взглядывался в зеркало до тех пор, пока там не отразилось опустошенное, растерянное лицо его раба. Марионетка будет повиноваться его командам. Ее глазами он видел все так четко, будто сам был на ее месте. Как он и обещал Драверу, его марионетка уже находилась рядом с Гаунтом. Он чувствовал все до последней капли влажные катни, затягивающую тьму, жар перестрелки. Вот Гаунт, в одном кожаном кителе, без фуражки и плаща, отстреливается из лазгана.

Гаунт.

Хелдан вошел в разум своего раба и окунулся в море буревавшей там ненависти к Убраму Гаунту. Она ему поможет. Инквизитор поклялся не утирать до тех пор, пока руки его тарионетки не выполнят главный приказ. Пока он не одержит окончательную победу.

Роун распластался на каменном полу. Над головой с воем проносились лазерные лучи и снаряды-шины. Принав к прицелу лазгана, он выскивал цель. Мешала тупая боль в голове, которая становилась сильнее и сильнее. В памяти оживало потускневшее воспоминание о физической боли, терзавшей его тело. Перед мысленным взором Роуна возник образ Хелдана. Чужовище, манипулирующее людьми. Инквизитор. Его изогнутые клинки и микродрели, тянущиеся к лицу.

Хелдан. Да, так звали этого

ублюдка. Он исполосовал тело Роуна
своими ножами, вскрыл его разум. У
темные, отбратительные мысли Хелдана
проскользнули в открытую лазейку...

Майор потнул головой, страхивая
капельки пота. Пошел он, этот Хелдан.
Дав короткую очередь в темноту, он
мысленно поблагодарил Паркина за тот
выстрел, который покончил с этой
тварью. Конечно же, он никогда не скажет
этого вслух. Чтобы такой человек, как
Роун, благодарил чокнутого
простолюдина?

Танитцы успели занять хорошее
укрытие. Все, кроме Бару. Раненный в
колени, он барахтался на полу и стонал.

Вслед за громкой командой Гаунта в
темноте туннеля мелькнул багряным
сиянием разогретый огнем ствол
автоматки. Браз развернул оружие и
послал глинную очередь над головами
Призраков. Под ее прикрытием Гаунт и
Маколл успели втащить Бару в укрытие.
Крики Домора все не утихали. Стараясь
не слушать их, Каффран пытался
перебинтовать его лицо.

Лазерные лучи отплясывали свой бешеный танец на углах коридора. Роуна больше волновали снаряды-шины. Даже если один из них пролетал мимо, он все еще мог причинить вред взрывом осколков. Майор выглянул из укрытия и дважды выстрелил, напряженно выслеживая цель. Мысли Роуна все больше путались в грязной, тошнотворной темноте, которая поселилась там с тех пор, как то огромное, костлявое существо изувечило его. Раз за разом он отталкивал ее, но чужое присутствие так и не исчезало.

Гаунт тем временем проскользнул к Дотору и вцепился в его окровавленные руки.

— Держись, солдат! Ну же, держись, сгруппируйся! Это комиссар... Я вел вас с самой Танит, и уж поверь, я не брошу тебя умирать здесь!

Дотор прекратил стонать и прикусил губу, пытаясь заглушить боль. Теперь Гаунт разглядел, что его лицо было разорвано. Глаза вытекли, а кожа правой щеки свисала лохмотьями. Взяв у

Каффрана бинт, комиссар стал собирать
лицо гвардейца по кускам. Вскоре
глазницы Домора прикрывала плотная
марлевая повязка. Видя, что Дорген
заканчивает с коленом Бару, Гаунт
подозвал его. Военврач кое-как
проскользнул под вражеским огнем.
Комиссар немедленно вспорол рукав
Домора ножом, Дорген нащупал на
сведенной болью руке вену и вколол дозу
обезболивающего.

Гаунту пришлось видеть немало
смертельных ран. С первого взгляда он
понял, что без серьезной аппаратуры
полевого госпиталя Домору не
продержаться, слишком серьезными были
ранения глаз. Повязка начала покрываться
ржавчиной кровавых пятен, и Дорген
сокрушенно покачал головой. Домору
повезло, что он не мог видеть этого
безмолвного приговора.

--- Ты будешь жить, --- уверенно сказал
Гаунт. --- Даже если мне придется
тащить тебя на себе...

--- Бросьте меня... --- простонал в
ответ Домор.

— Ты предлагаешь мне бросить тут
подыхать гвардейца, который остановил
магнитный поезд и дал нам шанс победить
на Фортис? Домор, твоими стараниями
мы взяли целую планету! Да я лучше руку
себе отрублю и брошу ее здесь!

— Вы хороший человек, — прохрипел
солдат, едва дыша. — Особенно для
анрота...

Гаунт невольно улыбнулся.

Позади Ларкин прицелился и свалил
еще один размытый силуэт выстрелом из
древнего ружья. Маколл, Роун и
телохранители Ферейда освещали
коридор мерцающим потоком лазерного
огня.

А потом все накрыла неожиданная
тишина.

Вперед скользнула ступенчатая тень
Маколла. Следом — один из солдат
Ферейда. После минуты ожидания
раздался долгожданный крик: «Чисто!»

Гвардейцы вновь построились для
перехода. Каффран помогал идти Домору,
хромого Бару поддерживал Дорден. На углу
они смогли разглядеть тела своих

недавних врагов. Восемь изможденных, покрытых язвами людей в пластиковых комбинезонах и скалящихся костяных масках. Их покрывали знаки, на которые было больно даже смотреть. Знаки чумы и тления. Гаунт приказал собрать все доступные боеприпасы. Роун закинул лазган за плечо и поднял огни из шипотетов, глинное ружье, заканчивающееся широким штыком под стволом. Майор не забыл взять из уже бессильных рук хаосопоклонника и сумку с шипами.

Гаунт молчал. Сейчас не время выбирать средства.

Крепость погрузилась в тишину. Разбитый каменный фасад начинал крошиться: где-то --- серый, прозрачный, где-то --- черный и густой.

Полковник Колм Корбек, не чувствуя собственного тела от передозировки

обезболивающим, вел Призраков через заваленный обломками ров, прямо к зиккурату в скале. За ним сквозь руины бесшумно пробирались едва заметные воины Таним, держа оружие наготове.

Корбек ничего не сообщал генеральному штабу. Это наступление должно быть очень тихим и незаметным.

Призраки в одиночку отобьют столько территории, сколько смогут, и только тогда позовут на помощь.

Они осторожно ступали по разбитым, сплавленным в черные пузыри камням. Под ногами хрустели кости вражеских солдат. Отгача нарушенного энергетического барьера превзошла все ожидания полковника. Он отправил на разведку взвод Варла, выдав им вдвое больше миноискателей, чем обычно.

Что-то заставило Корбека обернуться. За его спиной стоял Майло.

--- Я думаю, не время для песен, сэр? --- произнес он, похлопав по свернутой волынке.

--- Да, рановато еще, --- кисло улыбнулся Корбек.

--- Полковник, с вами что-то не так?

Корбек потнул головой. В этот момент он осознал, что давно чувствует во рту металлический привкус. Он сглотнул.

--- Все нормально...

--- Что скажете, сэр? --- Рядовой Лайнел передал монокл сержанту Блейну.

Согласно приказу комиссара Таунта седьмой взвод окопался на гребне холма, охраняя тылы. Блейн понимал, зачем они здесь. Комиссар объяснил все предельно просто, но сержант так и не придумал, как рассказать это своим солдатам.

Прильнув к оптическому прибору, он увидел наступающие ряды Антийских Патрициев. Они шли огневыми группами, выстроившись в коробки подразделений. Наступательное построение, нечего даже гадать.

Скользнув в заросли папоротника, скрывавшие его окон, Блейн вызвал связиста Симбера. Лицо сержанта стремительно бледнело.

--- Как будто... как будто они собираются нас атаковать, сэр! --- в замешательстве произнес Лайнем. --- Они что, приказы перепутали?

Блейн тряхнул головой. Гаунт производил впечатление человека, твердо уверенного в том, что говорит, но Блейн все равно отказывался верить. Гвардия сражается с Гвардией. Это было... по крайней мере нелогично! Комиссар говорил так убежденно, так ясно. И только сейчас сержант начал осознавать весь ужас происходящего. Он принял трубку из рук Симбера.

--- Призраки седьмого взвода, --- просто заговорил он. --- Установить оборонительный периметр на вершине и приготовиться отразить нападение янтийцев. Если они откроют огонь, будьте уверены --- это не ошибка. Это прямое нападение. Знайте, лично комиссар предупредил меня об этом. Прочь все

сомнения. Я на вас рассчитываю.

Будто по команде, первые ряды янтийцев сверкнули вспышками лазеров.

Блейн приказал ждать, когда противник подойдет ближе. Он нервно сглотнул. Сложно поверить в это безумие. И к тому же — целый элитный полк Янтийских Патрициев против его пяти десятков?

Лазеры прочерчивали яркие линии все ближе. Сержант приказал Симберу настроить полевую рацию на личный канал комиссара.

Молчание. Блейн катал на пересохшем языке твердую ледышку слова, пока наконец не заставил себя выдохнуть его: «Духотворец».

Сырая тьма срывалась к полу холодными каплями. Сквозь ее покров они увидели источенные водой каменные стены пещеры, под сводами которых шепталось

эхо. Доктор уже мог идти, и Каффран просто вел ослепшего гвардейца за руку. Один из безымянных телохранителей Ферейда стенил Доргена и помогал идти Бару.

Единственными живыми существами, помимо гвардейцев, в этих пещерах были тараканы. Точнее, здесь все кишело ими. Сначала крупные черные насекомые встречались редко, по одному. Солдаты так и не поняли, когда эти единицы превратились в сотни и тысячи. Ларкин пытался давить их, но вскоре бросил это безнадежное занятие. Темнота ожила, зашевелилась, заскребла хитиновыми чешуйками по стенам, потолку и полу. Сутрак наполнился шорохом. Любой звук тонул в этом непрерывном копошении. Под ногами хрустело. Ковер насекомых казался единым живым существом.

Неприятная дрожь еще преследовала Призраков, когда кишачий тараканатный туннель остался, наконец, далеко позади. Теперь их окружали стены из сплавленных вместе стеклянных блоков и восьмиугольные арки. За многие столетия

поверхность стекла истерлась и помутнела. Теперь она возвращала свет фонарей зыбкими тиражами. Четкие отражения стменялись тусклыми, туманными отсветами. Острый взгляд Маколлы уцепился за темные вкрапления в стене, похожие на песчинки в жемчужине. Кости. Под поверхностью стекла застыли полурасплавленные кости, подобно жукам-короедам, которых диверсант находил на родине в янтарной столе нэла.

Маколл остановился. Темное стекло отразило стройного, жилистого мужчину. Чней седины тронул его виски и бороду, и все же он выглядел молодого для своих пятидесяти лет. Маколл вдруг до боли отчетливо вспомнил родные леса. И свою семью. Жена умерла от лихорадки почти двенадцать лет назад, а сын не захотел унаследовать дело лесника и отправился на лесопилку.

Что-то здесь было, в этом месте. Мог ли он представить тогда, когда еще была жива его любимая Эйлони, что такой склеп наполнит ему о доме, о родных нэловых лесах? Спусти какое-то время

после Основания Таунт изучил биографию Маколл и с благословения Корбека назначил его командиром диверсионного взвода. Тогда комиссар вызвал его к себе, чтобы поговорить о нэловых лесах. Таунт сказал, что благодаря кочующим лесам жители Таним приобрели великолепные навыки ориентирования. Эти навыки и сделали их лучшими по части разведки и диверсионных операций.

С тех пор Маколл особенно не задумывался о таких тонкостях и только сейчас осознал, сколько правды было в словах комиссара. Находить меняющиеся каждый день тропы среди лесов, вечно ползущих куда-то вслед за солнцем, стало его второй натурой, въелось инстинктом в самое естество. Его жизнь была одной большой охотой на стада кулайнов, которых он выслеживал в нэловых чащах. И как бы они ни прятались, Маколл всегда возвращался со свежими шкурами и рогами.

Маколл был охотником. Он всегда был на «ты» с окружающим миром и легко читал все знаки, кроющиеся в вечно

меняющихся сплетениях случайностей. С тех пор как Гаунт отметил этот дар, Маколл довел его до совершенства в себе и в каждом бойце своего взвода. И он мог с полным правом сказать, что ни разу не ошибся и не подвел комиссара.

Вот теперь он точно удостоверился, что в этих туннелях было что-то, что так сильно напоминало погибшую Танит.

Маколл дал знак остановиться. Телохранитель, которого послал с ним этот незнакомец Вейланг, обернулся. Должно быть, он вопросительно посмотрел на него. Забрало красно-черного шлема скрывало лицо. Маколл не доверял тактику и его солдатам. С ними явно было что-то не то. Он не доверял тем, кто скрывал свое лицо, и не доверял Вейлангу, даже несмотря на то, что тактик не носил шлема. В мыслях Маколла неожиданно возникла Эйлони, беззлобно ругающая его за недоверчивость и замкнутость.

Он моргнул, и образ жены растаял. Диверсант был уверен в своих догадках. Телохранители двигались так же

бесшумно, с тем же уверенным профессионализмом, что и любой танитский разведчик. И все равно с ним было что-то не так. Как со всем этим подземельем.

Вскоре его догнал Гаунт.

--- Маколл? --- окликнул он танитца, не обращая внимания на вытянувшегося по стойке «смирно» телохранителя.

--- Здесь что-то не то. --- Диверсант тахнул рукой на коридор. --- Эдешняя топография, как бы это сказать... ненадежна.

--- Поясни, --- насторожился Гаунт.

Маколл только пожал плечами. Еще на борту «Авессаломы» котиссар позволил ему изучить карты, содержащиеся в кристалле. Маколл пересматривал их не один раз. Он понимал оказанную ему честь --- прикоснуться к грузу тайных сведений, который нес Гаунт.

--- Здесь все не так, как должно быть. Мы все еще на верном пути, и фес меня возьми, если я вас не выведу к цели. Но тут все другое.

--- По сравнению с той картой,

которую я показывал тебе?

--- Если бы только это... Тут все было по-другому пять минут назад. Здание само по себе устойчиво, --- он похлопал по стеклянной стене, будто в подтверждение своих слов, --- но направление все время меняется. Не знаю, как объяснить. Как будто лево и право, верх и низ все время меняются местами...

--- Я ничего такого не замечал, --- вмешался солдат Вейланда. --- Нужно двигаться дальше. Все тут нормально.

Гаунт и Маколл стерили его трачными взглядами.

--- В таком случае, может, мне уже стоит взглянуть на вашу карту? --- поинтересовался кто-то за спиной. Тактик Вейланд дружелюбно улыбнулся. --- И на всю остальную информацию? Нас как раз прервали... на этом месте.

Неожиданно для себя Гаунт засомневался. Как странно. Он готов был пройти с Ферейдом сквозь Око Ужаса. И он уже показал эти данные тем, кому доверял. Маколлу, например. Но сейчас что-то удерживало его.

--- Убрат? Мы ведь на одной стороне,
да?

--- Конечно.

Гаунт вынул информационный
планшет и отвел тактика в сторону. Во
имя Императора, о чем он только думает!
Это же ферейг. ферейг! Маколл был прав.
Что-то здесь было не так, и оно
заставляло Гаунта сомневаться в своих
собственных мыслях.

Маколл ждал. Он окинул
телохранителя изучающим взглядом.

--- Послушай, я даже не знаю твоего
имени, --- наконец выдал он. --- Меня
зовут Маколл.

--- Сержант Клют, охранные войска
оперативно-тактического совета.

Гвардейцы кивнули друг другу.

«Хоть бы теперь показал свою фесову
торгу», --- подумал Маколл.

В глубине туннеля вновь раздалась
стены Дотора. Дорден еще раз осмотрел
его раны. Ларкин подозрительно озирался,
держа на мушке зыбкие тени вокруг.

Роун всматривался в стеклянные
стены, и его лицо стремительно

мрачно.

--- Там полно костей, --- проговорил он. --- Фес, какую наго было устроить резню, чтобы даже кости расплавились и превратились в стекло?

--- Еще спроси, как давно все это случилось, --- добавил Дорген, меняя повязку Дотору.

--- Кости? --- переспросил Браг и взглянул туда, куда указывал майор. --- К фесу все это место, и палки нэловой не стоят!

Каффран зашипел на него. Все это время он нес полевой вокс Дотора и подключил к ней свой микропередатчик, чтобы прослушивать каналы полевой вокс-связи. Передатчик был не таким мощным, как взводные рации Раглона или Макэнна, а дальность приема становилась еще меньше из-за толщи камня над головой. У все же он что-то слышал. Зацикленная запись вокс-сигнала. Идентификационный код Первого Танитского полка, седьмого взвода. Это парни Блейна.

--- Чего там, Кафф? --- обеспокоенно спросил Ларкин.

--- Отвечайте, рядовой Каффран, ---
вторил ему Роун.

Не тратя времени на разговоры, Каффран оттолкнул их обоих с дороги и поспешил туда, где стояли Гаунт и имперский тактик.

Свет дисплея информационного планшета заливал лицо Вейланда. Его глаза расширились.

--- Это... просто невероятно! ---
выдохнул Ферейд. --- Это же то, на что мы надеялись!

--- На что вы надеялись? ---
подозрительно спросил Гаунт.

--- Ты понимаешь, о чем я, Брат? Трон Терры! Неужели что-то подобное еще существует... и так близко. Мы не ошиблись, взявшись за это дело. Дравер не должен завладеть... этим. --- Ферейд еще раз проглядел данные на экране и поднял взгляд на комиссара. --- Значит, вся наша работа, все усилия и потери --- все это не напрасно. Теперь мы в этом уверены. Мы не потратили время зря, гоняясь за призраками... Без обид, --- добавил он, заметив Каффрана.

Наблюдая за тактиком, Маколл невольно поторщился. Неужто это место так давит на его разум? Или он разглядел в тактике что-то такое, чего не видел сам Гаунт?

--- Каффран? --- Гаунт заметил своего временного связиста.

Тот протянул комиссару свеженанпечатанный листок с сообщением.

--- Передача от сержанта Блейна, сэр. Очень нечеткий сигнал, сложно разобрать. Едва поймал. Всего одно слово, сэр: «Духотворец».

На миг Гаунт тяжело закрыл глаза.

--- Брат?

--- Все нормально, Ферейд, --- ответил он старому другу. --- Произошло то, что должно было произойти, хоть я и надеялся, что до этого не дойдет. Дравер сделал ответный ход.

Развернувшись к Каффрану, комиссар указал на вокс-станцию, висящую на его плече.

--- Отсюда можно послать ответный сигнал?

--- Ну, можно передавать фес как

долго и упорно, --- ответил связист.

Маколл и Гаунт улыбнулись. Так всегда говорил Разлон, когда было туго с боксом.

Комиссар отдал Каффрану готовую распечатку сообщения. С первого взгляда тот понял, что приказ написан не на танитском жаргоне и даже не в основной кодировке Имперской Гвардии. Хотя он и не мог прочесть его, связист узнал витрийский боевой жаргон.

Каффран скормил листок приемному слому рации, подождал, пока машина прочтет и распознает его, и нажал на светящуюся кнопку «отправить» на приборной панели.

--- Все, ушло.

--- Повторяй каждые три минуты, Каффран. И жди ответа.

Гаунт повернулся к Ферейдгу и бесцеремонно отобрал у него информационный планшет.

--- Выдвигается. Скажи своим людям, --- комиссар указал на телохранителей Ферейда, --- чтобы подчинялись приказам моего разведчика. Без возражений.

Отряд вновь двинулся по следам
Маколлы.

Где-то в хвосте колонны майор Роун
содрогнулся. В его мыслях вновь вырос
чужовищный призрак инквизитора
Хелдана. Он чувствовал прикосновение
ледяной черноты его разума. Измученное
сознание майора сжалось.

«Убирайся, --- из последних сил
твердил он. --- Убирайся!»

Сержант Блейн вдруг осознал,
сколько иронии кроется в происходящем.

Его взвод вступил в битву, достойную
самых славных глав эпической истории
Имперской Гвардии. Пятьдесят солдат
встали на пути тысячи. Никто и никогда
об этом не узнает. Гвардия против
Гвардии --- плохой сюжет для летописи
воинства Императора. Величайшее
сражение Первого, Танитского Первого и
Единственного останется неизвестным.

Даже Верховные лорды будут молчать о нем.

Янтийские войска при поддержке легкой артиллерии в долине и тяжелого пехотного вооружения развернули широкое наступление по флангам позиции Блейна. Призраков брали в клещи, зажимали между огневыми линиями. Патриции шли уверенно, методично обрушивая на противника один залп лазерного огня за другим. Каждые двадцать секунд пятнадцать тысяч импульсов хлестали над головами танитцев. Сотни маленьких гейзеров серой пыли вздымались в воздух при каждом залпе. Сухой папоротник вокруг танитских окопов быстро выгорал.

Блейн наблюдал за янтийцами в телескоп. Их уверенный шаг и регулярный огонь отзывались неприятным холодком по коже. Воинская каста Янта воспитывала идеальных солдат для тяжелой пехоты. Их серебряная с пурпурным боевая броня больше подходила для лобовой атаки, чем для быстрых диверсионных вылазок. Танитцы были диверсантами, разведчиками, легкой пехотой. Патриции

же представляли собой настоящие штурмовые войска. Их потрясающая выучка вселяла ужас. С каким умением они сжимали удавку на горле седьмого взвода, принимая во внимание особенности рельефа местности.

Сержант подавил острое желание ответить сразу же, как Патриции открыли огонь. Танццам нечего было противопоставить их тяжелому оружию, высунись они из укрытия. Лазерный обстрел был просто приманкой, ловушкой для слабонервных.

Пятьдесят гвардейцев его взвода заняли оборону на самом гребне холма. В мгновение ока ямы и канавы на вершине превратились в траншеи, обложенные мешками из скаток и маскхалатов, набитых серым песком. Блейн отдал четкий приказ: прилечь штыки, перевести оружие на огонь одиночными и ждать его команды.

Первые десять минут их линия молча выносила лазерный обстрел, задыхаясь в клубящейся пыли. Вскоре посыпались малокалиберные снаряды и мины.

Большинство не долетало, попусту перекапывая склон. Блейн так и думал, пока не взглянул повнимательнее. Благодаря полевой артиллерии на флангах его позиции появились готовые траншеи для пехоты. На левом склоне Матриции уже успели занять свежие воронки в сотне метров от вершины. Орудия немедленно скорректировали прицел и начали копать следующий ряд, уже ближе.

Блейн зло обругал тактику Матрицев. Комиссар Гаунт всегда говорил, что бояться стоит врагов двух типов: совершенно диких и высокообразованных. И последние были гораздо опаснее. Янтийцы были прекрасно подготовленными солдатами, знающими все тонкости военного дела. Свою устрашающую репутацию они заслужили сполна. Блейн слышал истории о них еще до того, как был призван в Гвардию. И теперь он слышал их пение. Тысячи низких, глубоких мужских голосов тихо и протяжно выводили победный гимн. Их прекрасная, пугающая своей уверенностью

песня подавляла всякую волю сражаться.
Сержант поежился.

— Чертовы песенки! — прорычал рядовой Кольн, укрывшийся рядом.

Блейн молчал. Лазерные лучи метались уже над самыми головами, а это значило, что теперь янтийцы попали в радиус поражения лазганов. Сержант переключил свой микропередатчик на открытый канал.

— Взвод, оценить дистанцию и выбрать цели, — заговорил он на танитском боевом жаргоне. — Заряды зря не тратить. Огонь по готовности!

Призраки вступили в бой. Укрепления танитцев сверкнули вспышками лазеров, и строй наступающих янтийцев потерял не меньше десяти солдат. Темп огня возрастал. Лазерные лучи накрывали Патрицьев волнами, прошивая их линию в трех десятках мест сразу. Ряды дрогнули, огонь янтийцев слабел на глазах. Силы были почти равны. Танитцы находились в надежном укрытии и вели стрельбу с возвышения. Но, в отличие от янтийцев, они не могли рассчитывать на

ежелтинутное подкрепление.

Десять выстрелов в минуту. Каждый четвертый уносил жизнь одного из Патрициев. И все же Блейн чувствовал себя беспомощным. Призраки не могли отступить, не могли воспользоваться выгодным положением для контратаки. Поражение или верная гибель. Ум оставалось только держать строй и сражаться на смерть.

У янтийцев было множество вариантов, но их выбор ошеломил Блейна. После получасовой перестрелки они неожиданно всеми силами бросились в атаку. Почти тысяча тяжелых пехотинцев, прилкнув штыки, покинула свои траншеи на склонах и пошла на штурм позиций его седьмого взвода.

Безумие. Именно так и подумал Блейн: янтийских командиров охватило безумие, пусть оно и приведет их к победе. Пятьдесят танитских лазганов не могли справиться с таким количеством целей сразу. Десятки, сотни янтийцев падали в заросли папоротника на склоне, но перебить их всех Призракам было не по

силам.

--- Кровь Императора! --- воскликнул Блейн, осознав, что происходит. Примитивная тактика: численное превосходство, беспредельная верность и неутолимая жажда победы. Командир янтийцев просто скармливал своих людей огню танитцев, надеясь задавить врага числом.

Триста Патрициев так и не добрались до рукопашной: пали жертвами метких выстрелов Призраков, остались лежать на смертоносном склоне. Еще семь сотен с боевым кличем перевалили через брусстер танитских окопов.

Распевая «Альто кредо», древний боевой гимн Янта Норманид, майор Брохусс возглавлял атаку на жалкие укрепления танитцев. Лазерный импульс вспорол его униформу и обжег руку. Не обратив на это внимания, майор вскинул оружие и пару раз выстрелил в ближайшего Призрака. За майором в траншеи врывались остальные Патриции.

Эти Призраки были полными

ничтожеством... Убивая их, Брохүсс избавлялся от собственных призраков. Призраков прошлого, сопровождавших его всю жизнь после позора на Хедге. И их стало гораздо больше после Фортис Бинари и Нирита. Мощное тело янтийского офицера кипело яростью, жаждой крови и радостью битвы.

Сталь его штыка яркой вспышкой металась из стороны в сторону, пронзая плоть, убивая. Дважды ему приходилось стрелять, чтобы сбросить со штыка тело убитого гвардейца.

Воспитанный в благородных воинских традициях, Брохүсс оценил храбрость и мастерство хрупких людей в черной форме, погибавших в этих окопах. Они сражались до последнего, не уступая Патрициям во владении клинком. Но они были всего-навсего легкой пехотой. Им ничего было противопоставить силе и тяжелым доспехам янтийцев. Дисциплина военных академий Янта была в самой крови бойцов Брохүсса. Там она сливалась с яростной волей к победе, и это делало их теми самыми Патрициями. Так они

заслужили свою устрашающую репутацию, способную тягаться со славой Агентус Астармес.

Если Брохусса и интересовала цена, которую заплатили его солдаты за этот штурм, то только чтобы знать, сколько погребальных гимнов придется петь на церемонии ритуального сожжения погибших. Сколько бы ни было жертв — одна или тысячи, — победа есть победа. А победа над этим предательским сбродом приятна вдвойне. Призраки для него были не более чем паразитами, которых следовало раздавить. Полковник Фленс отдал верный приказ, хотя и побледнел в тот момент, словно чего-то боялся.

Победа была в их руках.

Первого янтийца сержант Блейн поймал еще на бруствере. Пронзив неприятеля штыком, сержант просто перекинул его через себя. Вонзавший Патриций приземлился где-то за спиной. В бедро немедленно вонзился штык второго. Вскрикнув от боли и ярости, Блейн отмахнулся лязганом. Штык

скользнул точно под шлем и вспорол горло противника. Сержант добил его выстрелом в лицо.

Кольн успел застрелить двоих, прежде чем его тело почти разорвали сразу несколько клинков. Окопы захлебывались кровавой яростью рукопашного боя. Симбер убил троих Патрициев, только что зарезавших Кольна. В следующий миг лазерный луч срезал верхнюю половину его черепа. Еще держащееся тело гвардейца рухнуло на горю трупов.

Забив еще одного Патриция ударом штыком и прикладом, Блейн увидал падающего Симбера. Он пожалел, что не сможет сейчас подхватить его вокс-станцию и связаться с Гаунтом и Корбеком. Вершина холма кишела сражающимися, кричащими, утирающими слюдьми. Ни секунды передышки. Ни шагу назад. Вот что ветераны называли неклот: раскаленную, обжигающую ярость.

Расстреляв янтийца в двух шагах от себя, Блейн развернулся и всадил штык под челюсть еще одного солдата, уже

затахнувшегося для удара. Что-то жесткое и горячее толкнуло его в спину. Опустив взгляд, Блейн обнаружил, что из его груди торчит кончик янтийского иштыка и струится кровь.

Кривясь от злого ликования, майор Брохусс нажал спусковой крючок. Лазерный импульс сбросил тело Призрака со иштыка. Сержант Блейн беззвучно упал лицом в серую пыль.

Майло никогда не чувствовал такого страшного жара.

Призраки осторожно двигались сквозь руины некрополя. Дорога вывела их в долину, скрытую от солнечного света многочисленными колоннами. Когда-то это было широкое ущелье. Древние архитекторы превратили его в храм протяженностью восемь километров, выбив огромные арки ниш в стенах, воздвигнув титанические колонны.

Выложенный камнем пол проседал от времени. Старинные постройки медленно распадались, оставляя в память о себе груды камней.

Отгача защитной сети добралась и сюда. Первозданные чернильно-черные камни вобрали в себя ее энергию и теперь излучали ее обратно. На дне ущелья царили чудовищный жар и сухость. Черная форма танитцев потяжелела от пота. В камуфляжных плащах оставались только разведчики.

Шедший рядом с Майло рядовой Деста сплюнул на ближайший черный камень. И отпрянул, когда плевок испарился во вспышке энергии.

Майло поднял взгляд. Меж стенами ущелья сквозило бледно-голубое небо, как в жаркий летний день, и в тени камней должна была скрываться прохлада. Но здесь царила чудовищная жара. Хуже, чем в тропических лесах Калигулы и в заливах Волтиса. Даже палящий летний зной Санит Магна не был так силен.

Жар камней пронизывал юного адьютанта до самых костей и сухожилий.

Сознание едва удерживалось от спасительной темноты обморока. Горло сводило приступами жажды. Майло вспоминал кусачий мороз городских окраин на Пирите, казавшийся таким неприятным. Он многое отдал бы, чтобы оказаться там сейчас. Достав флягу, Майло хлебнул воды — омерзительно теплой, как кровь.

Чья-то тень накрыла его. Колм Корбек задержал его руку с флягой.

— Не торопись. На такой жаре нам нужно сохранить припасы, чтобы было чем подпитывать организм. Выпьешь сейчас слишком много — сведет желудок и все выблюешь. Или с потом уйдет.

Майло кивнул и закрыл флягу. Корбек выглядел уставшим. Но его бледной коже струился пот. С ним явно было что-то не то, будто он страдал сильнее других. От боли.

— Вы ранены, сэр?

Корбек оглянулся и потнул головой.

— Да нет, все нормально. Я здоров и силен. Да, точно, здоров и силен, — хохотнул он.

Слабость в голосе.

Майло разглядел рваную дыру на боку кителя полковника. Корбек старательно прятал ее. На черной ткани не различить цвета, но Майло был уверен, что мокрое пятно на ней совсем не от пота, как у всех остальных.

Из глубины ущелья слышался крик одного из разведчиков. Порыв ветра донес треск выстрелов. Повинуясь громким приказам Корбека, Призраки укрылись за раскаленными камнями, стараясь не касаться их. Враг наконец контратаковал.

Войска Хаоса обрушились на них с воздуха. Поддерживая немногих пехотинцев на земле, на гвардейцев двигался целый флот ярких, разномастных воздушных судов. Лезвия винтов остервенело рубили воздух. Трубы извергали клубы черного дыма. Гондолы, корзины и транспортные платформы были полны воинов Хаоса. Рой примитивных кораблей повис над Призраками гудящей тучей, пролившейся дождем пуль и лазерных лучей.

Теперь --- все или ничего, победа или смерть.

В медицинский блок ворвался разъяренный Дравер. Оттолкнув с дороги врачей, он резким движением откинул стол и устоялся на Хелдана бешеными глазами. Инквизитор смотрел на него из паутины трубок и проводов совершенно ясным, невозмутимым взором.

--- Ты что-то хотел, Гектор?

Дравер без единого слова бросил эту информационный планшет. Единственной здоровой рукой инквизитор аккуратно положил зеркало на место и включил планшет прикосновением когтистого пальца.

--- Это просто безумие какое-то! --- нервно выкрикнул генерал. --- Янтийцы заняли высоту и вырезали арьергард танитцев. И тут Фленс докладывает мне, что Гаунт взял канище Примарис! И

что, именем Трона Терры, мы теперь
будем делать? Мы теряем больше людей в
стычках друг с другом, чем с врагом. Если
вы не забыли, я все еще хочу одержать
победу на этом фронте! И я не собираюсь
отвечать перед Макаротом за провал!

--- Остальные полки уже на подходе, ---
заговорил Хелган, читая содержимое
планишета. --- Вот здесь --- торгуанцы, и
еще витриане, они тоже рядом. Позвольте
Призракам Гаунта продолжать ишүрл
склена по своему разумению. Пожертвуйте
или ради прорыва. Пусть янтийцы
двинутся следом, прикончат Гаунта, а
заодно закрепят его успех. К тому времени
основные силы как раз будут готовы к
общему наступлению.

Дравер сделал глубокий вдох, пытаясь
успокоиться. С точки зрения тактики
совет выглядел разумным. Хороший способ
тихо и незаметно избавиться от
Призраков, при этом не прекращая
двигаться к победе.

--- Кстати, как там Гаунт?

Хелган снова взял зеркало и
внимательно взгляделся в отражение.

— Пока он неплохо держится. Моя марионетка все еще рядом с ним. Мы можем нанести удар в любой момент. Терпение, Гектор. Мы играем в сложные, многоуровневые игры. Из них соткан узор войны.

Хелдан толк. Его взгляд углубился в реальность отражения, невидимую генералу.

Дравер отвернулся. От инквизитора пока есть прок. Но лорд-генерал твердо решил избавиться от Хелдана, как только перестанет в нем нуждаться.

Глядя куда-то глубже зеркальной глади, Хелдан буднично отметил эту мысль в недалеком сознании генерала. Похоже, Дравер плохо понимал свое место в этом спектакле. Он считал себя лидером, командиром, манипулятором. На деле же он был обычной марионеткой, не лучше и не хуже других, и жизнь его ценилась не выше всех остальных.

Во главе колонны янтийцев полковник Фленс спустился в долину, в предместья некрополя. Под ногами хрустели белесые осколки талькового камня и обгорелые человеческие кости. Напоминания о недавнем штурме Корбека. Из арок в скале доносились звуки отдаленной перестрелки. Похоже, кто-то пережил атаку Патрициев.

Тянулся день. Белесое небо над головой покрылось черными жилками дыма близких сражений. За спиной Фленса сейчас было шестьсот двенадцать человек его роты. Сорок из них получили такие тяжелые ранения, что полковнику пришлось отправить их в полевой госпиталь в глубоком тылу, рядом с зоной высадки. Жалкие пятьдесят танитцев дрались до последнего вздоха и перебили почти треть его полка. Ненависть заживо пожирала Фленса изнутри. Искра злости на Убрама Таунта и его Первый Танитский теперь вспыхнула настоящим пожаром гнева и горечи. Наконец-то ему выдался шанс открыто вступить в бой с Призраками, и беспомощная легкая пехота,

спражаясь с превосходящими силами, вдруг одержала невероятную победу. Пусть даже ценой гибели всего взвода.

Теперь ему было наплевать, что будет дальше. Призраки могли выжить, а могли и передохнуть все до единого. Фленса интересовал только один человек. Убрам Гаунт. Он даже отправил Драверу сообщение под кодом Пурпурный, в котором изложил свое простое и четкое желание.

Ответ приятно удивил его. Лорд-генерал приказал Фленсу оставить основные силы под командованием Брохусса, который должен был продолжать наступление на цель Примарис. Дравер приказал уничтожить Призраков и продолжать атаку на непосредственного противника Империи. Если повезет, то танкисты окажутся между жерновати имперского наступления и контратаки поклонников Хаоса.

Сам Фленс получил отдельный приказ. От инквизитора Хелдана стало известно, что Гаунт возглавляет диверсионную группу, пытающуюся

проникнуть в некрополь через подземные туннели. Вход туда находился у подножия одной из башен на склоне холма. Путь уже был проложен во всех деталях. Фленсу оставалось возглавить огневую группу и следовать за комиссаром.

Полковник негромко рассказал все это Брохуссу, пока янтийские офицеры наблюдали с холма за движением трех стрелковых шеренг своих войск. Майор светился от гордости — ему наконец представилась возможность командовать полком. В глазах могучего янтийца вспыхнула жажда битвы. Он снял перчатку и протянул Фленсу руку. Тот последовал примеру майора. Офицеры крепко пожали руки, сцепив большие пальцы — знак боевого братства выпускников почетных военных академий Янта Норманид.

— Уди с надеждой, сражайся с удачей, побеждай с честью, Брохусс, — произнес Фленс.

— Обзрите клинок на славу, полковник, — отозвался Брохусс.

Фленс надел перчатку и активировал микронпередатчик.

--- Ряговые Херек, Стизанг, Аваранч
и Эбзан --- к полковнику! Захватите
надежный трос.

Фленс подобрал лазган одного из
погибших солдат, беззвучно вознес
толмбү за дүшү ее предыдущего
владельца и проверил заряд. Двое
гвардейцев из взвода Брохүсса уже
собирали запасные фонари. Вскоре
арьергардный взвод проводил взглядами
ударную группу Фленса, солдаты которой
одни за другим исчезали в темноте
шахты.

Под мостиком «Левиафана», в
медицинском блоке, инквизитор Хелдан
уловил незапланированное движение войск.
Он не присутствовал в мыслях этого
глупца Фленса достаточно долго, чтобы
обратить его на свою сторону, но успел
оставить там свою печать. Сквозь это
теленатическое окно он мог услышать и
разглядеть немало. И прежде всего ---
яростно-горькую ненависть Фленса.

Итак, Дравер решил разыграть свою
собственную карту --- Фленса, чтобы

обратить всю интригу в свою пользу. Наверное, Хелдан должен был разозлиться на генерала. Эта мысль отозвалась тупой болью внутри. Но на такую роскошь у инквизитора не было ни времени, ни свободных сил. Он поразмыслит, чем может быть полезна эта маленькая диверсия Дравера, и воспользуется ею. Ради всего Человечества и ради своего плана он будет прикидываться слугой и вести закулисную игру. И он получит это сокровище цвета Вермилльон, скрытое в самом сердце цели Примарис. И только после этого он подпустит к себе смерть.

Он терпел боль, отталкивая мягкие, успокаивающие объятия смерти. В каком-то смысле боль приносила пользу. С ее помощью было легче подключаться к разуму пустышек. А сейчас она помогала Хелдану сконцентрироваться. Он впитывал силу собственной агонии и ножом вонзал ее в разум марионетки, заставляя покориться его воле.

Инквизитор взглянул в зеркало и увидел, как трясется его голова. Жесткими тисками воли он остановил

грожь.

Еще один взгляд глазами тарионетки. Тесный, холодный, затхлый туннель, тянущийся под треснувшей громадой некрополя. Протянув мысль в темноту, инквизитор осмотрел коридор впереди. Тепло, разум, пульс бегущей крови.

Напрягшись, Хелган коснулся мыслей тарионетки: впереди засада!

Перед гвардейцами развернулись прозрачные бледно-голубые стены огромного резервуара. Отсюда расходились четыре туннеля. В центре скапливалась черная вода, капающая откуда-то сверху.

Роун чувствовал странное напряжение и слабость. Он оперся о грязную стену. В его голове билась острая боль, словно вгрызавшаяся в его лицо изнутри хищным паукот. Перед глазами все двинулось и плыло.

Похоже, его кто-то... предупреждает...

об опасности впереди...

Майор громко прохрипел что-то невнятное. Остальные гвардейцы удивленно обернулись к нему. Некоторые инстинктивно пригнулись. Эхо едва успело подхватить этот звук, когда Вейланд вдруг открыл огонь в темноту, приказывая занять оборону.

В ответ из тьмы вырвались лазерные вспышки и чешуйчатые шипы.

Гаунт нырнул за камень. Над его головой лазерные лучи лизали стеклянные стены, оставляя глинные черные борозды. Они почти попались в эту ловушку! Если бы не предупреждение Роуна и реакция Ферейда... Но откуда майор мог знать? Он шел ближе к концу колонны. Как он мог заметить то, что ускользнуло от острых глаз Маколла?

Командование в этой перестрелке перешло к Ферейду. Гаунт не возражал. Он доверял чутью своего друга. К тому же Ферейд оказался в гораздо более выгодном положении для руководства отрядом. Гаунт выключил фонарь, выдававший его местонахождение, вскинул лазган и стал

ловить в прицел противника. Маколл, Каффран, Бару и телохранители вели огонь на подавление. Снайперские выстрелы Ларкина прикрывали Брага, пытавшегося занять удачную позицию. Дордену и Дотору оставалось ждать в укрытии.

Роун подполз ближе и зарядил свой шипомет. Пальцы нащупали спусковой крючок странной формы. Поднявшись, майор выстрелил смертоносным шипом вглубь коридора. Раздались вопли, сопровождаемые хрустом. Перезарядив оружие, Роун выстрелил еще раз. Его снаряды неторопливо проплывали по торю ярких лазерных лучей. Непривычно хлопала винтовка Ларкина. Потом вступила автомашка Брага, поливая темный резервуар очередями крупнокалиберных снарядов. В воздухе запахло кордитом и фугелином.

--- Прекратить огонь! Прекратить! ---
выкрикнул Гаунт.

Тишина.

Сердце отсчитывало секунды каждым ударом. Десять, двадцать, минута. А

потом враг атаковал. Резервuar мгновенно заполнился темными фигурами, хлынувшими из туннелей.

Гвардейцы спокойно выжидали, без всяких приказов зная, сколько времени гадать врагу. И начали стрелять. В бой вступили шипомет Роуна, автомашинка Брага, винтовка Ларкина, лазганы гвардейцев и телохранителей. В мгновение ока на дне резервуара выросла гора из трех десятков трупов. Оставшиеся еретики увязали в ней, невольно подставляясь под огонь.

Гаунт вел стрельбу из своего укрытия так, как и учил своих солдат: «увидел-прицелился-выстрелил-повторил». Каждый солдат знал, что именно так должен вести себя в бою, но и от командира ожидал того же. Танитцы попросту вырезали противника. Каждый выстрел прошивал резиновые пластиковые комбинезоны и костяные маски.

Только поток врагов все не слабел. Гаунт уже начал гадать, что же кончится первым: сектанты Хаоса, боеприпасы или место в резервуаре, не заполненное

Душная темнота коридоров некрополя оборвалась, превратившись в жар долины, заполненной раскаленными камнями. Брехусс и его солдаты прикрывали глаза от нахлынувшей жары. Майор раздавал приказы направо и налево. Матриции развернули линию широкого фронта среди разбитыхobelisks и каменных осколков. Брехусс старался держать как можно больше своих гвардейцев в тени нависших склонов.

Впереди, на расстоянии пары километров, кипело грандиозное сражение. Брехусс разглядел среди каменных насыпей и скал вспышки лазеров. Дым клубился над жестокой схваткой, скрывая бледный солнечный свет. До слуха майора доносились вой лазганов, хрип телтаганов, врезавшихся в скалы, рев ракет. Значит, полковник Корбен и его жалкие Призраки

вступили в бой. Были и другие звуки: гул моторов, жужжание разрывных шинов, треск скорострельных орудий. Крики и боевые кличи волнами накрывали долину.

Брохусс включил микропередатчик.

— У нас тут непростая задача, парни! Атакуют танкетки с тыла, сомневаются в нас. Но берегитесь того отребья, с которым они сражаются. Перебьет Призраков и сами вступим в бой с настоящим врагом! Сразитесь с ними и вернетесь с победой к древним башням Янта Прим! Норманида Эксельсиус!

Ему ответил могучий хор шести сотен голосов. Гвардейцы начали распевать молитвы, которые незаметно переросли в военный гимн. Отраженный эхом среди утесов, он звучал как литания Экклезиархии, пропетая тысячеголосым хором в огромном каменном соборе.

Едва подняв забрала шлемов от жары, Патриции немедленно опустили их. Их лица обратились в маски войны, глядящие на мир жестокими прорезями глазниц. Гимн теперь звучал в микропередатчике каждого солдата.

Брохусс последовал примеру остальных гвардейцев. Мощное пение наполнило его глухой шлем. Обернувшись к рядовому Фаранту, он молча снял с плеча лазган. Так же безмолвно Фарант передал ему свой тяжелый стаббер и портупею. Кивком он выразил почтение: командир возглавит атаку Патрициев с оружием в руках. Атаку Избранников Императора.

Фарант помог майору надеть портупею так, чтобы тяжелые коробчатые магазины оказались на поясе и бедрах. Затем Брохусс поднял тяжелое оружие: правая рука на рукоятке пулемета, левая — на сошках, металлический приклад у локтя. Он нажал на кнопку подгачи боеприпасов. Грубые, толстые патроны с лязгом начали загружаться в магазин. Легкий дымок поднялся от ствола — заработало водное охлаждение.

Брохусс уже собирался возглавить боевое построение, когда получил вокс от арьергарда.

--- Пехотное подразделение приближается с тыла!

Обернувшись, майор далеко не сразу

разглядел движение среди молочно-белых, обгоревших камней и арок. За спиной Патрицьев появлялись солдаты. Сотни солдат. В неверном свете долины они были почти незаметны. Сверкали зеркальные доспехи.

Витриане.

Брохусс улыбнулся под забралом и собрался связаться с командиром витриан. Вместе с Драгунами они смогут...

Но тылат его полка неожиданно хлестнули лазерные очереди.

Драгуны полковника Зорена врезались в незащищенный тыл Патрицьев. Янтийцы превышали их в числе на две сотни. Внезапность атаки свела на нет это преимущество.

Просьба Гаунта вполне укладывалась в рамки их договоренностей. И все же это была самая страшная, самая неприятная просьба, которую Зорен выполнял за все шестнадцать лет службы. Их общий враг показал свое истинное лицо. Теперь победа зависела от его верности долгу. Перед Убратом Гаунтом. Еще перед человеком.

которого называют Ферейг. И перед Императором.

Все происходящее шло вразрез со всем, чему его научила Имперская Гвардия. С его собственной природой. И даже со всесторонним учением «Байхаты». Но это же учение говорило, что честь обретается в дружбе, а дружба — в отваге. Честь и верность — две великие истины, на которых держался витрийское Искусство Войны.

Пусть Дравер расстреляет и его, и все четыре сотни его солдат, если пожелает. Это не простое неподчинение или даже мятеж. Гаунт рассказал полковнику, как высоки были ставки и в чем на Меназоиде Эпсилон заключается честь и верность. Зорен был верен Императору и «Байхате» в тысячу раз сильнее, чем Дравер мог себе представить.

Три зеркальные стрелы вонзились в линию янтийцев, в самое острое клина, где гвардейцы стояли нестройными рядами. Патриции собрались в каре, готовясь охватить танитцев с флангов. Отбить атаку с тыла в таком

построении могло помочь только чудо.
Так гласила «Байхата»: книга шестая,
раздел тридцать первый, страница
четыреста шесть.

Патриции превосходили Драгун
числом, но вот построились они неверно.
Гвардейцы Зорена просто растоптали их.
Полковник приказал установить лазганы
на максимальную мощность. Комиссар
Таунт должен был понять это: так у
янтийцев не было шансов спастись за
тяжелой броней.

Первый полк Янтийских Патрициев,
элитное подразделение Имперской
Гвардии, так называемые Избранники
Императора, был уничтожен в день
шторма цели Примарис. Третий полк
благородных Витрийских Драгун, позже
снискавший славу одного из лучших
фортирований Гвардии, атаковал более
многочисленных и тяжеловооруженных
янтийцев и одержал победу. Битва
длилась двадцать девять минут — во
многом благодаря умелому тактическому
планированию полковника Зорена.

Майор Брохусс сдерживал витриан столько, сколько ему позволяли силы. Вспыхнув от ярости, он продирался сквозь строй собственных войск, чтобы добраться до ненавистных Дразун. Не такой смерти он желал для себя и своей прославленной роты.

Он кричал на своих солдатах, проклинал их за то, что они остеливались умирать. В отчаянии он пытал уже мертвые тела, пытаясь заставить их встать и сражаться. В конце концов Брохусса полностью поглотила волна безумного гнева. Они зашли так далеко, сражались так храбро, и теперь их лишили всего, что они заслужили. Эта безнадежная битва лишила их славы. А эти жалкие, недостойные людишки, неспособные встать и сражаться за свои идеалы, теперь лишали их жизни.

Брохусс был среди тех, кто умер последним. Он зажал спусковой крючок стаббера, и раскаленный, дымящийся ствол вылевывал смертоносные потоки огня в сторону витриан, пока в магазине не иссякли патроны. В этом отчаянном бою

Брохусс убил сорок четыре Драгуна. Его тяжелый стаббер почти перегрелся, когда майора настиг меткий выстрел сержанта Зогама.

С развороченной грудью майор Брохусс повалился на стеклянное крошево, устилавшее дно долины. Его имя, происхождение и вся история его жизни навсегда стерлись из Имперских Летописей.

Бару погиб быстро. Разрывной снаряд шипомета вонзился в стену за его спиной, и гвардейца изрешетило потоком осколков: он даже крикнуть не успел.

Гаунт видел его гибель и горько пожалел о Бару. Переключив лазер в автоматический режим, он выскользнул из-за катня и окатил толпу наступающих сектантов потоком ярких лучей. Роун кричал ему что-то неразборчивое.

Бару был одним из лучших

диверсантов. Не хуже Маколла. Такие, как он, были гордостью Танит. Вернувшись в укрытие, чтобы перезарядить оружие, комиссар еще раз взглянул на горы кровавых ошметков, некогда бывших его лучшим разведчиком. Отчаяние холодными когтями царапало его сердце. Впервые со времен Хегга Гаунт почувствовал едкий привкус бессмысленности войны. Солдаты погибают, а их командир должен подняться над их смертями и собраться, чтобы вести в бой выживших. Но Бару... Веселый, остроумный шутник Бару, любитель полка, гений маскировки, лучший из лучших. Гаунт понял, что больше не сможет смотреть на его останки. Не сможет сознавать, что эти ошметки плоти были живым человеком, которому он доверял, как близкому другу.

Он уже не обращал внимания на происходящее вокруг. На то, что его гвардейцы все еще сражались. И на то, что поток врагов вдруг иссяк, будто его закупорили пробкой. Ларкин все еще отстреливался из своего странного ружья.

шопотом Роуна тоже не спешил
утолкнуть. А потом — тишина, темнота.
Потрескивает горящая ткань одежды.
Едва слышно капает кровь.

— Они отступили! — В голосе
Ферейда сквозило нетерпение. — Вперед!

«Он торопится, — заметил Гаунт. —
Слишком торопится. К тому же я здесь
командир».

Едва поднявшись, комиссар заметил,
что гвардейцы уже собираются следовать
за Ферейдом.

— Стоять! — рявкнул он.

Все взгляды немедленно обратились к
нему. Ферейд удивленно моргнул.

— Либо вы идете за мной, — жестко
произнес он, — либо мы вообще нигде не
идем.

Комиссар подошел к останкам Бару,
опустился на колени и поднял его
серебряный значок Первого Танитского.
Достав собственный солдатский медальон
из под воротника, Гаунт прицепил его к
цепочке. А потом он шепотом произнес то,
чему Майло научил его в первую очередь.
Танитскую погребальную молитву.

Дорген, Ларкин и Маколл вторили ему. Роун, Браз и Каффран угрюмо смотрели в пол. Дотор, не зная, что делать, тяжело оперся о стену.

Гаунт встал, спрятал цепочку с новым амулетом и бросил взгляд в сторону Ферейда. Телохранители тактика выстроились молчаливым почетным караулом за спинами танитцев, склонив головы.

— Он был хорошим солдатом, Брат. Трагическая потеря, — с чувством произнес Ферейд.

— Тебе откуда знать! — Гаунт неожиданно отвернулся, поднял лязган и направился к забитому трупами резервуару. — Маколл, со мной! Пойдём в авангарде!

Диверсант поспешил догнать своего командира.

— Ферейд, поставь своих в хвосте, пусть поберегут наши спины.

Тактик кивнул и отвел телохранителей в арьергард. Теперь впереди двигались Гаунт и Маколл, за ними Браз, Роун и Каффран, Дорген и

Домор, в хвосте — Ферейг со своей охраной.

Осторожно переступая через трупы сектантов, они пробрались в коридор, расширявшийся к концу. Тусклый свет, словно огонек светлячка, высвечивал контуры арки впереди. Гвардейцы подошли ближе, пока не оказались у самого выхода.

— Вот и пришли, — с какой-то обреченностью произнес Маколл.

Гаунт было вынул из кармана информационный планшет и хотел свериться с портативным геокомпасом, но решил, что чутье Маколла куда надежнее жужжащего циферблата. Тогда он еще раз прокрутил на экране расшифрованную информацию.

— На карте это место обозначено как Эдикүла — то есть склеп, усыпальница. Это — сердце всего некрополя.

— И вот здесь находится эта... штука? — без особого энтузиазма уточнил Маколл.

Гаунт кивнул и шагнул в сияние арки. За ее черным гранитом лежал огромный зал. Пол, стены и потолок были сложены из катней, светящихся изнутри странным

чуждым зеленоватым сиянием. Гаунт заморгал, привыкая к мерцающему освещению. Вслед за ним вошли Маколл и Роун. Комиссар заметил, что их выдохи превращаются в облачка пара. В зале было гораздо холоднее, чем в туннелях. Тяжелый воздух был напоен влагой. Гаунт выключил уже ненужный фонарь.

--- Как-то здесь пусто, --- отметил Роун. Его голос, искаженный странной атмосферой, звучал глухо и невыразительно.

Вместо ответа, Гаунт указал на дальнюю стену. Там тонкие линии на стене отмечали дверь. Точнее, огромные прямоугольные створки не меньше пятнадцати метров в высоту, утопленные в камне стены.

--- Это внешний зал. Сама Эдикүла там, за дверью.

Роун сделал шаг вперед, но Маколл удержал его за руку.

--- Не надо торопиться, ладно? --- Диверсант кивком указал на пол. --- Эти туннели просто кишели врагами, а здесь пыль лежит не одно столетие, и никто ее

не потревожил. Видите рисунок?

Гаунт и Роун синхронно наклонили головы, чтобы разглядеть то, о чем предупреждал Маколл. Под определенным углом в пыли действительно проступали узоры, будто застывшая рябь по воде.

— В вашем плане было написано про охранные знаки и запрет входить в Эдикүлү. А сюда и вправду давно никто не заглядывал. Мне кажется, это не просто рисунки. Это отпечатки энергии барьера или силового поля. Не знаю, может, что-то вроде штормового щита. Мы уже видели, какие серьезные изрүшки припас тут враг.

Гаунт задүмчиво поскреб подбородок. Маколл был прав. К тому же он очень своевременно вспомнил информацию из плана, как раз в тот момент, когда Гаунт начал спешить, желая добраться до сокровища. Почему-то комиссар ожидал обычных в таких случаях преград — огневых позиций, минных полей и колючей проволоки. Глянув на Роуна, он үловил в его глазах недовольство. До сих пор Гаунт не рассказал ему всей правды, поэтому майор мог знать о важности их миссии, но не о ее

природе. Но большому счету, комиссар взял
его на это задание исключительно как
сильного, безжалостного бойца.

Еще он хотел приглядеть за Роуном
после той передраки на «Авессаломе». У
была одна деталь...

Гаунт отогнал эту мысль.

--- Дайте мне миноискатель Домора, ---
велел он. --- Я сам проверю.

--- Лучше я, сэр, --- произнес кто-то за
спиной.

Остальные гвардейцы вошли в зал. В
дверях остались солдаты Ферейда, но и
они больше смотрели на створки впереди.
Последние слова произнес Домор. Его
слегка шатало, но все же он стоял без
посторонней помощи. Мощные
болеутоляющие пилюли Доргена на время
заглушили его боль и вернули силу.

--- Это мой долг, как командира, ---
мягко возразил Гаунт, и Домор чуть
повернул голову, следуя за голосом.

--- Прошу прощения, сэр, но вы не
правы. --- Домор улыбнулся и похлопал по
миноискателю, торчащему за плечами. ---
Вы же знаете, я --- лучший санер полка. А

здесь всего и делов-то слушать сигналы в наушниках. Глаза мне для этого не нужны. Это моя работа, сэр.

Долгая тишина. Казалось, сам воздух древнего склена гудит от напряжения. Гаунт знал, что Домор опытнее его в саперном ремесле. А еще он понимал, что гвардеец хочет сказать на самом деле: «Я --- Призрак, сэр, меня уже нет, я --- расходная единица».

Гаунт принял решение, не думая о расходном материале. Перед ним стояла задача, с которой Домор мог справиться лучше всех остальных. И если Гаунт мог дать ему шанс почувствовать себя частью команды, то он не станет топтать гордость утирающего солдата.

--- Хорошо, начинай. Максимальный хват, максимальная осторожность. Следуй моим инструкциям, я буду направлять тебя. И мы обяжем тебя треском, чтобы вытащить в случае чего.

Радость осветила то, что осталось от лица Домора. И Гаунт подумал, что это в тысячу раз дороже любого сокровища за теми дверями.

Каффран немедленно начал
завязывать трос на поясе сапера, пока
Маколл проверил настройку
миноискателя и надел на Домора
наушники.

--- Гаунт, ты что, шутишь?! ---
Ферейг протолкнулся к комиссару и
напряженно зашептал: --- Ты что, правда
собрался тратить время на этот
спектакль? Возможно, это самая важная
вещь во всей нашей жизни! Пусть кто-
нибудь из моих людей проверит! Черт
возьми, давай я сам...

--- Домор --- эксперт в саперном деле.
Так что это его работа.

--- Но...

--- Это его работа, Ферейг.

Домор начал двигаться по гревни-
м плитам. Шаг за шагом, строго по прямой.
После каждого шага он затирав и
подстраивал голосящий щелчками
миноискатель. Его тренированный слух
улавливал каждый шорох в наушниках.
Каффран осторожно разматывал
тянущийся за ним трос. Пройдя несколько
шагов, Домор повернул направо, прошел

немного и вновь свернул налево. Его извилистый путь был отчетливо виден на слое пыли.

--- Здесь... энергетические импульсы, исходящие из пола с разным интервалом, --- прошенгал в микропередатчик Домор. --- Черт знает, зачем они тут, но мне почему-то не хочется их трогать.

Шли минуты болезненного ожидания. Домор неспешно шел своей извилистой дорогой к двери.

--- Гаунт! Трос! --- почти выкрикнул Дорден. --- Фесов трос!

Комиссар мгновенно понял, о чем предупреждает старый врач. Домор легко обходил все невидимые опасности, а вот его страховочный трос выбрал куда более экономную дорогу. В любой момент он мог задеть один из очагов энергии.

--- Домор! Запри! --- скотанговал Гаунт в передатчик. Тот остановился как вкопанный. --- Отвяжи от себя трос и брось его.

Без лишних слов Домор стал дергать трос, которым обвязал его Каффран. Ничего не выходило. Тогда санер принялся

ощупывать трос в поисках кончика, за который можно было бы потянуть и развязать узел. Лямка ранцевой батареи предательски соскользнула с плеча. Трос наконец развязался, но вместе с ним начал падать и ранец. Скривившись, Домор кое-как удержал его на локте. Он дернулся слишком резко, задел за провод и сорвал с головы наушники. Они с лязгом упали на каменную плитку в шаге от него.

Оставшиеся у входа гвардейцы вздрогнули. Ничего. Пытаясь в лямках, Домор наконец забросил батарею за спину.

— Наушники, куда они упали? — спросил он.

— Не шевелись! Стой, где стоишь. — Таунт сунул лязган Роуну и побежал по следам Домора со всей скоростью, на которую мог решиться.

Подойдя к слепому гвардейцу, он очень тихо и спокойно сказал, чтобы тот не поворачивался и не делал резких движений. Потом он нагнулся, аккуратно поднял наушники, снова подключил их к транзисторному усилителю и водрузил на голову сапера.

--- Давай заканчивать, --- облеженно произнес Гаунт.

Дальше они двинулись вместе. Направление и скорость задавал Домор, комиссар просто следовал за ним. Прошло еще четыре минуты, прежде чем они достигли дверей.

Тогда Гаунт махнул своему отряду, чтобы те по одному шли за ним по проложенной тропе. Он отметил, что Ферейд бросился к ним первым. На его лице читалось сердитое нетерпение.

Комиссар повернулся к огромным створкам. Их можно было различить только по тонким швам в стене. Настоящее чудо инженерии. Гаунт сделал то, что было написано в кристалле: положил ладонь на правую створку и слегка надавил.

Пятнадцатиметровые глыбы камня бесшумно расступились в стороны. За ними находился еще более обширный зал, залитый таким ярким светом, что Гаунт зажмурил глаза и поторщился.

--- Что там? Что там такое? --- спрашивал Домор.

--- Не знаю, --- ответил ему Таунт, часто моргая. --- Но я за всю свою жизнь не видел ничего подобного.

Комиссар и изнервничавшийся Ферейд вошли первыми. За ними --- остальные, пораженные открывшейся картиной. Последним порог Эдикүлы переступил майор Роун.

23

Инквизитор Хелдан вздрогнул и позволил себе расслабиться. Его тарионетка сейчас находилась внутри священной Эдикүлы Меназоида Эпсилон. А вместе с ней --- и разум Хелдана. Все затраченное время, все его усилия были вознаграждены. Сквозь жалкие оболочки пустышек его сущность теперь могла прикоснуться к драгоценнейшему артефакту Вселенной.

Бесценный, невероятно опасный, совершенно непредсказуемый. Наконец-то Хелдан нашел верный способ свергнуть

Макаро́та и тот режим Улперу́та, который инквизитор терпел все это время. С помощью этой силы он сделает Дравера военлейстером и одновременно --- своим надежным инструментом. Пока человечество сражалось против тьмы с помощью света, оно было обречено проигрывать снова и снова. Серый --- вот с чем думал Хелган. Тайное оружие той туманной серой грани, к которой всегда боялись обратиться заостренелые улперские доктрины. Инструменты и возможности, лежащие в зыбкой дытке, вне простого и честного. С их помощью Хелган поведет человечество от тьры к истинному величию, сокрушая богомерзких чужаков и всех тех, кто верен старым порядкам.

Конечно же, если Дравер использует это оружие, чтобы заполучить нити командования крестовым походом, подтолкнуть кампанию к невиданным доселе победам, Верховные лорды Терры непременно объявят его лжатежником. Они просто должны узнать об этих победах как о свершившемся факте, тогда Дравер

бүдөт неподагуден.

Кто-то из санитаров заметил изменения в показателях мониторов. Врачи начали суетиться вокруг Хелдана. Инквизитор отогнал их хлестким ударом страха.

Хелдан снова заглянул в зеркало. Он смотрел до тех пор, пока его сознание не нырнуло в спокойные воды зеркальной поверхности. Вынырнув, инквизитор очутился в зале Эдикүлы, среди солдат Таунта. Инквизитор остотрелся глазами тарионетки. Цилиндрический зал, пятьсот шагов в диаметре. Тысяча метров до потолка. Стены увиты проводами, шлангами и трубками, отливающими серебром. Яркий свет лился откуда-то сверху. Серебристо-стальной пол под ногами был испещрен невероятно сложными, парадоксальными уравнениями. Не меньше тысячи на каждый шаг. В мгновение ока Хелдан прочел их все... и решил.

Бросив эти изгрудки, он обратился к огромной конструкции в центре зала. Титаническая машина сияла белым

не знающее себе равных. Тайны процесса
его создания были заключены в
полумиллионе уравнений, устилавших пол
мелкой вязью символов.

Железные Люди. Всего лишь слух,
сказка. Мир незапамятных времен, до
Эпохи Раздора и Темного Века
Технологии, когда человечество вознеслось
в лучах славы техногенной Империи, в
совершенстве владевшей системой СШК.
Человек умел создавать Железных Людей.
Эти могучие существа обладали разумом,
но не живой душой. В глазах нынешнего
Императора — порождения еретической
технологии. Война с этими разумными
машинами погубила древнюю Империю.
Хелган был знаком с запретными
текстами старины. Если они не вдали,
здесь лежали истоки запрета на творение
бездушного электронного разума. Но будь
на стороне человека такие верные слуги и
неутомимые воины, как Железные Люди, он
не знал бы поражений.

И вот здесь, в самом девственном
сердце сего от древности мира, таилась
система СШК, способная породить таких

слүг.

Но было и что-то еще! Хелдан первый раз окинул взглядом весь зал. От пола тянулись ввысь опутанные проводами арки, закрытые прочными решетками. А за ними — ряды Железных Людей, словно глиняные статуи, охраняющие королевскую гробницу. Тысячи, миллионы механических воинов, собравшихся в ровные каре, скрывались где-то в темноте зала. Каждый из них превышал ростом самых высоких из людей. Лица — невидящие черепя стальных масок. Из-под латовой стали анатомических бронепластин виднелись сухожилия и артерии проводов. Они спали здесь веками. Ждали команды, чтобы пробудиться и вновь повиноваться приказам. Чтобы вернуть к жизни великую машину, способную тысячекратно умножить их ряды.

Хелдан глубоко вдохнул, стараясь успокоиться. Он вернулся в тело своей тармонетки и оглядел остальных гвардейцев.

Гаунт молча восхищался увиденным.

Остальные Призраки замерли в благоговении. Штабные наблюдатели явно горели желанием остотреться получше. Комиссар приказал Доргену отвести Домора в сторону, дать ему отдохнуть. Оставив танитцев стоять у входа, он подошел к Ферейдгу. Тот уже разглядывал систему СШК вблизи. Шлем в его руках болтался на ремне.

--- Вот и сокровище, старый друг, --- произнес он, не поворачиваясь.

--- Да. Надеюсь, оно того стоило.

Ферейд наконец развернулся к Гаунту:

--- Ты понимаешь, что это?

--- Ты же знаешь, что да. С тех пор как я вскрыл кристалл. Не скажу, что понял принцип работы, но это --- система СШК, производящая оружие. Пусть в это верится не больше, чем в орка, стригущего ногти.

Ферейд растеялся.

--- Существует небольшой болотный мирок под названием Гейлус Аусникс, лежащий среди звездных пустошей Плейго Сутарнуса. Шестьдесят лет назад имперская разведывательная группа

набрела на руины храмового комплекса, скрытые в джунглях одного из тропических заливов. Разведчики нашли там рабочую систему СШК. Знаешь, что она производила? В нее был заложен шаблон клинка из многослойного сплава. Эти клинки были острее, крепче и прочнее любого холодного оружия. Тридцать Оргенов славных Агентств Аспартес получили их на вооружение. Те разведчики стали героями. Кажется, каждый из них сейчас владеет собственной планетой. Их находка стала величайшим технологическим прорывом века. Открытие нетронутой системы СШК, единственной за последние столетия. А ведь она производила ножи, Брат, ножи, мечи, штыки, кинжалы. Система производства клинков стала великим открытием. Оно меркнет по сравнению с нашей находкой. Попробуй выйди против меня даже с таким великолепным ножом, если в твоих руках будет то оружие, которое производит наша система!

--- В отличие от тебя я знаю, что было в кристалле. Ферейд, я знаю, что

создает эта штука. Железных Людей. Тех самых, из преданий о Великих Древних Войнах.

--- Тогда запомни этот миг, дружище, --- ухмыльнулся Ферейд. --- Мы с тобой совершили невозможное. Мы нашли машину, с которой начнется восхождение человека к славе. Зачем тебе самый легкий, прочный и острый нож, если легион бессмертных воинов под твоим командованием может испепелить мир владельца этого чудесного клинка? Мы обретем славу и величие! Неужто ты не чувствуешь? Здесь все дышит живой историей.

Гаунт и Ферейд повернулись к одной из арок. Их взгляды упали на темный металл брони Железных Людей.

--- Я чувствую... --- с сомнением произнес котиссар. --- Я чувствую страх, больше ничего. Как долго мы сражались и проливали кровь? Сколько из нас погибло? И все это --- ради машины, которая лишь умножает те ужасы, с которыми мы сражались все это время. Это не сокровище, Ферейд. Это проклятие.

— Но ведь ты пришел сюда за этим?
Ты ведь знал, что искал!

— Я просто осознал свою ответственность, Ферейд. Моя жизнь всецело отдана службе Императору. Если существует подобная машина, мой долг — добыть ее для него. В конце концов, ты сам поручил мне это задание.

Ферейд положил шлем на пол и стал снимать перчатки.

— Знаешь что, дружище... — покачал он головой, — ты дорог мне, как родной брат, но временами ты меня беспокоишь. Мы с тобой совершили такое открытие, и вдруг ты начинаешь мне читать высокую мораль о смысле жизни. Если хочешь знать, это называется ханжество. Ты — убийца, служащий величайшей машине смерти в известной Вселенной. Это твоя работа. Смысл всей твоей жизни в том, чтобы лишать ее других. Уничтожать. Признай, тебе это нравится. Но вот мы находим то, что будем делать то же самое в миллиард раз лучше. И тут ты начинаешь сомневаться. Как мне это понимать, Гаунт? Неужели

профессиональная зависть?

--- Нет, ты слишком хорошо знаешь меня, чтобы так думать. --- Гайнт задумчиво поскреб щеку. --- Не надо так шутить. Знавал я одного из принцевов имперских титанов, которые наслаждались кровопролитием. И все же они очень осторожно обращались с той огромной силой, которая оказалась в их руках. Дай человеку силу бога, и тебе остается молиться, чтобы он оказался наделенным мудростью бога. В моих словах нет ничего постыдного. Я ценю жизнь, и поэтому я сражаюсь, защищая ее. Я скорблю о каждой потере, о каждом своем солдате, который был принесен на алтарь победы. Одна жизнь или миллион --- все это жизни.

--- Одна или миллион? --- повторил Фереиг. --- Это всего лишь вопрос цифр и масштаба. Зачем тебе и твоим солдатам барахтаться в грязи месяцами, сражаясь за планету, которую я мог бы взять с помощью Железных Людей, не пролив ни капли крови!

--- Ни капли крови, говоришь?

Возможно — не твоей. Но нет ереси страшнее, чем разумные машины Железного Века. И ты готов снова пробудить их от векового сна? Не боишься, что они обернутся против тебя самого, как в прошлом? Ведь это старейший из человеческих законов! Никогда не вверяй свою судьбу в руки творений своих, какими бы разумными ты их ни создал. Я верю в плоть и кровь. Не в железо.

Гаунт взглянул в темные глазницы железных масок и почувствовал их мрачную, почти гипнотическую силу. Неужели эти чудовища и есть будущее? Нет, комиссар не верил в это. Прошрое? Возможно. Быть может, лучше отвергнуть и забыть это прошлое. Как кто-то мог желать пробудить эти создания? Натравить их на...

На кого? На врага? Или на военлейстера Макаромта и его генералов? Вот, значит, как Дравер собирался встать во главе крестового похода? Все — ради этого?

— Я смотрю, ты и вправду привязался к своим Призракам? Да, Брат? Тебе не

идет нянькаться с ними.

--- Что ж, может, я действительно им сочувствую. Сироты тянутся к себе подобным.

--- Ты не тот Убрам Гаунт, которого я знал. --- Ферейд отступил на пару шагов назад. --- Ты совсем раскис от танитского нытья. Ты ослеп и не видишь грандиозных возможностей, открытых нам.

--- Ну, ты-то их точно видишь. Ты ведь сам сказал: «Я».

Ферейд затер и обернулся:

--- Что?

--- Ты сказал: «Мир, который я мог бы взять, не пролив ни капли крови». Это твои слова. Ты ведь тоже хочешь использовать их, правда? За этим ты и пришел сюда. --- Гаунт обвел зал рукой, указывая на ряды железных чубовиц.

--- Лучше я, чем никто!

--- Уж лучше никто. Поэтому я здесь. Я думал, что и ты здесь за тем же. Или послал меня сюда с таким заданием.

--- Не пойму, о чем это ты толкуешь, --- прошипел Ферейд. Его лицо потрачнело и стало обретать неприятные черты.

— Я пришел сюда, чтобы уничтожить эту машину раз и навсегда, — четко произнес комиссар-полковник Убрам Гаунт.

Он отвернулся и не видел, как на лице имперского агента застыла маска ужаса.

— Давайте взрывчатку, — приказал он Каффрану и Маколлу. — Установите заряды в ключевых точках. Роун здесь лучше всех разбирается в подрывном деле. Я его взял именно для этого, так что пусть инструктирует вас. И еще: свяжитесь с Корбеком или с кем-нибудь, кто выжил там, наверху. Передайте, пусть убираются подальше от некрополя. Я боюсь думать, что наделает этот взрыв.

В медицинском блоке Хелдан похолодел и сжал зеркало с такой силой, что его отражение пошло трещинами. Узлог пальцев заструилась кровь. Он недооценил этого пустого глупца Гаунта. Какая сила, какой размах! Если бы только у него было время поработать над ним и обратить в своего раба!

Инквизитор тяжело сглотнул. Нельзя

больше терять ни секунды. Сокровище было так близко. Никакие имперские гвардейцы, никто не остановит его сейчас. К черту все эти игры с маскировкой. Он стремительно ворвался в разум своей тарионетки, заставляя ее сбросить маску и действовать. Перебить их всех, пока безмозглый Гаунт не повредил священную реликвию и Железных Людей.

Майор Роун сидел у дверей Эдикүлы, откинувшись на холодную металлическую стену, и разглядывал свой шипомет. Он вздрогнул, чувствуя, как рот и ноздри наполняются кровью. Он чувствовал прикосновение этой мерзости, Хелдана, еще сильнее, чем обычно. Его мысли скреблись на границе разума майора, его присутствие вливалось в глаза ядовитым жалом. Руки и ноги загрожали, скрутило желудок.

Роун неуклюже поднялся, зарядил шипомет и вскинул его на плечо.

Нежданное подкрепление в виде
Витрийских Дразун помогло Корбену
переломить ход битвы. Гвардейцы
отбросили силы Хаоса вглубь некрополя,
вырезая по дороге любого культиста.
Порождения безумия отступили.

Корбен тяжело повалился на
булыжник. Его грудь пронзали чудовищные
приступы боли, но он все еще держался.
Полковник уже собирался сообщить в
генеральный штаб о победе танитцев,
когда его нашел Майло с распечаткой
воксограммы в руках.

--- От комиссара, --- торопливо
заговорил адъютант. --- Нам приказано
покинуть капище Примарис. И отойти
подалее.

Полковник взял из его рук
воксограмму и устало пробежал ее
глазами.

--- Фес! Мы же весь день сюда
прорывались...

Взмахом руки он подозвал Разлона и
поднял трубку его полевой рации.

--- Полковник Танитского Первого и
Единственного --- всем танитским и

виртрийским командиром. Приказ Таунта
отступить и покинуть некрополь!
Повторяю, покинуть некрополь!

--- Корбек, он смог? --- прорвался сквозь
помехи голос Зорена. --- Он выполнил
задачу?

--- Про это он ничего не сказал, ---
отрубил полковник. --- До этого момента
мы доверяли его слову. Будем верны себе.
Алгоритм отступления пять-
девятинадцать! Мы прикроем ваших
Драгун в эшелонированном арьергардном
порядке.

--- Вас понял.

Вернув трубку на место, Корбек
вздрогнул от напряжения. Боль
становилась невыносимо острой, а свою
последнюю пилюлю он принял час назад.
Полковник с трудом присоединился к
отступающим Призракам.

Полный удивления возглас Брага

тонул в светлой вышине Эдикүлы. Гаунт был уже на полпути к дверям, к Дордену и Домору. Резко обернувшись, он наткнулся взглядом на стволы лазганов Ферейда и его телохранителей.

На долю секунды, пока Ферейд поднимал свое оружие, комиссар успел посмотреть ему в глаза. В черных зрачках не осталось ничего, что могло напомнить об их старой дружбе. Только ненависть.

Еще мгновение, и...

Гаунт нырнул в сторону. Лазерные лучи прошли воздух там, где только что была его голова.

Солдаты Ферейда открыли огонь. Призраки бросились врассыпную. Брага просто швырнуло на пол. Дорден прикрыл своим телом кричащего Домора.

Майор Роун выдохнул и спустил крючок шипомета.

Лениво жужжа, снаряд пересек светлый зал и врезался точно в переносицу Ферейда. Улперский тактик Вейланд перестал существовать. Весь его торс выше пояса исчез в фонтане крови и осколков костей.

Один из лазерных импульсов ужалил Ларкина в предплечье и сбил взывавшего от боли снайпера с ног.

Каффран и Маколл успели залечь и открыли ответный огонь. Их первые выстрелы пришлись в одну и ту же цель. Выяснение того, кто же из них убил первого телохранителя, танитцы решили оставить на потом.

Гаунт перекатился, выхватил лазерный пистолет и начал стрелять, подкрепляя каждый выстрел бранью. Три попадания в грудь свалили еще одного телохранителя. Солдат неуклюже взмахнул руками и завалился на спину.

Комиссар продолжал жать на курок, но вместо лазерного луча пистолет издает только хрип. Похоже, неестественная темнота, пожиравшая энергию фонарей, заодно опустошила и зарядную батарею. Оружие в руке вдруг стало бесполезным куском металла.

Выживший телохранитель уже собирался прикончить беспомощного Гаунта. Ему помешал луч лазера, неожиданно пробивший его висок. Тело

солдата швырнуло на одну из панелей системы СШК. Оно медленно осело на пол, прочертив широкую алую полосу по серебру. Гаунт обернулся.

Дорген опустил пистолет Домора. Он все еще крепко держал паникующего гвардейца.

--- Такова жизнь, --- тихо произнес врач, и неожиданно швырнул пистолет в сторону, будто он укусил его.

--- Отличный выстрел, док, --- произнес Ларкин, сжимая раненое плечо.

--- Я не люблю стрелять, но никогда не говорил, что не умею это делать.

Призраки вновь собрались возле машины. Дорген поспешил перебинтовать раны Ларкина и Брага.

--- Что за звук? --- подумал голос Домора. Все замерли.

Гаунт повернулся к машине. На приборной доске один за другим оживали яркие огоньки. Последний телохранитель в кабине упал на пульт управления основной энергоцепи. Древняя технология очнулась от сна. Вентиляционные решетки на полу заволело паром. Внутри машины что-то

сбивалось, поворачивалось, вращалось.

Был еще один звук. Скрежет.

Комиссар медленно отошел от машины и посмотрел на арки в стене. Там, в темноте, сгибались и разгибались металлические конечности. На дне мертвых глазниц зарождался свет. Голубое сияние. Холод вечности. За всю жизнь Гаунт не видел более устрашающего цвета. Они пробуждались. Просыпались от бесконечного сна вслеп за своим прародителем.

Гаунт не дышал, слушая стук собственного сердца. Мир пробуждения чудовищ казался бесконечным. Он смотрел, пока не потерял счет вспыхнувшим парам глаз. Железные пальцы вцепились в решетки, преграждавшие путь. Трясли, расшатывали, толкали. Краем уха комиссар расслышал бормотание. Когды команды на двоичном языке. Пробудившиеся Железные Люди заговорили.

--- СШК! --- крикнул Роуну комиссар.

--- Сэр?

--- Взорвать эту дрянь! Быстрее!

Майор взглянул на Гаунта, вытирая кровь с губ.

--- Комиссар-полковник, при всем уважении... стоит ли? Ну, в смысле... ведь эта штука могла бы все изменить.

В глазах Гаунта сверкнула ярость.

--- Хочешь поглядеть, как погибает еще один мир? --- Он испоглобья взглянул на Роуна.

Майор только затаил головой.

--- Вот и я не хочу! Это единственный выход! Я... У меня есть причина так считать... Или, может, ты ослеп? Хочешь идти, пожелай ит доброго утра!

Роун огляделся, будто только что заметил Железных Людей. И вздрогнул, постоптрев в ледяные глаза.

--- Уже выполняю! --- В голосе Роуна появилась решимость. Майор бросился к машине, Маколл и Каффран подавали ему взрывчатку.

--- Эти существа --- воплощенная ересь, Роун! --- кричал ему вслед Гаунт. --- Богомерзкая ересь! И если тебе этого недостаточно, они тысячелетиями спали на планете, зараженной чумой Хаоса! Кто-

нибудь здесь хочет узнать, как это повлияло на их образ мысли?!

--- Фес! --- откликнулся на его слова Дорден. --- Хочешь сказать, всей этой шпёнкой управляют Тёмные Силы?

--- Нужно быть распоследним идиотом во всей Вселенной, чтобы выяснять это на практике, --- ответил Гаунт.

Он бросил взгляд на останки Ферейда.

--- Похоже, изменился не я, а кто-то другой... --- прошептал комиссар.

Гибель марионетки была последним, чего ожидал Хелдан. Какая это была победа --- раскрыть жалкого шпионшкуну Макаромта! Какое удовольствие получил инквизитор, работая над его мозгом. Ферейда было тяжело обратить в раба. Так много и так долго пришлось резать. Но все же как это приятно --- взять лучшего агента разведки военлейстера и сделать его своим инструментом. Через

Ферейда инквизитор узнал много
интересных вещей, недоступных
большинству штабных офицеров.
Обманывать, переманивать, вести
двойную игру... Использовать одного из тех
людей, которых военный мастер выставил
против самого инквизитора. Что ж, это
было дерзко. Блистательный ход.

В свои последние минуты Хелдан
успел пожалеть о том, что не успел
закончить с Роуном. Пусть и пустой, его
разум был в чем-то близок инквизитору.
Но эти двое, Корбек и Ларкин, вмешались
так не вовремя! Поэтому Роун просто
чувствовал присутствие Хелдана, а не
подчинялся его командам.

Теперь уже не важно. Хелдан
просчитался, причем самым
непростительным образом. Близкая
гибель затуманила его разум, и он
поспешил. Он влил слишком много своего
духа в марионетку. Отдача от смерти
этой оболочки оказалась слишком сильной.
Надо было защитить разум от возможной
стертельной травмы. Инквизитор забыл
об этом.

Тибель Ферейда была самой тяжелой и болезненной из всех возможных. И весь ее кошмар проскользнул по психическому каналу в сознание Хелдана. Он почувствовал каждое мгновение смерти Ферейда. Она сплелась с его собственной кончиной.

Тело Хелдана забилося в конвульсиях и взорвалось. Неуправляемая психическая энергия вырвалась из груди ошметков, продолжая сокрушать все материальные преграды. Смерть умножала сама себя. Наверху, на командном мостике, Тектор Дравер почувствовал дрожь палубы и завертелся в кресле, выискивая причину.

«Левиафан» исчез в яркой вспышке взрыва, поднявшейся к небесам колоссальным огненным грибом. Освободившаяся энергия инквизитора просто расщепила огромную боевую машину на атомы.

--- Готово! --- крикнул Роун.

Майор и Каффран бросились вон из зала. Остальные Призраки уже ждали их у выхода. Ревущую машину за их спинами окутали клубы пара.

--- Скорее, Маколл! --- позвал комиссар.

Одна из решеток вдалеке наконец упала и жалобно захрустела под стальными ногами. Железные Люди покинули свою катеру. Их собратья набросились на решетки с новой силой, продолжая бормотать свои бинарные коды. Только в глазах все ярче разгоралось мертвое пламя, подобное огненному шлейфу ракеты.

Железные чудища беспорядочно разбрелись по залу, будто разбуженные среди ночи люди, не понимающие, что происходит. Маколл, устанавливавший последние заряды, в оцепенении следил за их отрывистыми движениями.

Потом трясущаяся машина оглушила его громким ревом. Один из люков распахнулся и окатил диверсанта волной пара. Маколл повалился на колени, задыхаясь от жара.

--- Маколл!

Оглушенный танитец не видел, что вдруг появилось из клубящегося дыма за спиной.

Новорожденный Железный Человек Первое дитя системы СШК, гремевшей многие века. Он сделал первый, еще неуверенный шаг. И все Железные Люди в зале и в темноте клеток издали протяжный вой. Долгий, скорбный плач. Будто в машинный язык вдруг влился человеческий крик.

Что-то не так с новорожденным. Среди идеальной симметрии анатомической брони Железных Людей он казался уродливой карикатурой на своих собратьев. Его огромное тело, покрытое черными изуродованными бронепластинами, горбилось под собственной тяжестью. Одна рука была непомерно глиняной и массивной, грубая --- едва сформировавшейся, тонкой, изломанной. Над глиняным звериным черепом высились гнутые рога. Озаренные злым желтым светом, его глазницы сочились густым, маслянистым гноем.

Бездумно щелкала кривыми зубами
отвисшая челюсть. Чудовище неуклюже
подалось вперед.

Дорген кричал о том, что комиссар
был прав. Гаунт не слушал. Со всех ног он
бросился к давящемуся кашлем Маколлу и
повалил его на пол. Над ними мелькнула
огромная рука механического урога.

Все только начиналось. Гаунт
выбрался из-под тела Маколла и
попытался поднять его на ноги, когда
Железный Человек снова направился к ним.
Огромные челюсти хищно лязгали. За его
спиной туман выходного люка исторг
второе чудовище.

На новорожденного обрушился
лазерный огонь, заставив отступить на
шаг. Усилия Каффрана оказались
напрасны. Тусклая броня чудовища была
слишком крепкой. Все, что могли сделать
выстрелы гвардейца, — это слегка
толкнуть его.

Грохот матерясь, комиссар
подхватил Маколла и стал оттаскивать
подальше от железного монстра. Еще две
пары рук подняли диверсанта. Дорген и

Браз не остались в стороне.

Неожиданный удар сбил Гаунта с ног. Когтистая лапа новорожденного скользнула по его спине, вспарывая одежду и плоть. Монстр был слишком далеко, он просто не мог дотянуться... Комиссар перевернулся. Огромная рука чужовища росла, ее механическая структура сама создавала новые поршни, блоки и механические суставы.

Железная тварь продолжала бить. Гаунт из последних сил лавировал в каскаде гремящих ударов. Черная сталь когтей рвала серебро пола, желая добраться до живой плоти.

Роун, Каффран и Ларкин бросились на помощь. Каффран пытался стрелять, но ему мешал Ларкин. Тот бежал перед чужовищем и беспорядочно палил из ружья, отвлекая тварь. В следующую секунду снайпер уже летел к ближайшей стене, отброшенный мощным ударом.

Майор не успел перезарядить шипомет и просто тахал им, как топором. Широкое лезвие штыка звонко врезалось в темный череп. Один из ударов

перерубил сухожилия проводов, и голова чудовища завалилась набок.

Разъяренная машина повернулась и резким движением отшвырнула Роуна. К тому времени рука чудовища выросла до пяти метров. Пользуясь моментом, Гаунт подхватил шипомет майора и вознамерился в другой локоть истончающейся железной конечности.

Второй удар он нанес в голову. Клинок с хрустом пробил железную кожу. Из головы новорожденного брызнул фонтан масла и белесой жидкости.

Чудовище с грохотом упало и затерло. Свет в его глазах стремительно потускнел.

К тому времени люк СШК покинула шестая тварь. В глубине зала упало еще несколько решеток, выпустив на волю четыре десятка Железных Людей. Остальные бились о прутья темниц и надрывно выли.

--- Бежим! --- крикнул Гаунт. --- К фесу все это, бежим!

Они пробирались сюда около четырех часов. Четыре часа пути со дна шахты на склоне холма до ворот Эдикүлы. Каменные гверри наконец презрадили путь коштарам с глазами холодного пламени, и гвардейцы просто бросились бежать. Гаунт понимал, что, даже возвращаясь по своим следам, они потратят больше времени, поэтому, устанавливая таймеры взрывчатки, Роундал ил лишние три четверти часа.

Их шаги уже становились медленнее. Дотор слабел на глазах. Браз и Ларкин кое-как справлялись с тупой болью. Большая часть оружия не работала — голодная темнота опустошила их зарядные устройства. Шиномету Роуна она была не страшна, и майор возглавлял колонну. Рядом шел Маколл, в лазгане которого еще теплился заряд на дюжину выстрелов. Но и его энергия медленно утекала. Доргену, Дотору и Ларкину оставалось рассчитывать на серебристые кинжалы. Благодаря простой механике

древнего оружия винтовка Ларкина все еще работала. Проблема была в покалеченной руке снайпера, поэтому Гаунт отдал его оружие Каффрану, замыкавшему строй. Браз не хотел бросать свою автомашку, хотя в ней и осталось меньше барабана снарядов. К тому же комиссар сомневался, что гвардеец управится с ней в таком состоянии.

Гаунт совсем забыл о крошечной темноте туннеля и теперь тихо ругал себя за это. Фонари разрядились, и гвардейцы остановились у входа в темную часть лабиринта. Теперь они ждали возвращения Маколлы и Каффрана, отправившихся в ближний резервуар искать дерево и ткань среди тел убитых или сектантов. Вскоре у них было двадцатка факелов из деревянных шестов и прикладов, обмотанных лоскутами одежды и облитых драгоценной сакрой Брага из последней оставшейся бутылки. Призраки вновь двинулись по туннелям, осторожно ступая в неровном свете факелов.

Проходя мимо страдной массы трунов в резервуаре, Гаунт хотел было поискать

примитивное кинетическое оружие, способное противостоять тьме, но запах гниющего мяса разнесся по коридорам, и гора трупов превратилась в кишачую массу насекомых.

Нет времени. Вперед, только вперед. Гаунт старался не думать о том, как Маколлу и Каффрану пришлось добывать материал для факелов.

Огонь быстро поедал ткань и дерево, а его света хватало едва ли на пару метров. Комиссар чувствовал, как усталость до краев наполняет его тело. Похоже, здешняя тьма всасывала не только энергию батарей. И если он так устал, что же творилось с Домором? Гаунт дважды останавливал отряд, чтобы Маколл и Роун не оторвались от остальных слишком далеко.

Сколько времени прошло? Хронометр остановился. Гаунт впервые задумался, сработает ли взрывчатка. Быть может, электроника их таймеров выдохнется раньше, чем подойдет время взрыва.

Старый, проседающий туннель поворачивал. Гаунт решил, что они идут

уже часа три. Маколл и Роун исчезли из виду. Комиссар зажег новый факел и пропустил Брага и Ларкина, делящих одну тлеющую головешку на двоих.

— Угем, угем, — подбодрил он их, надеясь, что это правильный путь. — Просто продолжайте идти к выходу. Если встретите майора Роуна и Маколла, передайте, чтобы тоже выбирались.

Без острого чутья Маколла Гаунт чувствовал, что потерялся. Какой уже поворот по счету? Ларкин и Браг, похоже, не волновались об этом. Их выручали танитские рефлексy.

Два силуэта — огромная фигура Брага и узкая тень Ларкина — кивнули и скрылись за поворотом. Скоро исчез и тусклый огонек их факела.

Гаунт ждал. Какого феса, где остальные?

Время тянулось до отворачивания медленно.

Свет. Из темноты вынырнул Каффран с винтовкой Ларкина наготове.

— Что-то не так, сэр?

— Где Доктор с нашим знахарем?

--- Я не видел... --- озадаченно произнес
Каффран.

--- Ты был в арьергарде, боец!

--- Я их не видел, сэр! --- отчеканил
гвардеец.

Гаунт стукнул себя кулаком по лбу с
досады.

--- Продолжай двигаться к выходу, я
помощу.

--- Я вас не брошу одного, сэр...

--- Продолжать движение! --- отрезал
Гаунт. --- Это приказ, боец! Я вернусь и
помощу их.

Каффран медлил. В грожащем свете
факелов Гаунт заметил в его глазах
отблеск обиды.

--- Вы сделали больше, чем я мог
требовать от вас, Каффран. И ты, и все
остальные. Лучшие воины Первого и
Единственного. Если даже мне суждено
сгинуть в этой дыре, я буду рад, что спас
всех, кого мог.

--- Увидимся на поверхности, --- твердо
сказал танитец.

Гаунт побрел обратно, в глубину
туннеля. Огонек Каффрана так и не

сдвинулся с места, пока комиссар не скрылся из виду.

В лабиринте было сыро и душно. Доргена и раненого Дотора все еще не было видно. Гаунт открыл рот, чтобы позвать их, но осекся. Здешняя темнота была слишком странной, слишком густой, чтобы позволить ей слышать свой голос. У Железные Люди могли вырваться из своих камер, разбрестись по лабиринту, прислушиваясь к малейшему шороху.

Дорога шла налево. Гаунт с трудом подавил приступ паники. Он не помнил этого поворота. Должно быть, он где-то сбился с пути и потерялся. «Потерялся», — шептал голос в его голове. Чей? Ферейда? Дерция? Макаромта? «Потерялся, безмозглый, бесхребетный дурак!»

Факел тихо зашипел и погас. Тьма обступила Гаунта. Постепенно глаза привыкли к ней, и он заметил тусклый свет впереди. Комиссар зашагал к нему.

Уже осыпавшийся под ногами туннель вывел его в глубокую пещеру. Ее потолок и стены поросли грибами и мхом.

излучавшим мягкое зеленоватое свечение. Пол устилали каменные насыпи и небольшие озера темной воды. Под ногами перекатывались камешки, и Гаунт изо всех сил старался не упасть. Справа в темноте затаилась бездонная яма. Еще несколько шагов, и он вовремя остановился на краю очередной пропасти. В кратерах вокруг кипела черная маслянистая жижа. Сутрак наполнился жужжанием прозрачных крыльев. В пещере кружили большие уродливые насекомые с глиняными тонкими лапами.

На одной из насыпей неподвижно лежал на боку Домор. Гаунт подобрался к нему. На затылке — рана от удара чем-то тупым и тяжелым. После всего пережитого этот удар был для него почти смертельным. Рядом лежали потухший факел и открытая медицинская сумка. Вокруг разбросаны бинты и медикаменты.

— Доктор? — позвал Гаунт.

Темные фигуры ринулись к нему со всех сторон. Чьи-то сильные руки схватили его. Отбиваясь, он заметил край глаза цвета янтийской униформы.

Внезапность нападения чуть не стоила ему жизни. Домор и разоренная аптечка предупредили его об опасности. Комиссар как следует пнул одного из нападавших. Что-то хрустнуло, хватка ослабла, и Гаунт скользнул в сторону. Серебряный росчерк танитского клинка. Короткий вскрик, а потом — гораздо более громкий, протяжный вопль. Раненый янынец оступился и рухнул в темноту пропасти. Остальные немедленно осыпали Гаунта градом тяжелых ударов. Три пары рук. Значит, трое.

--- Хватим! Эбзан, я сказал хватим! Он мой!

Патриции грубо поставили оглушенного Гаунта на ноги. Пытаясь сторгнуть пелену перед глазами, он увидел перед собой полковника Фленса. Тот стоял за спиной Доргена, держа пистолет у сегого виска военврача.

--- Гаунт.

--- Фленс! Фесов кретин! Сейчас не время для этого!

--- Напротив, комиссар-полковник, сейчас самое время. Наконец-то. Пора нам

с тобой... разобратся.

Трое янтийцев подтолкнули Гаунта навстречу своему командиру.

--- Если ты здесь ради сокровища, Фленс, то я тебя огорчу, --- процедил сквозь зубы Гаунт. --- Ты немного опоздал. Оно взлетит на воздух как раз в тот момент, когда ты доберешься до него.

--- Сокровище? Сокровище, говоришь?! --- Шрам на щеке Фленса искривила улыбка. --- Да мне наплевать на эту гребедень! Пусть Дравер и этот уродец Хелдан возятся с ней. Крал я на их сокровище! Я сюда пришел исключительно для того, чтобы повидаться с тобой!

--- Я тронут, --- произнес Гаунт.

Один из янтийцев с силой ударил его по затылку.

--- Хватит, Аваранч! --- рявкнул полковник. --- Отпусти его!

Патриции нехотя убрали руки от Гаунта и отступили. Стараясь не обращать внимания на гикое головокружение, комиссар выпрямился и посмотрел на Фленса и Доргена.

--- Теперь я бы хотел решить наше

дело чести, — выговорил Фленс.

На лице Гаунта появилась злая улыбка.

— Дело чести? Так ты все об этом? О вражде танитцев и янтийцев? Нет, Фленс, все-таки ты полный идиот. Ты хоть понимаешь это?

— Смеешься над старым долгом? — Фленс скривился от ярости и сильнее прижал лазерный пистолет к голове Доргена. — Хочешь, чтобы я на твоих глазах вышиб старикану мозги?

— Нет, продолжай, — пробормотал Дорген. — Пусть лучше он сразу пристрелит меня, чем я буду слушать эти бредни.

— Не притворяйся! Ты лучше других знаешь всю глубину старой раны, твоего предательства! — с ненавистью бросил янтиец.

— Дерций, — тяжело вздохнул Гаунт. — Ты про Дерция говоришь! Фес святой, неужели ты с этим еще не разобрался?! Я понимаю, янтийцам не хочется признавать, что в их список славы затесался трус. Но это уж слишком!

Дерций, генерал Дерций, Император
прокляни его грязную душонку, бросил
твоего отца и его подразделение погибать
на Кентавре. Просто сбежал и бросил их. У
тогда, на Хегге, это было не убийство, а
полевой трибунал! У меня, как имперского
комиссара, есть право судить. И я
приговорил генерала Дерция к смерти за
трусость!

Он бросил своих людей умирать,
Фленс! Трон Терры, в Гвардии не бывало
полка, в котором не попала бы паршивая
овца, заблудшая душа! Дерций — это позор
для всех янтийцев, а не причина воевать со
тной и толпи Призраками. Из-за этой
бесстысленной тести погибло столько
хороших солдат — с обеих сторон!
Подумаешь, мы утерли вам нос на
Фортис! Подумаешь, набили вам торгды на
Нирите и на «Авессаломе»! Что, янтийцы
настолько тупы, что не знают, где
остановиться? Вы просто не понимаете,
где кончается дело чести и начинается
вопрос дисциплины!

Фленс нажал на курок. Сверкнула
вспышка, и тело Доргена сползло на

каменный пол. Охваченный яростью, Гаунт подался вперед, но ему в лицо уперся ствол лазерного пистолета.

--- Да, это дело чести, --- произнес Фленс. --- Но без всей этой мишеры с полками. Это дело нашей с тобой личной чести.

--- О чем это ты, Фленс?! --- прорычал в ответ комиссар.

--- Твой отец и мой. Я был сыном благородного рода Янта Норманид, я должен был унаследовать родовое поместье и крупное состояние. Но мой отец умер в бесчестии от твоей руки. Я лишился всех титулов и земель. Мне было запрещено даже носить свою фамилию. Я прорывался в свет с самого дна, простым солдатом! Доказывал, что я человек. И заработал собственное имя! Вся моя жизнь обратилась в непосильную борьбу с позором моего рода. И все это --- благодаря тебе!

--- Твой отец? --- эхом повторил Гаунт.

--- Да, мой отец, Альдо Дерций!

Осознание затопило разум Гаунта. Теперь он ясно понял, что это ---

единственная возможная развязка. Он бросился на Фленса.

Лазерный пистолет изрыгнул луч света, опалив грудь комиссара, но не помешав ему наброситься на янтийского полковника. Они сцепились и покатились по острым камням, вонзающимся в их тела. Фленс ударил Гаунта рукояткой пистолета, целясь в висок.

Локоть комиссара врезался в бок янтийца. Хрустнули ребра. Взревели. Фленс уперся тяжелым сапогом в живот Гаунта и перекинул его через себя. Комиссар тяжело рухнул на спину и попытался встать. Кованая подошва сапога с силой швырнула его обратно, взметнув фонтан щебня.

Новый выпад Фленса наткнулся на выставленную ногу Гаунта. Удар мгновенно вышиб весь воздух из легких янтийца. Полковник повалился на своего противника, и его пальцы тут же сомкнулись на шее Гаунта. До слуха комиссара донеслись голоса троих Патрициев, выкрикивавших имя своего командира.

Хватка становилась все сильнее, Гаунт чувствовал близкое удушье. Крик «Фленс!» сменялся родовым именем полковника, которого он так давно лишился:

--- Дерций! Дерций! Дерций!

Дерций. Дядя Дерций. Фесов гадюшка Дерций!..

Прямым ударом Гаунт сбросил с себя Фленса. Из рта янтийца брызнула кровь. Не останавливаясь, Гаунт обрушился на полковника. Три, четыре, пять точных ударов...

Опомнившись, Фленс вложил всю силу в удар. Гаунт снова беспомощно распластался на земле. Янтийский полковник вырос над ним, заноса острый каменный обломок для удара.

--- За отца! --- взревел он.

--- За моего отца! --- парировал Гаунт.

Танитский нож вспорол воздух и пронзил череп Дерция. Крик Фленса захлебнулся кровью. Шатаясь, полковник отступил на шаг и опрокинулся в лужу. Брызги черной жижи.

Гаунт просто лежал среди каменного

крошева, чувствуя свинцовую боль во всем теле. Остались те трое. Они...

Гранули выстрелы: старинная винтовка, лазган и шипомет. Гаунт с трудом поднял голову. Маколл, Роун, Паркин, Каффран и Браз. В темноте остывали трупы янтийцев.

--- Нам надо.... на поверхность... --- прохрипел комиссар.

--- Да, мы туда и идем, --- бросил Роун. Браз подобрал бесчувственного Домора. Заставив себя встать, Гаунт подошел туда, где лежал Дорген. Врач все еще дышал. Выстрел только обжег его, как и Гаунта. Темнота выпила зарядное устройство лазерного пистолета почти до дна. Комиссар поднял тело Доргена. Каффран и Маколл попытались помочь ему, но Гаунт оттолкнул их.

--- У нас мало времени. Давайте выбираться.

Подземный взрыв уничтожил большую часть капища Примарис на Меназоуде Эпсилон. Пламя не утихало очень долго. Одержав победу, имперские войска покинули планету и вернулись на транспортные корабли.

Гаунт получил личное письмо от Макаромта, в котором военный шеф поблагодарил его за проявленное мужество и поздравил с успешной операцией.

Сложив листок, Гаунт просто выкинул его. Перевернутый бинтами, он с трудом шагнул по палубе бортового лазарета «Наварры», осматривая раненых. Домор, Дорден, Корбек, Браз, Ларкин и еще добрая сотня...

Проходя мимо койки Корбека, он услышал хриплый шепот. Комиссар подошел ближе.

— Роун сказал, вы нашли эту штуку. И взорвали. Откуда ты знал?

— Что знал, Корбек?

— Откуда знал, что делать? Тогда, на Пирите, ты сказал, что нам выпал тяжелый путь. Потом мы узнали, за чем гонится. И все равно ты молчал. Только

ты мог знать, что делать с этим «сокровищем». Так почему ты решил его взорвать?

--- Потому что так было правильно, --- улыбнулся Гаунт. --- Ты и представить не можешь, что я там увидел, Колм. Знаешь, люди порой делают безумные вещи. Фес, будь я таким же безумцем, я бы сам попытал счастья... И если бы мне повезло... Кто знает, быть может, я стал бы военлейстером. Или каким-нибудь императором...

--- Император Гаунт, надо же... Да, звучит. Только богохульством отдает, поэтому.

Комиссар вновь улыбнулся.

--- Это было так странно... Сокровище цвета Вермильон, веками хранившееся на Меназоиде Эпсилон, оказалось проклято Хаосом. Это ересь, Колм. Мерзкая штука, с какой стороны ни посмотри. Но если честно, я взорвал ее не поэтому.

--- Шутишь? --- Корбек устехнулся в кулак. --- И почему же тогда?

Обрат Гаунт подпер голову руками и вздохнул, как может вздыхать человек.

сбросивший с плеч непомерно тяжелый груз.

--- Кое-кто попросил меня об этом, полковник. Много-много лет назад...

ВОСПОМИНАНИЕ

Дарендара, двадцать лет назад

Посреди заснеженного двора при свете походной печки четверо гирканских солдат нарезали фрукты. В подвале они нашли несколько бочек и, недолго думая, вскрыли их. Внутри обнаружились большие круглые плоды, летний урожай, засоленный в пряном масле. С громким смехом и шутками они разрезали их ломтиками на постаменте ближайшей каменной опоры. Кто-то из гвардейцев стащил из кухни большое серебряное блюдо. Гирканцы выкладывали на него сочные дольки, собираясь отнести их в гостиную, где большая часть полка праздновала победу.

Ночь неслышно кралась по разбитым крышам зимнего дворца. Холодные небеса мерцали россыпью ледяных огоньков. Комиссар-кадет, которого называли Мальчиком, рассеянно прогуливался по двору и слушал тишину. Откуда-то со стороны каменных ступеней доносились веселые крики, смех и пение. Гаунт улыбнулся. Он расслышал знакомый казарменный гимн победы. Его нестройно голосили четыре десятка гирканцев. Кто-то заменил в стихах имя героя на имя самого Гаунта. Конечно же, оно не укладывалось в размер, но солдаты все равно пели этот куплет с еще большим воодушевлением.

Кадет повел плечами, чувствуя боль от непрерывных похлопываний, которыми сопровождалось каждое поздравление с победой. У него даже появилась надежда, что теперь его перестанут звать Мальчиком.

Он поднял взгляд к небу. Где-то в темноте неспешно проплывали тяжелые войсковые транспорты с оккупационными войсками на борту. Гаунт различил яркие

точки их габаритных огней. Они напояли медленно плывущие по небу созвездия. Гаунт никак не мог понять значения звезд. Люди рисовали из них целые фигуры на небосводе: воинов, быков, змей, короны. Эти образы казались ему нагуганными, притянутыми за уши к естественному расположению светил. Давным-давно, дома, на Манзипоре, старый повар Орик по вечерам усаживал его на колени и рассказывал о созвездиях. Орик знал их названия и умел рисовать на небе. Он водил пальцем от одной звезды к другой, пока из них не складывался баран или лев. А маленький Гаунт не мог разглядеть эти образы без линий, соединяющих звезды.

И теперь он тоже видел огоньки, обозначающие челноки, но не видел истинной формы кораблей. Только огни. Огни и звезды, звезды и огни. Отблески истин и смыслов, которые он еще не научился видеть.

Местами зимний дворец еще горел. Увремя от времени звезды и огни кораблей скрывались за клубами дыма, тянущегося

от израненного здания.

Застегнув теплый плащ, Гаунт зашагал по каменным плитам площади. Талый снег хлюпал под подошвами сапог. Он миновал кучу сепаратистских шлемов, сваленных в центре площади монументом победе. От них кисло пахло потом и поражением. Кто-то грубо намалевал на них грифона — символ гирканского полка.

Кагет вошел в круг света от печки, и солдаты немедленно заметили его.

— Глядите, Мальчик! — воскликнул один из них.

Гаунт улыбнулся и поторщился одновременно.

— Победитель Дарендары! — крикнул другой полным хмеля голосом, без тени иронии.

— Давайте, сэр, отпразднуйте со всеми! — продолжал первый, вытирая залитые соком руки о китель. — Ребята жаждают выпить за вас пару бокалов.

— Или тройку!

— Или пяток, или десяток! А то и сотню!

Гаунт качнул головой в знак

благодарности.

— Я скоро буду. Пока откройте для меня бочонок.

Гвардейцы только растеялись в ответ и вернулись к своим делам. Проходя мимо, Гаунт обнаружил перед собой протянутый ему полумесяц сочной дольки.

— Хотя бы угоститесь, сэр! Самая освежающая штука, какую пробовал за этот месяц.

Гаунт принял лоттик и стахнул пальцем полную мелких косточек сердцевину. Твердая, вымокшая в масле шкурка огибала слой сочной ярко-розовой мякоти, полной сладкой влаги. Поблагодарив солдат взмахом руки, Гаунт вернулся на прежний курс, впиваясь зубами в дольку фрукта.

Мякоть мгновенно растаяла во рту, хлынув внутрь прохладной сладкой волной. Капельки сока побежали по подбородку. Гаунт растеялся, как прежде. Как мальчишка. И правда, ничего слаще он на Дарендаре не пробовал.

Нет, была все же одна вещь.

Это победа — вот что было слаще

всего. Первая победоносная атака под его командованием. Его первый шанс на деле послужить Императору и Империи Человека. С детства в нем воспитывали любовь к этой службе и гордость за нее.

Яркую полосу дверного проема впереди заслонил темный силуэт. Гаунт немедленно узнал мощную фигуру. Замешкавшись, он попытался козырнуть лоттиком фрукта.

--- Вольно, Убрам, --- улыбнулся Октар. --- Жуй, не отвлекайся. Выглядит аппетитно. Надо бы и мне стащить кусочек. Пойдем пройдемся.

Продолжая глотать сочную корку, Гаунт зашагал рядом с Октаром. Они тиновали группу солдат у печки. Котиссару кинули целый плод, и он легко разломил его сильными пальцами. Вдвоем они шли в чернильных сумерках по благоухающим аллеям зимнего сада, направляясь к дворцовому храму. Оба не стеснялись чавкать и плевать по сторонам семечками. Октар поделился крупным плодом с Гаунтом, и они с удовольствием прикончили истекающий

соком фрукт.

--- Приятный вкус, --- заключил Октар.

--- И он всегда будет таким приятным? --- немедленно спросил кадет.

--- Всегда, это я могу сказать тебе точно. Победа --- это самый сладкий, самый желанный финал для таких, как мы с тобой. И когда добьешься ее --- выигрей всю жизнь, не оставляй ни капли. --- Октар вытер лицо, скрытое глубокой тенью. --- Не забывай, Убран, не все так очевидно, как кажется. Победа превыше всего. Вся загвоздка в том, чтобы понять, где тебе искать свою победу. Черт возьми, перебить всех врагов --- это дело простых солдат. Для комиссара все гораздо сложнее.

--- То есть --- найти способ победить?

--- Или понять, за что бороться. Или какая победа будет важнее в итоге. Пользуйся всем, что может помочь, не упуская ни одной идеи, ни одной альтернативы. Никогда, слышишь, никогда не ограничивай себя простыми тактическими решениями. Временами офицеры думают головой не больше, чем

орк --- задницей. Мы с тобой ---
политические животные, Убрат. Нашими
усилиями сдвигаются жесткие грани
между черным и белым на войне. Если мы
все делаем верно, конечно. Мы объясняем
смысл битвы, мы переводим ее слова на
человеческий язык. Только мы умеем
чувствовать и передавать ее тонкости,
порой --- само ее назначение. Убийца ---
самая страшная, варварская профессия,
известная человечеству. Мы превращаем
бездушную машину разрушения, созданную
человеком, в разумное существо. Во имя
нашего Господа-Императора. Во имя
спасения наших душ.

Октар затолчал. Вытянув из
кармана роскошную толстую сигару, он
принялся наполнять морозный воздух
колечками густого белого дыма.

--- Да, чуть не забыл, --- вдруг
заговорил он. --- У меня есть к тебе еще
одна просьба, пока ты не пошел отдыхать.
Отдыхать --- что я несу! Пока ты не пошел
праздновать с солдатами и не нажрался
вустерть!

Гаунт растеялся.

— У нас тут дознаватель.
Инквизитор Дифэй прибыл для вопроса
пленных. Ну, ты ведь знаешь, генеральный
штаб все время настаивает на этой охоте
на ведьм. Как ни странно, этот
инквизитор — на редкость разумный
человек. Я знаю его не первый год. Я с ним
только что говорил. Так вот, ему нужна
твоя помощь.

— Моя?

— Именно твоя. Он назвал твое имя.
Кое-кто из пленных не хочет
разговаривать ни с кем, кроме тебя.

Гаунт озадаченно моргнул. Конечно,
он был удивлен. Но кажет очень быстро
понял, кого имеет в виду комиссар-генерал.

— Зайди, поговори с ним перед тем,
как пойдешь дебоширить с ребятами,
ладно? — Октар похлопал его по руке чуть
ниже плеча. — Ты сегодня постарался.
Обрат. Отец был бы горд за тебя.

— Я знаю, сэр.

Возможно, Октар и улыбнулся, но
черная тень храма скрыла его лицо.

Гаунт уже хотел идти, когда
вспомнил, что еще хотел сказать.

--- Сэр, можно ответную просьбу?

--- Конечно, Гаунт.

--- Вы не могли бы как-нибудь повлиять на солдат, чтобы они перестали звать меня Мальчиком?

Гаунт еще долго слышал раскатистый хохот Октара в темноте.

Каждый Гаунт старался выглядеть как можно увереннее. В свете настенных ламп он шагал по глиняному коридору, нежестко поправляя униформу мокрой от сока рукави. Он не забыл удостовериться, что фуражка тоже сидит на нем прямо.

Аркы впереди охраняли двои гирканских гвардейцев в полной боевой выкладке, закинув лязганы за плечи. Были там и другие люди. Среди теней и огоньков свечей копошились фигуры в темных балахонах. Они перешептывались о чем-то, передавали друг другу информационные планшеты и подписывали бумаги с показаниями. В воздухе плыл густой запах лагана. Откуда-то доносились тихие стоны.

Майор Танхаузе, на месте командовавший гирканскими войсками, подмигнул Гаунту и указал на левый коридор.

Там, у закрытых дверей, стоял юноша. «Да он мой ровесник», — мельком подумал Гаунт. Кадет поймал его взгляд. Неприветливый, нужно сказать. Бледный и худощавый, юноша был выше Гаунта. Его тело скрывало глинное багровое одеяние. Тонкие пряди черных волос заслоняли половину его лица.

— Сюда нельзя, — угрюмо бросил он.

— Мое имя Гаунт. Комиссар-кадет Гаунт.

Юноша поторщился, но все же повернулся к двери и постучал. Дождавшись ответа, он приоткрыл створку. Гаунт не расслышал, о чем был приглушенный разговор, но вскоре навстречу кадету вышел некто огромный, прикрыв за собой дверь.

— Спасибо, Гравьер, на сегодня все, — сказал он юноше, и тот отступил в темноту.

Незнакомец был гораздо крупнее

Октара и поражал мощью телосложения. Под его пурпурными одеждами угадывались вычурные доспехи. Маска, скрывавшая его лицо, порядочно испугала Гаунта. Сквозь прорези в материи виднелись только глаза. Несколько мгновений кажет- ся, что он чувствовал на себе внимательный, изучающий взгляд. Наконец инквизитор снял маску.

Его лицо было на удивление красиво. Орлиный профиль, до белизны бледная кожа. Холодные и одновременно приятные светлые черты. Гаунт взглянул в его глаза и с удивлением обнаружил там боль, усталость, понимание, даже сострадание.

— Меня зовут Дифэй, — произнес инквизитор глубоким, звучным голосом. — А ты, я предполагаю, кажет Гаунт.

— Так точно, сэр. Чем я могу быть вам полезен?

Дифэй подошел ближе, взял его за плечи и развернул.

— Девушка. Ты ее знаешь, — утвердительно сказал он.

— Да, я ее знаю. Я... встречался с ней.

— Она — это ключ, Гаунт. В глубинах

ее разума лежит ответ на вопрос, почему этот мир поднял мятеж. И мой долг --- найти этот ответ, хотя мне ли не знать, как утомительно это занятие.

--- Все мы служим Императору, милорд.

--- Несомненно, Гаунт. Ну что ж, слушай. Она утверждает, что знает тебя. Уверен, это чужь. И все же она твердит, что будет разговаривать только с тобой. Гаунт, я довольно хорошо знаю свою работу, чтобы увидеть в этом зацепку. Я мог бы... извлечь нужную мне информацию множеством способов. Но наименее болезненным --- для нас обоих --- будет обратиться к твоей помощи. Что скажешь, готов мне помочь?

Гаунт пристально посмотрел на Дифэя. Его жесткая и в то же время добродушная манера говорить напоминала ему о ком-то. Об Октаре? Нет, пожалуй, о гяе Дерции.

--- Что от меня требуется?

--- Пойти и поговорить с ней, ничего более. Там нет записывающих или фотосъемочных устройств. Никто не

бюджет за тобой следить. Я хочу, чтобы ты
просто пообщался с ней. Если она
расскажет тебе то, что хочет, я
воспользуюсь этой ниточкой.

Гаунт шагнул в камеру, и дверь
немедленно захлопнулась за ним. Внутри
— только стол, два стула по сторонам и
натриевая лампа на стене. Больше ничего.
Девушка молча сидела на одном из
стульев.

Кадет присел за стол, напротив нее.

Глубокая чернота глаз и волос. Яркая
белизна кожи и платья. Она и вправду
была красива.

— Убрат! Как я ждала! Мне так
много нужно тебе рассказать! — пропел ее
мягкий, уверенный голос на безупречном
высоком готике.

Гаунт невольно отстранился от ее
прямого, пронизывающего взгляда. Девушка
подалась ближе, наклонившись к столу.

— Не бойся, Убрат Гаунт.

— Я не боюсь.

— А вот и нет, боишься. Мне не нужно
быть мыслевидцем, чтобы заметить это.
Хотя я и есть мыслевидица.

Гаунт глубоко вздохнул:

--- Что ж, тогда расскажи мне, что я должен знать.

--- Хитрый ход, -- рассмеялась она.

--- Послушай, мне тоже не очень хочется сидеть здесь. -- Гаунт нашел в себе силы наклониться ближе и говорить настойчивее. -- Давай покончим с этим прямо сейчас. Ты -- псайкер. Или начинай поражать меня своими видениями, или заткнись. У меня полно дел и без тебя.

--- Например, пьянствовать с солдатами. И лопать фрукты.

--- Чего?

--- Ты очень хочешь сладких фруктов. Жаждешь их. Сладких-пресладких, сочных фруктов...

--- Откуда ты знаешь? -- вздрогнул кадет.

На лице девушки заиграла озорная улыбка.

--- У тебя подбородок и весь плащ в соке.

--- Ну и кто здесь хитрит? -- Гаунт тоже не удержался от улыбки. -- Никакого колдовства, просто внимание к телочкам.

— Но разве это не правда? Велика ли разница в таком случае?

— Велика... — кивнул Гаунт. — То, что ты сказала мне тогда, полная бессмыслица. Но ты вряд ли прочла ее полностью на моей одежде. Зачем ты хотела меня видеть?

Тяжело вздохнув, она опустила голову. Долгое молчание.

Когда она наконец заговорила, голос уже не принадлежал ей. Хриплый, шипящий. Гаунт испуганно отпрянул. «Император, как же здесь холодно!» — пронеслось в голове. Он выдохнул облачко пара и понял, что комнату вдруг наполнил странный, неестественный холод.

— Мне не нравятся эти видения. Убрат, но они все равно приходят, — шептался с ее губ сухой шепот. — Лезут в мою голову. Иногда я вижу что-то очень красивое, иногда — отвратительное. Я вижу то, что люди показывают мне. Мысли — они как книги.

— Я... я... люблю книги, — заикнулся, кажет, ерзая на стуле.

— Знаю. Я видела. Тебе нравилось

читать книги Бонифация. У него была целая библиотека.

Гаунт затер. Страх пробежал вдоль позвоночника ледящей дрожью. От брови по лицу скользнула капля холодного пота. Девушка.

--- Как ты узнала об этом?

--- Ты сам знаешь, Убрат.

Температура в комнате все падала. По крышке стола расплзлась ледяная корка. Дерево начало трескаться. Тело Гаунта покрылось мурашками. Вскочив, он попытался к двери.

--- Довольно! Разговор окончен!

Он дернул дверь, но та не поддавалась. Заперто. И возможно, для него ее не откроют.

--- Инквизитор! Инквизитор Дифэй! --- Гаунт забарабанил по двери кулаками. --- Выпустите меня!

В тесной холодной камере его голос казался глухим и слабым. Никогда в жизни Гаунт так не боялся. Оглянувшись, он увидел, что девушка ползет к нему по ледяному полу. Пустые, черные глаза. Слюна капает из раскрытого рта. Ведьма

улыбалась. И это было самым жутким зрелищем в жизни юного Убрама Гаунта. Она вновь заговорила, и движения ее губ не соответствовали словам, будто их произносило нечто иное. Нечто страшное. Она просто не успевала повторять их ртом.

Забившись в угол, Гаунт бессильно смотрел, как она по-звериному ползла к нему.

— Что? Что тебе нужно? — выдал он из себя жалкий шепот.

— Твоя жизнь, — ответила она глухим, нечеловеческим голосом.

— Убирайся, — прохрипел Гаунт, снова дергая дверную ручку. Ничего не выходило.

— Что ты хочешь знать? — неожиданно произнесло чудовище, словно с каким-то умыслом.

Мысли спешили. Быть может, удастся заговорить эту тварь? Протянуть время, чтобы придумать, как спастись?

— Стану ли я комиссаром? — сказал он первое, что пришло на ум, продолжая бороться с дверью.

--- Конечно.

Похоже, заток поддавался. С трудом, но поддавался. Еще немного. Главное --- продолжать говорить.

--- Рассказывай все, что будет дальше! --- выкрикнул он в надежде, что девушка перестанет ползти к нему.

Несколько мгновений она задушевно молчала. Потом ее глаза налились чернотой, и она заговорила тонким, дрожащим голосом:

--- Я уже говорила тебе. Их будет семь. Семь камней силы. Отсеки их, и освободишься. Не убивай их. Но сначала отыщи своих призраков.

Гаунт только пожал плечами, продолжая выламывать дверную ручку. Он почти не слушал.

--- И какого феса это значит?

--- А что значит «фес»? --- сухо спросила она.

Гаунт затешкался. Он не знал, что это за слово и почему он вдруг произнес его.

--- Твое будущее крадется за тобой, Убрат. Призраки, призраки, призраки!

Наконец Гаунт повернулся к ней лицом. Дверь так и не собиралась открываться, а слюнявая тварь подползла слишком близко. Если другого выхода нет, он не сдастся без боя.

--- Да, за такими, как я, таскается много призраков. Расскажи что-нибудь поинтереснее.

--- Ты --- анром.

--- Кто-кто?

--- Я понятия не имею, что это, --- зашипела она. --- Но ты --- один из них. Анром! Анром! Это ты!

Гаунт отшатнулся к дальней стене, пытаясь увеличить дистанцию. Девушка медленно ползла за ним.

--- Это безумие какое-то! Я ухожу! --- выговорил он.

--- Уходи. Но выслушай еще кое-что, пока ты здесь.

Кагет посмотрел на ведьму и разглядел сквозь упавшие на лицо пряди черных волос леденящую улыбку.

--- Варн знает тебя, Убрат.

--- Уди к чертям со своим варном!

--- Придет день, Убрат... Далеко-

далеко через много лет нечто, окрашенное
цветом Вермильон, станет для тебя
самым ценным на свете. Иди за ним.
Найди его. Другие придут за ним, и ты
прольешь кровь, защищая его. Кровь своих
призраков.

--- Довольно уже!

Девушка медленно передвигала
колени по мерзлоте полу, устилая свой
путь каплями собственной слюны.

--- Не забывай об этом, Убрам! Убрам!
Пожалуйста! Так много людей погибнет,
если ты этого не сделаешь! Так много,
так много!..

--- Если я не сделаю -- что? ---
переспросил Гаунт, все еще пытаясь найти
выход из этого кошмара.

--- Уничтожь. Уничтожь его. То, что
окрашено в цвет Вермильон. Уничтожь
его. Оно рождает железо без души!

--- Ты спятила!

--- Железо без души! -- кричала она,
цепляясь за его ноги, за полы одежды,
покрытой инеем.

--- Отцепись от меня!

--- Миры будут утирать!

Воентейстер үтрет! Не позволяй никому овладеть им! Никому! Оно не просто попадет в плохие руки! Все руки -- плохие! Никто не вправе владеть им! Уничтожь его, Убрам! Прошу!

Кагет что было сил отшвырнул ее от себя, и девушка повалилась на пол. Свернувшись, она начала плакать.

Гаунт подошел к двери и потянул ручку на себя. Щелчок. Открыто. Кагет бросил еще один взгляд в камеру. Девушка медленно поднялась и посмотрела на него красными от слез глазами.

-- Не дай им этого сделать, Убрам, -- сказала она своим голосом. -- Уничтожь его.

-- В жизни не слышал ничего глупее, -- все еще неуверенно произнес Гаунт. Вздохнув, он добавил: -- Если у тебя есть такой дар, почему бы не рассказать мне что-нибудь важное? Что-нибудь, что я хотел бы узнать? Например, как умер мой отец.

Девушка вновь присела на стул. Комнату снова сковал холод. Потрясающий холод. Взгляд ведьмы окунулся куда-то в

самую глубину глаз Убрама Гаунта, в его мысли.

Едва понятая, что делает, Гаунт снова сел напротив нее. Он уже без страха заглянул в темноту ее зрачков. Откуда-то он знал, что сейчас случится.

Ведьма заговорила чистым, ровным голосом.

--- Твой отец... Ты был его первым и единственным сыном. Первым и единственным. --- Помолчав немного, она продолжила: --- Кентавр. Это случилось на Кентавре. Операцией командовал генерал Дерций, а твой отец возглавлял элитный ударный отряд...

Вертильон (киноварь) --- кроваво-
красный, алый цвет.

Ресусцитрекс
жизнеобеспечение.

(лат.)
